

Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение
«Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации»

на правах рукописи

Черемисинова Мария Евгеньевна

**ПРАВОВОЙ СТАТУС СУБЪЕКТОВ
В СЕТИ ИНТЕРНЕТ**

12.00.01 Теория и история права и государства;
история учений о праве и государстве

Диссертация
на соискание ученой степени
кандидата юридических наук

Научный руководитель:
доктор юридических наук,
профессор Н.А. Власенко

Москва–2020

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
Глава 1. Определение правового статуса субъекта в сети Интернет	23
§ 1. Доктринальные и законодательные подходы к определению правового статуса субъекта	23
§ 2. Тенденции формирования понятийно-категориального аппарата при закреплении правового статуса субъекта	60
Глава 2. Элементы правового статуса субъекта в условиях глобальной сети	83
§ 1. Права и свободы: устойчивость традиций и необходимость трансформаций	87
§ 2. Законные интересы и правовые риски: значение и поиск баланса в сфере Интернета	118
§ 3. Обязанности, ответственность и гарантии: способы установления и проблемы реализации	142
Глава 3. Динамика правового статуса субъекта в виртуальной среде	176
§ 1. Приобретение и прекращение правового статуса: условия, способы, последствия	176
§ 2. Преобразование правового статуса: факторы, формы, критерии	196
§ 3. Конкретизация правового статуса в правоприменительной практике	223
Заключение	242
Список использованных источников	251

Введение

Актуальность темы исследования. Стремительное развитие информационно-телекоммуникационных технологий, увеличение скорости распространения и объемов информации, формирование информационного общества, а также активное вовлечение широких масс населения в трансграничный информационный обмен обуславливают повышенное внимание общества к правовому регулированию деятельности в сети Интернет (далее также – цифровое пространство, виртуальная среда, глобальная сеть).

На международном уровне поставлен вопрос¹: как обеспечить верховенство права в Интернете, нейтрализовать онлайн-угрозы, которые имеют непредсказуемый характер. Поиску ответа на этот вопрос будет способствовать определение ключевых для виртуальной среды субъектов, их технологических возможностей, зон влияния и пределов ответственности, что с юридической точки зрения может быть осуществлено посредством исследования и регулирования правового статуса этих субъектов.

Такое исследование имеет важное значение для правотворчества, так как в настоящее время введение правовых регуляторов в цифровом пространстве вызывает широкий общественный резонанс, влечет усиление правового нигилизма пользователей. Законодательство отстает от внедрения технологий и развития общественных отношений онлайн. Это во многом связано с ослаблением внимания законодателя к субъектам права, недоучетом их правовых статусов при разработке нормативных положений.

¹ См.: Создание глобальной культуры кибербезопасности и оценка национальных усилий по защите важнейших информационных инфраструктур (Резолюция, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 21 декабря 2009 г.) // URL: <https://undocs.org/ru/A/RES/64/211>; Верховенство права в Интернете и в остальном цифровом мире (тематический доклад, опубликованный Комиссаром Совета Европы по правам человека). Издательство Совета Европы, 2014 // URL: <https://rm.coe.int/16806da6be>.

Исследование правового статуса субъектов позволит определить, кто должен и может быть задействован в правовом регулировании, принимать более взвешенные решения при обеспечении национальной безопасности, поддержке частного сектора в области развития новых информационных технологий, повышении конкурентоспособности страны и реализации государственных стратегий, доктрин, программ в областях информации и цифровизации², а также выработать методологию сбалансированного юридического воздействия на субъектов права в сети Интернет.

Теоретическое исследование правового статуса важно и для правоприменения в связи с появлением новых видов субъектов³, использующих цифровое пространство, и необходимостью разрешения спорных ситуаций, возникающих на интернет-платформе. Практика показывает, что определение признаков субъектов, в соответствии с которыми закрепляется их правовой статус, затруднено из-за постоянного совершенствования технологий и внедрения новых функций, а также довольно широких законодательных дефиниций в отношении субъектов в сети Интернет. Материалы правоприменительной практики отражают необходимость уточнения понятия и содержания правового статуса в условиях его реализации в цифровом пространстве в связи с переходом Интернета из разряда средств коммуникации в разряд общесоциальных благ.

Следует отметить, что понятие правового статуса является одним из наиболее дискуссионных в юридической науке и нуждается в развитии с учетом

² См.: Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии обеспечения информационной безопасности государств – участников Содружества Независимых Государств» (принято в г. Москве 25 октября 2019 г.); распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации»; Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»; Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации»; Концепция общественной безопасности в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 14 ноября 2013 г. № Пр-2685).

³ Например, информационные посредники, организаторы распространения информации, информационные брокеры, новостные агрегаторы, майнеры, облачные провайдеры, операторы больших данных.

новых социальных процессов, которые в современных условиях сопровождаются информационной и технологической революцией. Исследование сложившихся в доктрине и законодательстве подходов к дефиниции правового статуса демонстрирует отсутствие единообразного понимания этого явления в науке и практике, например смешение понятий правового статуса и правового положения субъектов; правового статуса субъектов и правового статуса объектов; правового статуса и правового режима объектов.

В большинстве работ по теории права правовой статус субъектов рассматривается в контексте теории правоотношения. Как самостоятельная тема в учебной литературе он выделяется довольно редко, что, возможно, и влечет указанные терминологические проблемы. При этом активное использование словосочетания «правовой статус» в законодательстве подтверждает его значение в практической сфере и роль в качестве опорной конструкции правового регулирования, предполагающего точное юридическое воздействие на субъект права. Представляется, что актуальными задачами теории права на современном этапе являются модернизация понятия «правовой статус», а также определение содержания и особенностей правовых статусов различных субъектов в Интернете. Это поможет разработать конструктивную правовую политику, направленную на согласование действий сторон в виртуальном пространстве, а в перспективе на создание стабильного правопорядка в информационном обществе.

Состояние научной разработанности темы исследования. Теория правового статуса субъекта сформировалась во многом благодаря трудам Б.А. Кистяковского, Г. Еллинека, Л.И. Петражицкого, Н.М. Коркунова, И.А. Ильина, подробно рассматривавших отдельные элементы правового статуса (права и свободы, законные интересы, обязанности и ответственность).

Исследования правового статуса и утверждение этого понятия в юридической науке и практике осуществлялись усилиями М.М. Агаркова, С.С. Алексеева, С.И. Архипова, Д.Н. Бахраха, С.Н. Братуся, А.Б. Венгерова, Н.А. Власенко, Н.В. Витрука, Л.Д. Воеводина, В.В. Долинской, О.С. Иоффе, Д.А.

Керимова, С.Ф. Кечекьяна, Н.М. Кониная, В.В. Лазарева, Е.Г. Лукьяновой, А.В. Малько, Г.В. Мальцева, Н.И. Матузова, А.В. Мицкевича, Л.А. Морозовой, В.С. Нерсисянца, Д.А. Пашенцева, Ю.А. Тихомирова, Т.Я. Хабриевой, Р.О. Халфиной, Б.С. Эбзеева, А.Ю. Якимова и др.

Правовой статус анализируется в основном в контексте исследования правоотношений, применительно к определенным отраслям права либо видам субъектов. В частности, правовой статус личности, рассматриваются в работах Д.В. Петровича, С.В. Бабенко, И.А. Карташкина, Н.С. Колесовой, А.М. Ларина, И.А. Ледях и др. В областях конституционного, информационного, гражданского права известны работы Е.С. Андриющенко, В.В. Архипова, И.Л. Бачило, Р.А. Будника, Е.А. Войниканис, А.В. Глушкова, Л.В. Голоскокова, А.В. Даниленкова, Н.А. Дмитрика, А.К. Жаровой, М.Б. Касеновой, М.А. Кудрявцева, П.У. Кузнецова, А.В. Минбалеева, А.В. Незнамова, В.Б. Наумова, И.М. Рассолова, М.А. Рожковой, А.И. Савельева, Л.А. Сергиенко, Э.В. Талапиной, А.А. Тедеева, Л.К. Терещенко, М.А. Федотова, С.Г. Чубуковой, М.В. Якушева.

В то же время теоретические работы обобщающего характера в области правового статуса субъектов в сети Интернет отсутствуют. Настоящая диссертация может способствовать восполнению этого пробела.

Объект исследования – общественные отношения, связанные с установлением и реализацией правового статуса их участников (субъектов права) в глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Предмет исследования – общие закономерности формирования, функционирования и развития правового статуса субъектов в виртуальной среде.

Целью исследования является разработка модели правового статуса субъектов в Интернете, отвечающей современным правовым, социальным и технологическим реалиям, способствующей повышению эффективности правового регулирования их деятельности и обеспечению защиты прав и свобод.

Для достижения указанной цели поставлены и решены следующие **научные задачи**:

– обобщить доктринальные и законодательные подходы к понятию правового статуса в целях установления его содержания с учетом свойств Интернета, которые оказывают влияние на возможность введения правовых регуляторов либо обуславливают возникновение не регулируемых с точки зрения права процессов;

– выявить тенденции формирования терминологического аппарата и юридических дефиниций, направленных на введение новых субъектов в правовое поле или преобразование их правового статуса;

– обозначить специфику правового статуса субъекта в сети Интернет при помощи анализа изменений каждого из его элементов, связанных с воздействием виртуальной среды;

– разработать определение и классификацию цифровых прав и свобод;

– обосновать значение законных интересов как системообразующего элемента правового статуса субъекта в условиях правовой неопределенности и нарастания правовых рисков, связанных с развитием технологий;

– оценить юридические гарантии обеспечения прав и свобод субъектов на основании анализа возможностей установления их обязанностей, ответственности и контроля за их исполнением в Интернете;

– установить динамику правового статуса субъекта в сети Интернет;

– охарактеризовать способы и условия приобретения и прекращения правового статуса;

– определить формы и тенденции преобразования правового статуса, выработать критерии такого преобразования;

– выявить способы конкретизации правового статуса субъектов на основании изучения материалов правоприменительной практики;

– сформулировать перспективные направления теоретических исследований правового статуса субъектов в Интернете.

Методологическую основу исследования составляют всеобщий диалектический метод познания и основанные на нем общие и частные научные

методы, позволяющие изучать явления окружающей действительности, их взаимосвязи и взаимозависимость. В качестве общенаучных в работе использовались системно-структурный и исторический методы исследования, в качестве частнонаучных – формально-юридический и сравнительно-правовой методы, а также логические средства познания: анализ, синтез, индукция, дедукция.

Диалектический метод научного познания позволил установить наиболее общие закономерности функционирования и развития правового статуса как правового явления, объединяющего парные категории прав и обязанностей, законных интересов и правовых рисков, а также исследовать правовые состояния, обеспечение определенности которых предполагает сбалансированное соотношение степени свободы и контроля.

В связи с тем что правовой статус субъекта общественных отношений представляет собой комплексное правовое явление, одним из основных методов исследования стал системно-структурный. Применение этого метода позволило определить содержание правового статуса с учетом разнообразия подходов к его дефиниции и трактовке в правовой, социологической и философской науках.

Исторический метод применялся при исследовании тенденций развития интернет-процессов, обусловивших формирование особой модели правового статуса при переходе Интернета из разряда дополнительного средства коммуникации в разряд общесоциальных благ, требующих гарантий реализации и защиты.

Формально-юридический метод использовался при анализе нормативных правовых актов, закрепляющих правовой статус субъектов в рассматриваемой области, а также направленных на его преобразование. При этом уделено внимание аксиологическим проблемам закрепления правового статуса субъекта в целях сохранения достижений юридической науки и практики в области фундаментальных прав и свобод и ценностных установок, сложившихся на предыдущих этапах развития права.

С помощью сравнительно-правового метода удалось выделить специфические черты, присущие правовому статусу субъектов в виртуальной среде, отличающие его от известных отраслевых правовых статусов субъектов.

Особое место в методологии настоящего исследования занимает правовое моделирование, позволившее с помощью логических средств познания сформулировать определение правового статуса субъекта с учетом максимального количества элементов и факторов, влияющих на его содержание.

Нормативную основу исследования составляют нормативные правовые акты, в которых закреплён правовой статус различных субъектов и устанавливаются права, обязанности и ответственность субъектов в сети Интернет. Важно отметить, что нормативная основа исследования охватывает практически все отрасли законодательства, поскольку в настоящее время на платформе глобальной сети реализуются самые различные виды правоотношений.

Эмпирическая основа исследования представлена актами правоприменительной практики, отражающими правовые последствия реализации правовых статусов субъектов в Интернете. Используются материалы Конституционного Суда и Верховного Суда Российской Федерации, Европейского Суда по правам человека, районных и арбитражных апелляционных судов, Суда по интеллектуальным правам и проч.

Существенную часть эмпирической основы исследования составили данные контент-анализа, позволившего выявить реакцию субъектов на события, связанные с развитием интернет-платформ, а также на регуляторное воздействие со стороны государства.

Научная новизна исследования заключается в теоретическом обосновании новой модели правового статуса, формирующейся не только за счет государственно-правового регулирования, но и на договорной основе, в условиях саморегулирования, развития трансграничной технологической структуры, не обеспечивающей полной гарантии защиты прав и свобод субъектов.

Предлагается рассматривать условия реализации правового статуса субъектов в сети Интернет в качестве массового социально-технологического эксперимента⁴, развернувшегося в ходе стремительного распространения информационно-коммуникационных технологий, поскольку интернет-технологии находятся в стадии постоянного развития, нововведения могут быть внедрены в короткие сроки любыми субъектами в Интернете и распространены на широкий круг общественных отношений.

Впервые в юридической науке правовой статус субъектов анализируется с использованием философских и социологических подходов к исследованию современного общества, характеризуемого как общество риска, в котором темп и масштабы развития технологий, в том числе информационно-телекоммуникационных, превышают возможности правотворческих процедур и процессуальных механизмов защиты прав.

В результате исследования впервые в юридической науке:

- предложена модель правового статуса субъекта в условиях развития и использования глобальной информационно-телекоммуникационной сети;
- выявлено изменение каждого из элементов, составляющих традиционное для современной доктрины содержание правового статуса в сети Интернет;
- разработана классификация цифровых прав и свобод, что может способствовать более точному определению обязанностей, коррелирующих указанным правам, а также обоснованию и легитимации соответствующих ограничений;
- сформулировано определение цифровых прав и свобод, отражающее влияние процессов цифровизации на правовой статус лиц в виртуальном пространстве;

⁴ В контексте данной работы термин «эксперимент» используется в общеупотребительном значении (пробное осуществление чего-либо, деятельность, результаты которой не могут быть точно спрогнозированы) безотносительно к научному методу исследований.

– обосновано включение в содержание правового статуса такого элемента, как правовой риск, характеризующего деятельность субъектов в Интернете;

– определено соотношение правовых рисков с законными интересами, что позволяет прогнозировать развитие института юридических гарантий реализации правового статуса субъекта в Интернете;

– дана характеристика инновационных подходов к установлению обязанностей и введению ответственности субъектов;

– обоснованы тенденции усиления правового статуса субъектов (изменения правового положения субъекта в общей системе общественных отношений) за счет увеличения удельного веса обязанностей в результате привлечения этих субъектов к выполнению публичных функций;

– сформулировано понятие преобразования правового статуса субъектов; определены факторы, формы и тенденции такого преобразования;

– разработаны критерии преобразования правового статуса (показатели, которые должны соблюдаться при преобразовании правового статуса в процессе законотворчества);

– выявлен способ конкретизации правовых статусов субъектов, получающих возможность самостоятельно выбирать свой правовой статус в процессе правоприменения и доказывать его наличие в зависимости от развития спорной ситуации.

На защиту выносятся следующие положения

1. Модель правового статуса субъекта общественных отношений в сети Интернет состоит из двух базовых элементов:

- 1) правового состояния;
- 2) правового положения.

Правовое состояние является подвижным, изменчивым элементом, поскольку подвержено воздействию со стороны внешних технологических и социальных воздействий. Оно, в свою очередь, включает в себя *законные интересы и правовые риски*, т.е. элементы, которые не закрепляются в

законодательстве или договоре, но должны учитываться при введении правового регулирования.

Правовое состояние определяется соотношением законных интересов и правовых рисков, где интересы преобладают, и характеризуется:

– неопределенностью в части юрисдикции, возможностей корректировки договорных условий установления прав и обязанностей субъектов при использовании Интернета и его ресурсов, технологических условий виртуальной среды (таких, как открытый программный код, цифровой след и т.п.), которые в полной мере не может контролировать ни одна из заинтересованных в использовании Интернета сторон;

– высокой степенью взаимозависимости субъектов, обуславливающей особое соответствие их прав и обязанностей, законных интересов и правовых рисков, которое не всегда очевидно в силу постоянного изменения субъектного состава и развития технологий;

– развитием технологической платформы, потенциально способной создать новые возможности и риски при реализации правового статуса субъекта.

Правовое положение субъекта, помимо законодательно закрепленных прав, обязанностей и ответственности, дополняется такими элементами, как права и обязанности субъектов по договору (соглашению), составляющему основу функционирования Интернета в целом и использования ресурсов глобальной сети субъектами в частности.

При этом правовой статус субъекта, сформированный на основании законодательно закрепленных прав и обязанностей, рассредоточенных в нормативных правовых актах разной отраслевой направленности, должен учитываться при корректировке правового регулирования отношений в условиях глобальной сети.

2. Юридические гарантии реализации правового статуса не могут быть обеспечены в полной мере ни одним из задействованных в регулировании Интернета субъектов. Ослабление такого элемента правового статуса, как

гарантии прав и свобод, является существенным отличием правового статуса субъекта в виртуальной среде от иных видов правового статуса.

В условиях фактической конкуренции государственно-правового регулирования и саморегулирования, сложившейся в цифровом пространстве, институт юридических гарантий приобретает ключевое значение для решения вопроса о видах и формах регуляторов, способных обеспечить правопорядок в Интернете.

Юридические гарантии становятся индикатором при определении перспектив общего правового развития интернет-сферы – государственного регулирования либо саморегулирования, поскольку от надежности гарантий и субъекта, способного их предоставить, будет зависеть возможность регулирования, которая позволит сохранить интерес субъектов к участию в сетевых процессах.

3. В связи с высокой скоростью интернет-процессов, появлением разнообразных субъектов и соответствующих дефиниций предлагается использовать интуитивно-ситуативный подход к формированию терминологии в области правового статуса субъектов вместо системообразующего, принятого в доктрине и практике.

Максимально широкие трактовки законодательно закрепленных терминов, которые можно распространить на несколько субъектов, явлений или процессов, соответствуют динамике развития общественных отношений в такой новой, инновационной сфере жизнедеятельности, как Интернет.

Закрепление за субъектом законодательного термина в данном случае может рассматриваться не как завершающий этап, на котором четко определяются права, обязанности и положение субъекта в системе общественных отношений, а напротив, как отправная точка в формировании его правового статуса, требующего дальнейшего развития и конкретизации.

4. В настоящее время нет достаточных предпосылок для того, чтобы отнести правовой статус субъектов в сети Интернет к какому-либо отраслевому

правовому статусу, поскольку деятельность субъектов в глобальной сети связана и с правом на образование, и с правом на свободу слова и самовыражения, и с правом на свободу экономической деятельности, и с правом на свободу собраний и объединений, а в случае развития и широкого внедрения телемедицины – с правом на здравоохранение и т.д.

5. Цифровые права и свободы, даже если рассматривать их как традиционные, обладают рядом особенностей и оказывают влияние на развитие института правового статуса субъектов в виртуальной среде.

По степени влияния Интернета на изменение состава и содержания основных прав и свобод можно провести следующую классификацию:

– *традиционные* права и свободы, закрепленные в международных правовых актах, конституциях и нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности. Для таких прав глобальная сеть является дополнительным средством реализации и одновременно источником правовых рисков, связанных с проблемой обеспечения юридических гарантий;

– права, появление которых связано с реакцией на неблагоприятные последствия, возникшие в результате использования Интернета, и которые могут рассматриваться как *модификация* известных, утвержденных в социальной практике прав. Речь идет, например, о праве на забвение, праве на анонимность, праве на свободу коммуникации, которые иногда рассматриваются соответственно как право на неприкосновенность частной жизни, право на свободное получение и распространение информации, право на свободу собраний и объединений. Однако дискуссионность их отнесения к тому или иному виду прав актуализирует постановку вопроса о приоритетности их защиты, в том числе на конституционном уровне;

– права, появление которых связано *исключительно с внедрением Интернета* и развитием общественных отношений в цифровом пространстве. Количество таких прав пока невелико, их перечень остается открытым в связи с

небольшим по историческим меркам периодом функционирования глобальной сети. К рассматриваемым правам можно отнести:

- право на доступ к сети Интернет в целом;
- право на защиту от информации;
- право на реализацию так называемого принципа сетевой нейтральности;
- право на доменное имя;
- право на управление субъектом своей персональной информацией в Интернете.

6. Цифровые права и свободы – это расширенные возможности индивидов и коллективных субъектов по реализации всего спектра признанных прав и свобод, а также новые возможности приобретения материальных и нематериальных благ за счет правомерного использования глобальной информационно-телекоммуникационной сети, природа которых предопределяется и законом, и договором, т.е. совмещает публично-правовые и частноправовые основы формирования и регулирования, обусловлена технологическими особенностями функционирования Интернета.

7. Проведенная в работе классификация субъектов по характеру функций, которые они выполняют на интернет-платформе, позволяет с необходимой степенью обобщения выделить три основных вида таких субъектов:

1) обеспечивающие функционирование сети (в основном субъекты частного права: операторы связи, владельцы доменных имен, провайдеры хостинга, владельцы сайта, информационные посредники, организаторы распространения информации);

2) использующие сеть (частные лица и организации, государственные органы, получающие интернет-услуги на основании договора);

3) контролирующие деятельность в сети (субъекты публичного права: правоохранительные, правоприменительные и специализированные

государственные органы, осуществляющие нормативно закрепленные полномочия по регулированию деятельности в Интернете).

Эта классификация иллюстрирует принцип мультистейкхолдеризма (управление Интернетом и его использование на основе равноправия всех заинтересованных сторон) с точки зрения не только многообразия вовлеченных в процесс развития и использования Интернета лиц, но и их тесной правовой взаимозависимости при осуществлении деятельности в Интернете.

8. Увеличение удельного веса обязанностей отражает переход субъекта на новый уровень в системе общественных отношений, предполагающих усиление его значимости в публичной сфере. Это показано на примерах предоставляющих интернет-услуги операторов связи, которые перешли в разряд субъектов критической информационной структуры, а также операторов поисковых систем, которые, накапливая и обрабатывая большие данные о пользователях, принимают на себя функции, например, по защите личной жизни человека либо репутации компании.

Таким образом, по мере вовлечения все большего числа субъектов в интернет-процессы роль некоторых обеспечивающих субъектов в системе общественных отношений заметно повышается, что и отражается при изменении их правового статуса. При этом важно подчеркнуть необходимость согласительных процедур и компенсационных механизмов со стороны государства для тех субъектов, статус которых подвергается законодательным изменениям, особенно при введении дополнительных обязанностей и ответственности, поскольку они не должны потерять интерес к осуществлению своей деятельности в качестве, например, субъектов частного предпринимательства и сохранить творческую активность и гражданскую инициативу.

9. Преобразование правового статуса субъекта – это введение таких прав, обязанностей и ответственности, которые влекут изменение роли субъекта в общей системе общественных отношений и технологических взаимодействий в

глобальной сети, оказывают влияние на изменение правового состояния и правового положения других субъектов, затрагивают их законные интересы и формируют новые (либо устраняют имеющиеся) правовые риски. При этом введение нового законодательного термина в отношении субъекта, статус которого преобразуется, будет признаком, а не условием данного преобразования, поскольку само преобразование может происходить в рамках саморегулирования либо договорного регулирования.

Правовой статус преобразуется под влиянием определенных *факторов* (причин, в результате которых возникают предпосылки введения субъекта в правовое поле и потребность такого преобразования). Учет этих факторов позволяет придать легитимность преобразованию правового статуса субъекта. Среди них можно выделить:

- необходимость и технологическую возможность обеспечения государственной/информационной/личной безопасности;
- распространение влияния технологии/ресурса на неограниченное число участников и количество правоотношений;
- уникальность средств воздействия на развитие глобальной сети, способных повысить уровень защищенности других субъектов.

10. Преобразование правового статуса происходит в следующих *формах*:

- *совмещение* правовых статусов субъектов указанных видов (например, когда обеспечивающий субъект становится контролирующим, так как имеет техническую возможность воздействовать на процессы, происходящие на интернет-платформе; использующий – обеспечивающим, поскольку может создать собственную интернет-платформу и поддерживать ее функционирование; контролирующий – использующим, потому что, так же как и большинство субъектов, получает доступ к Интернету на основании договора и использует интернет-платформы для осуществления своей деятельности);
- *интенсификация* правового статуса частного субъекта в связи с необходимостью выполнения публичных функций в целях поддержания

правопорядка, обеспечения информационной и национальной безопасности. Это отчетливо проявляется в процессе введения публичных обязанностей и соответствующей ответственности, когда на субъектов частного права возлагаются функции, например, по участию в защите критической инфраструктуры или в учениях, которые представляют собой совокупность мероприятий по выполнению учебных задач в условиях конкретной ситуации возникновения угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети Интернет на территории Российской Федерации;

– *коалесценция*⁵ (слияние элементов внутри подвижной среды) правовых статусов, когда ввиду закрепления в законодательстве широких определений в отношении отдельных видов субъектов нельзя точно определить их признаки и функциональную принадлежность. При этом один и тот же субъект может совмещать статусы владельца сайта, информационного посредника, организатора распространения информации и поисковой системы. Указанные статусы могут быть установлены в разных отраслях законодательства (например, владелец сайта – в информационной сфере, а информационный посредник – в гражданско-правовой), но предполагают правовое регулирование деятельности субъекта в глобальной информационно-телекоммуникационной сети.

11. *Критерии преобразования правового статуса субъекта* (показатели, которые обеспечат обоснованность преобразования правового статуса с социальных, правовых и технологических позиций):

⁵ Термин «коалесценция» используется для того, чтобы подчеркнуть различие процессов слияния и совмещения правовых статусов. Коалесценция – слияние внутри какой-либо одной структуры, которую в данном исследовании представляет собой правовой статус одного субъекта, выполняющего функции, например, и владельца сайта, и информационного посредника, и организатора распространения информации.

Совмещение же происходит за счет возможности выполнять функции одной группы субъектов другой группой, т.е. здесь правовой статус образуется в результате выполнения и обеспечивающих, и контролирующих функций, а также в результате использования сети. Это преобразование правового статуса как бы сквозное и рассматривается с учетом предварительно проведенной категоризации субъектов на лиц, использующих, обеспечивающих и контролирующих Интернет.

- изменение роли в системе правоотношений (в частности, увеличение количество обеспечивающих либо контролирующих функций);
- наличие возможностей контролировать технологические процессы, связанные с реализацией прав и обязанностей субъектов;
- четкое определение целей преобразования правового статуса с учетом законных интересов других субъектов;
- степень влияния (экономического, политического, информационного, технологического) на правовой статус других субъектов;
- расширение перечня прав и свобод, на которые воздействует субъект в процессе осуществления деятельности в Интернете;
- степень уязвимости субъекта по отношению к технологическому (информационному, политическому и т.п.) воздействию;
- соответствие преобразования конституционным принципам и нормам.

В процессе преобразования правового статуса могут быть затронуты права и обязанности (в форме как договорного, так и законодательного регулирования), вместе с тем законные интересы должны быть сохранены и не могут подвергаться изменению извне в силу их сути, отражающей внутреннюю мотивацию субъекта.

Правовое состояние, в котором находится субъект в момент преобразования (принятия решения о преобразовании) его правового статуса, должно учитываться и также может использоваться при прогнозировании последствий (результатов) такого преобразования.

Механизм преобразования правового статуса субъекта должен соответствовать принципам законности и в первую очередь конституционности, способствовать восполнению государственно-правовых мер регулирования, ограниченных в силу объективных технологических и архитектурных свойств Интернета, а также усилению государственно-частного партнерства с установлением обязательного приоритета соблюдения прав и свобод индивидов.

Теоретическая значимость результатов исследования заключается в разработке модели правового статуса субъекта, позволяющей учитывать

максимальное количество обстоятельств (социальных, экономических, технологических и проч.), определяющих дальнейшее развитие правового регулирования общественных отношений, в которых участвует тот или иной субъект.

Развитие теоретического исследования правового статуса позволит уточнять отраслевые подходы к использованию этой конструкции с учетом интенсивного распространения интернет-технологий во всех отраслях права и законодательства.

Классификация цифровых прав и свобод будет способствовать развитию теории права в условиях цифровизации, определению их природы и свойств, что в целом направлено на повышение уровня защиты прав и свобод субъектов в информационном обществе.

Разработка форм и критериев преобразования правового статуса создает перспективы для дальнейших теоретических исследований в целях научного обоснования правового воздействия на субъектов общественных отношений, вовлеченных в новые технологические и социальные процессы.

Указанные исследования могут использоваться в развитии методологии правотворчества, требующей обновления в современных условиях.

Практическая значимость результатов исследования заключается в том, что предложения и выводы, сформулированные в работе, могут быть использованы:

– в процессе совершенствования законодательства, связанного с цифровизацией, в качестве способов разработки конкретных мер правового регулирования деятельности субъектов;

– в целях минимизации коллизий правовых норм и обеспечения эффективности правового регулирования;

– в правоприменительной практике при определении правомерности деяний субъектов, их фактических возможностей следовать правовым предписаниям

либо при установлении мер ответственности в зависимости от степени технологической зависимости от других субъектов;

– в образовательном процессе при подготовке и актуализации учебников, учебно-методических пособий и преподавании курса теории права и государства.

Апробация результатов исследования. Идеи и выводы, содержащиеся в настоящей работе, были представлены в форме научных статей и материалов коллективных монографий, опубликованных автором.

Основные положения диссертации обсуждались на научных конференциях и круглых столах в Институте законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации в ходе проведения: VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (выступление в качестве модератора круглого стола «Социальные сети: пределы правового регулирования», 31 мая 2012 г.), IV Международного конгресса сравнительного правоведения «Пространство и время в международном и национальном праве» (выступление «Пространственно-временные ограничения прав участников сетевого общения», 3–4 декабря 2014 г.); XII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов «Композиция правового пространства: динамика обновления» (выступление в качестве модератора на Ярмарке идей «Правовые границы: барьеры или просторы», 24 мая 2017 г.); Международной научно-практической конференции «Право и закон в программируемом обществе (к 100-летию со дня рождения Даниела Белла)» (выступление «Правовой статус субъекта в виртуальном пространстве», 27–28 февраля 2019 г.), а также на других научных площадках, в том числе в Центральном доме ученых (доклад «Социальные сети: правовые аспекты», 17 февраля 2014 г.), в Казанском (Приволжском) федеральном университете (выступление в рамках Восьмого российского форума по управлению Интернетом (RIGF 2017), круглый стол «Права человека в интернете: анонимность, приватность, цензура»), 6 апреля 2017 г.), на всероссийском круглом столе с международным участием «Проблемы правового регулирования цифровых технологий» (15 июня 2020 г.).

Структура диссертации обусловлена целью и задачами диссертационного исследования и включает в себя: введение; три главы, содержащие восемь параграфов; заключение; список использованных источников.

ГЛАВА 1

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА В СЕТИ ИНТЕРНЕТ

§ 1. Доктринальные и законодательные подходы к определению правового статуса субъекта

Категория «правовой статус» является одной из наиболее дискуссионных в правовой науке. До настоящего времени единого подхода к определению правового статуса не сложилось. Вместе с тем не возникает сомнений в том, что эта категория одна из ключевых в теории права, где сконцентрированы основные достижения науки и практики в области индивидуальных и коллективных прав и свобод. Именно через правовой статус происходит установление правового регулирования, определяющего правомерные действия субъектов по реализации тех или иных общественных отношений. Далее в правовом поле оказываются результаты этих действий, происходит правовая оценка их последствий.

Согласно концепции внутренней точки зрения Г. Харта для понимания того, как реально функционирует право, необходимо учитывать отношения субъектов права⁶. Однако применительно к общественным отношениям в сети Интернет, а следовательно, и к процессам цифровизации, которые стремительно развиваются во многом благодаря глобальной информационно-коммуникационной сети, субъектам права уделяется недостаточно внимания со стороны правовой науки. В целях восполнения данного пробела и дальнейшего осмысления того, как функционирует (или будет функционировать) право в цифровой среде, необходимо вернуться к теоретическим исследованиям понятия «правовой статус субъекта», являющегося отправной точкой для развития правового регулирования в рассматриваемой области.

⁶ Подробнее см.: Харт Г.Л.А. Понятие права / пер. с англ.; под общ. ред. Е.В. Афонасина и С.В. Моисеева. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2007.

Понятие «правовой статус» активно используется в юриспруденции и остается предметом исследования ученых, которые вкладывают в него различные смыслы и совокупность элементов. Традиционные подходы к определению правового статуса в доктрине связаны с ведущей ролью государства в области установления прав и обязанностей, обеспечения гарантий и исполнения компетенций. Однако этих подходов недостаточно, поскольку Интернет как глобальная структура обладает свойствами, учет которых является обязательным условием для эффективной реализации правового статуса и правового регулирования виртуальной среды в целом.

На основании обобщения определений Интернета⁷ (далее по тексту также – виртуальная среда, цифровое пространство) можно выделить следующие признаки глобальной информационно-телекоммуникационной сети, которые имеют принципиальное значение при исследовании и выделении правового статуса субъекта общественных отношений в сети Интернет в качестве самостоятельной правовой конструкции, способной обеспечить соблюдение прав и свобод в информационном обществе. Так, Интернет – это:

– технологическая платформа, постоянно развивающаяся за счет распространения (в том числе на основании программных документов⁸) и

⁷ См., например: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2009. С. 12; Белов В.А. Digital private law & rights: размышления о преобразованиях, уже произведенных в частном праве развитием глобальной компьютерной сети интернет, и о реформах, его скоро и неминуемо по той же причине ожидающих // Право в сфере интернета: сб. статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 256–310; Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: монография. М.: Янус-К, 2016; Международное право: учебник / отв. ред. С.А. Егоров. М.: Статут, 2015; Mancini A. Internet Justice: Philosophy of Law for the Virtual World. Buenos Books America, 2005; Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров / науч. ред. В.В. Ярков. М.: Инфотропик Медиа, 2011. Сер. «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 1; Модельный закон об основах регулирования Интернета (принят в г. Санкт-Петербурге 16 мая 2011 г. Постановлением 36-9 на 36-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ).

⁸ Окинавская хартия глобального информационного общества // Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56; Тунисская программа для информационного общества

совершенствования, как основа коммуникации, передачи информации и осуществления практически всех видов социальных взаимодействий. Нововведения на интернет-платформе могут быть внедрены в кратчайшие сроки любыми субъектами, которые используют Интернет (один из принципов функционирования Интернета – «инновации без спросу»);

– трансграничная распределенная структура, выходящая за рамки юрисдикции государства и не подпадающая под единообразное международно-правовое регулирование. В плане правового регулирования это обуславливает концепцию распределенной (общей) ответственности, смысл которой заключается в объединении усилий интернет-отрасли (компаний), правительств, правоохранительных органов, гражданского общества и пользователей в деле обеспечения безопасного функционирования Интернета, и в то же время снижение гарантий реализации правового статуса (поскольку общая ответственность может иметь и обратную сторону – когда отвечают все вместе, в итоге не отвечает никто);

– сложное многосубъектное социальное взаимодействие, когда ценность всей сети определяется числом и активностью вовлеченных в сетевые процессы акторов, что влечет дополнительные сложности при введении правовых ограничений, в частности в вопросах идентификации и аутентификации субъектов. Рассмотрение глобальной сети в качестве особой общественной структуры актуализирует использование правовой наукой современных социологических и философских исследований;

– система, обладающая признаками аутопойезиса (как минимум в отношении наиболее массовых интернет-ресурсов, в частности социальных интернет-сетей, а в связи с прогнозами развития Интернета как гигантского

глобального графа⁹ это свойство может быть распространено на Интернет в целом). Аутопойезис обозначает систему, которая воспроизводит все свои элементарные части при помощи действующей сети таких же элементов и благодаря этому отграничивается от внешней среды. Это может происходить в форме жизни, в форме сознания или, в случае социальной системы, в форме коммуникации¹⁰. Право в этом случае становится в определенной степени «внешней средой», от которой сама система начинает отгораживаться, поскольку там формируются собственные правила регуляции, обусловленные механизмами этой самовоспроизводящейся системы.

В рассматриваемом нами случае на это могут оказывать влияние: свойства информации, процесс мультипликации которой в Интернете остановить невозможно без разрушения самой информационной системы; принцип сетевого нейтралитета, подразумевающий, что любая информация считается одинаково важной независимо от ее источника; технологические особенности сети, в частности «цифровой след», которые для виртуального пространства представляют собой естественные условия и влекут постановку вопроса о естественных правах, существующих в интернет-сфере безотносительно к действующему правовому регулированию. В результате возникает дилемма: легализовать уже сформировавшиеся внутри аутопойетичной системы нормы регулирования, обеспечив дополнительные гарантии участникам, либо вводить правила традиционным способом, что может повлечь риск как нарушения самой системы, так и снижения авторитета права;

⁹ Подробнее см.: Тихомиров А.А., Труфанов А.И. Сверхсложные сети: новые модели интерпретации социально-экономических и биосоциальных процессов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 6.

¹⁰ Подробнее см.: Luhmann N. The Autopoiesis of social systems // Luhmann N. Essays on self-reference. N.Y.: Columbia University Press, 1990; Луман Н. Медиа коммуникации / пер. с нем. А. Глухов, О. Никифоров. М: Издательство «Логос», 2005. С. 11; Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.

– система, построенная на договорной основе распределения доменных имен и подключения к Интернету¹¹, предполагающая наличие сильных частноправовых механизмов регулирования общественных процессов, а зачастую и зависимость субъектов от условий пользовательских и аналогичных соглашений, которые, не являясь договорами присоединения, не подлежат корректировке в соответствии с интересами присоединяющихся сторон.

В настоящее время открытый исходный код интернет-протокола, развитие таких инициатив, как One Web или «Сфера», т.е. внедрение космических интернет-технологий, разработка так называемых независимых сетей (Indie Web) как альтернативы мировым интернет-гигантам, увеличение скорости распространения и сами свойства информации¹², позволяют поставить вопрос о реализации правового статуса субъектов в условиях аутопойезиса, трансграничности и неопределенности правового регулирования интернет-процессов, где в качестве участников – и государство, и бизнес, и разработчики информационных технологий, и пользователи.

Перечисленные свойства сети Интернет обуславливают особенности субъектного состава виртуальной среды, отраженные в современной концепции управления Интернетом, принятой на Всемирной встрече по управлению

¹¹ Подробнее см.: Касенова М.Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования интернета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016; Даниленков А.В. Интернет-право. М.: Юстицинформ, 2014; Пахомова Е.П. Договор оказания интернет-услуг связи // Современное право. 2016. № 7. С. 90–93; Абдуджалилов А. Правовая характеристика договоров, заключаемых в Интернете // Журнал российского права. 2016. № 2. С. 71–82; Савельев А.И. Форма договора, заключаемого с интернет-провайдером // Адвокатская практика. 2008. № 3.

¹² В частности, физическая невозможность отчуждения информации от ее обладателя (поскольку информация остается известной тому субъекту, который ее передает тем или иным способом); субстанциональная несамостоятельность (необходимость закрепления на каком-либо носителе); неуничтожимость (это свойство особенно четко проявляется в условиях Интернета, поскольку сама глобальная сеть задумывалась как система, в которой невозможно уничтожить информацию даже при повреждении и уничтожении определенных носителей); возможность неограниченного тиражирования, копирования, воспроизведения и преобразования форм фиксации, что собственно и составляет основное преимущество сети Интернет как глобального носителя информации. См.: Терещенко Л.К. Правовой режим информации: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2007. С. 26.

Интернетом. В результате исследования общественных сетевых структур и трансграничных коммуникаций можно сделать вывод о наличии факторов, уравнивающих подавляющую часть субъектов в возможностях по реализации их правового статуса, что подтверждается введением в правовой оборот (в том числе на уровне программных правовых документов) понятия мультистейкхолдер, подразумевающего не только многообразие вовлеченных в процесс развития и использование Интернета лиц, но и их тесную взаимозависимость при осуществлении любой деятельности в Интернете. В научной литературе отмечается, что в условиях сетевого общения возможности традиционных «влиятельных» структур ограничены множеством других сетевых источников власти, а также фундаментальными свойствами сети – интерактивностью и нефильтрованностью коммуникации (несмотря на ее негативные проявления)¹³.

В связи с тем что число лиц, вовлеченных в интернет-процессы, очень велико, для целей исследования необходимо разделить их на группы, которые позволят на теоретическом уровне выявить основные характеристики правового статуса субъектов с учетом дискуссионности вопроса о том, что правовые константы в виртуальном и реальном мире различаются.

В научной литературе определяются субъекты отношений в сфере телекоммуникаций, в частности государство, органы государственной власти, органы местного самоуправления, государственные и частные предприятия, граждане (физические лица), которые подразделяются по функциональному признаку на строительные и обеспечивающие инфраструктуру телекоммуникаций, эксплуатирующие средства связи компании, ассоциации,

¹³ Ключевые понятия, входящие в это определение, – «множественность» и «интересы», пересечение и правильное разграничение которых должно определять основы управления процессами в Интернете // Минервин И.Г. Культура и этика в экономике: социокультурные факторы экономического роста / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; отв. ред. Н.А. Макашева. М., 2011. С. 141.

фирмы, а также пользователей¹⁴. При этом первые две категории определяют существование Интернета в качестве социальной реальности, в то время как пользователи, хотя и фигурируют в социологической статистике, на перспективы развития Интернета не влияют¹⁵.

Существует и противоположное мнение о том, что именно последние определяют основное наполнение сети, ее ценность и развитие. Все эти «субъекты» могут выполнять роль «программистов» в соответствии со своим положением в сетевой иерархии, но то, какими будут сетевые действия, в конечном счете решает только полный набор «программистов», взаимодействующих между собой¹⁶. Этот подход подтверждается и представителями технического сообщества в контексте анализа сетевого эффекта, который используется при описании явления, когда ценность технологии зависит от «числа игроков, ее использующих»¹⁷. В связи с этим анализ субъектного состава общественных отношений в сети Интернет направлен на выявление места и роли конкретного лица в системе, представляющей собой сетевую структуру и характеризующейся свойствами аутопойезиса и тесной взаимосвязью акторов, которую необходимо учитывать при выстраивании правового регулирования, в том числе установлении правового статуса.

Доктринальное понимание субъекта права, его связанность с определенным правопорядком, который объективно (социально) обусловлен общественными

¹⁴ См.: Бачило И.Л. Информационное право: учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2011. С. 255.

¹⁵ См.: Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности. СПб.: Алетейя, 2012. С. 300.

¹⁶ См.: Мануэль Кастельс о власти и коммуникации в сетевом сообществе (сводный реферат) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. научн. трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал.-информац. исслед.; отв. ред. Л.Н. Верченков, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. М., 2013. С. 66.

¹⁷ Робачевский А.М. Интернет изнутри. Экосистема глобальной Сети. 2-е изд., перераб. и дополн. М.: Альпина Паблишер, 2017. С. 23.

отношениями¹⁸, позволяет сделать вывод о том, что правосубъектность является категорией конкретной¹⁹. По этой причине и перечень субъектов права, и объем их правовых возможностей зависят от того, в каком обществе (его типе) они функционируют. Субъекты, осуществляющие деятельность в сети Интернет, функционируют одновременно и в традиционном, и в информационном обществе, которое в настоящее время находится в стадии формирования, но уже воздействует на социальные процессы, а значит на правовое регулирование и правопорядок. Разграничение традиционного и информационного обществ довольно условно, но очевидно, что одной из особенностей информационного общества является изменение роли определенных категорий субъектов, их функций и значения в системе общественных отношений. Иными словами, происходят изменения в субъектном составе социума, которые проецируются на правовую сферу.

В самом общем виде субъектный состав общественных отношений в глобальной сети можно определить тремя группами субъектов:

- 1) *обеспечивающие* функционирование Интернета (регистраторы доменных имен, операторы связи, провайдеры и т.п.);
- 2) *использующие* Интернет (пользователи, их объединения, государственные органы, предпринимательские структуры и т.д.);
- 3) *контролирующие* деятельность в Интернете (уполномоченные органы власти, общественные организации, владельцы и разработчики интернет-ресурсов и проч.).

При этом указанные субъекты могут быть индивидуальными и коллективными, совмещать перечисленные функции, т.е. обеспечивающие

¹⁸ См.: Хабриева Т.Я. Введение в кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 23.

¹⁹ Подробнее см.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962. С. 5, 23.

субъекты могут выполнять контролирующие функции, контролирующие – использовать интернет и т.д.

Полагаем, изучение правового статуса субъекта применительно к цифровой среде необходимо начать с рассмотрения доктринальных подходов к определению правового статуса *личности*, хотя в дальнейшем особенности всего субъектного состава общественных отношений в сети Интернет помогут раскрыть механизм формирования и реализации правового статуса в глобальной сети с учетом ее свойств.

Так, по утверждению Н.В. Витрука, права, свободы и обязанности являются необходимым условием и предпосылкой бытия личности, в определенной мере отражают *природу государства*²⁰. Правовой статус личности – это ценное правовое явление, выражающее то высокое значение, которое личность имеет в обществе. Его основой является *конституционный статус* личности, где права, свободы и обязанности в совокупности образуют единый, целостный, внутренне согласованный и целенаправленный комплекс, обладающий системными характеристиками²¹.

По мнению С.И. Архипова, современное понимание правового статуса личности основывается на том, что правовая личность человека формируется, создается и поддерживается государством. Данное понимание обуславливает принципиальный подход к разрешению проблемы индивидуализации, персонализации правового регулирования, учета особенностей в праве конкретной личности²².

По своей сути идея закрепления и обеспечения того или иного правового статуса – это идея государственного управления. Она не выражает, не включает в

²⁰ См.: Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1985. С. 10–11.

²¹ Там же.

²² Архипов С.И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2004. С. 287.

себе возможность и действительность «суверенитета личности», ее первичности по отношению к государству²³.

В некоторых работах по теории права²⁴ этот тезис развивается и поддерживается, а также утверждается, что государство, «фиксируя то или иное проявление гражданского состояния личности, заранее определяет объем правового статуса (комплекса прав, свобод и обязанностей), т.е. признает его субъектом действующего или будущего возможного права во всем объеме правового статуса»²⁵.

В правовом государстве закрепление статуса не может служить средством обязывания личности (в правовом статусе, по мнению С.И. Архипова, должен быть только один обязательный для всех элемент – признание человека в качестве первичного и «суверенного» субъекта права), а может служить лишь ориентиром для уточнения, детализации правосубъектной связи, сигналом к установлению и обеспечению тех правовых *возможностей*, которые еще не гарантированы правопорядком²⁶.

Важное значение для настоящего исследования имеет определение правового статуса коллективных образований, которые на интернет-платформе представлены не только многочисленными организациями с определенной организационно-правовой формой, но и спонтанно формирующимися сообществами, реализующими в процессе использования сетевых ресурсов свой правовой статус. Н.М. Конин определяет административно-правовой статус,

²³ Архипов С.И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2004. С. 290.

²⁴ См., например: Петрович Д.В. Становление и эволюция правового статуса личности в российском законодательстве (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

²⁵ Там же.

²⁶ См.: Архипов С.И. Указ. соч. С. 291.

который может рассматриваться как совокупность прав, свобод и обязанностей гражданина, а также как компетенция организации или юридического лица²⁷.

Компетенцию применительно к правовому статусу рассматривает также Ю.А. Тихомиров²⁸. По мнению указанного автора, компетенция – базовое понятие публичного права, *определяющее жизнедеятельность субъектов не только публично-правовых, но и частноправовых отношений*. Оно признается и устанавливается прежде всего нормами конституционного, административного, финансового, уголовного и международного публичного права. Реализуется же компетенция с помощью норм всех отраслей права, и данное соображение автор считает важным для правоприменительной практики²⁹. Таким образом, формулируя широкую дефиницию компетенции – как определяющее жизнедеятельность всех субъектов, автор тем не менее делает акцент на государственно-правовой подход к ее определению и установлению, подчеркивая значение отраслевого регулирования³⁰.

Применительно к сфере частного права в исследовании В.В. Долинской отмечается, что правовой статус (положение) является стержнем статутных (организационно-имущественных) отношений, которые выделены в п. 1 ст. 2 ГК («гражданское законодательство определяет правовое положение участников гражданского оборота»)³¹. Автор выделяет три наиболее яркие позиции о содержании категории «правовой статус»:

²⁷ См.: Конин Н.М. Субъекты административного права. Административное право России. Общая и Особенная части: курс лекций. М.: Юристъ, 2004. С. 68–73.

²⁸ Подробнее см.: Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М.: Юстицинформ, 2001.

²⁹ Там же.

³⁰ Следует отметить, что нормы гл. 4 Федерального конституционного закона «О референдуме Российской Федерации» посвящены и вопросам полномочий (в частности, дозволений и запретов), что отражает восприятие законодателем теории компетенции. Аналогичную ситуацию мы видим и в Федеральном законе от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике», где в ст. 33 устанавливаются особенности правового статуса и полномочия организаций коммерческой инфраструктуры.

³¹ Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России. 2012. № 2. С. 6–19.

1) правовой статус включает в себя категории прав, свобод и обязанностей, характер иных элементов является достатусным, послестатусным или надстатусным³²;

2) к правовому статусу относятся все правовые средства, легально определяющие и закрепляющие положение лица в обществе³³;

3) в понятие правового статуса входит часть правовых средств, легально определяющих и закрепляющих положение лица в обществе³⁴.

Каждое из этих утверждений является дискуссионным, требует осмысления и анализа и наглядно показывает разнородность научных позиций относительно понятия «правовой статус».

Кроме того, существуют позиции, согласно которым отождествляются правовой статус и правовое положение (например, Н.А. Баринов³⁵), правовой статус и правосубъектность (в частности, А.В. Мицкевич³⁶; распространенность данной позиции отмечал и Н.И. Матузов³⁷).

С.С. Алексеев не отождествлял правовой статус и правовое положение, но относил к элементам первого правосубъектность, основные права и обязанности субъектов, а к элементам второго – конкретные права и обязанности лица, связанные с наличием определенных юридических фактов³⁸.

³² См.: Общая теория прав человека / И.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин, И.А. Ледах и др.; отв. ред.: Е.А. Лукашева М.: Норма, 1996. С. 29–30.

³³ См.: Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972. С. 191–192.

³⁴ См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979. С. 22–34.

³⁵ См.: Баринов Н.А. О правосубъектности иностранных граждан в России // Актуальные проблемы частноправового регулирования: материалы Всероссийской III научной конференции молодых ученых. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2003. С. 28–32.

³⁶ См.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права.

³⁷ Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987. С. 46.

³⁸ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975. С. 179; Он же. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982. С. 142–143.

По определению Н.В. Витрука, правовой статус – это самостоятельное явление, отличное от правоспособности и правосубъектности в целом³⁹.

В то же время признание и использование понятия правосубъектности дает более полные возможности для понимания и научной интерпретации субъекта права и его правового статуса, для совершенствования механизма правового регулирования⁴⁰.

Для целей данного исследования подобные рассуждения важны и подводят к вопросу о включении в состав субъектов общественных отношений в сети Интернет электронных лиц⁴¹, юнитов искусственного интеллекта⁴², роботизированных систем⁴³, правосубъектность которых пока находится в стадии обсуждения. Факт предварительного обсуждения вопросов правосубъектности применительно к решению вопроса о включении или невключении субъектов в правовое поле может служить основанием вывода о том, что правосубъектность является *условием приобретения правового статуса (или «достатусным» элементом)* и не может в полной мере с ним отождествляться или включаться в его содержание.

³⁹ См.: Витрук В.Н. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. С. 116.

⁴⁰ См.: Пашенцев Д.А. Правосубъектность в современной теории права. В кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 35.

⁴¹ См., например: Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Том 13. № 2. С. 36–55.

⁴² См., например: Морхат П.М. Юнит искусственного интеллекта как электронное лицо // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Юриспруденция. 2018. № 2. С. 61–73.

⁴³ См., например: Степанов О.А. О проблеме правосубъектности роботизированных систем. В кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 284–294.

Необходимо также сделать оговорку о том, что указанные выше виды субъектов в настоящей работе не рассматриваются по причине нерешенности вопросов, во-первых, о их правосубъектности, во-вторых, о наличии у них таких признаков, как сознание и воля, поскольку, как постулируется в правовой науке, «правовые явления и процессы связаны с волей»⁴⁴, так как правоотношения – суть отношения общественные, поэтому признание лица субъектом права происходит на основании его способности вырабатывать, выражать и осуществлять персонифицированную волю. Это качество отражает волевою характеристику дееспособности, на него указывал С.С. Алексеев⁴⁵.

Как отмечал Г.В. Мальцев, «социальная эволюция, развитие индивидов и сообществ людей определяются в значительной мере биологическими и психическими детерминантами, которые проявляют себя как под контролем человеческого сознания, так и в обход его, образуют параллельные либо пересекающиеся линии регуляции индивидуального и коллективного поведения»⁴⁶. Отсюда следует, что состояние и применение права, его эффективность зависят от множества факторов, которые лежат вне сферы самого права. Массовое поведение людей, которое в конечном счете и составляет содержание права, получает ментальное, психическое, биологическое измерения.

В связи с этим такие категории, как виртуальная (цифровая) личность, интернет-боты и прочие программы, способные осуществлять взаимодействия в сети без непосредственного участия человека (даже при наличии в их действиях признаков разумности, что по определению нельзя приравнять к сознательности), в рамках настоящей работы не включаются в субъектный состав рассматриваемых отношений, поскольку предполагается, что все подобного рода явления

⁴⁴ См.: Керимов Д.А. Основы философии права. М.: Манускрипт, 1992. С. 97.

⁴⁵ См.: Алексеев С.С. Общая теория права: в 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., С. 139.

⁴⁶ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2011. С. 12.

возникают и функционируют только в результате деятельности субъектов, наделенных сознанием и волей⁴⁷.

Более того, для такого нового по историческим меркам явления, как Интернет, которое постоянно развивается под воздействием множества факторов, важно учитывать поведенческие аспекты субъектов права, в частности их готовность принимать на себя новые статусы, мотивы, определяющие их поведение, причины отклонений от предписанных норм поведения⁴⁸. По мнению Б.А. Кистяковского, действуя через сознание и психику человека, право не может применяться и осуществляться автоматически, так как оно проникает в жизнь благодаря неустанной психической деятельности и духовному творчеству всех членов общества⁴⁹.

Примечательно, что в начале прошлого века в трудах этого правоведа затрагивались вопросы сопряжения права и технологий. Размышления о том, что пространственные расстояния, казавшиеся раньше каким-то пределом для человеческих сил и возможностей, или сокращаются при помощи современных средств сообщения во много тысяч раз, или перестают существовать благодаря телеграфу и телефону⁵⁰, подводят указанного автора к выводу об ошибочности точки зрения позитивистов относительно определения технологии как чисто прикладного знания. Он утверждает, что «технология есть система знаний или теоретических построений, показывающих, как созидать нечто безусловно

⁴⁷ Полагаем, что этот вопрос может стать самостоятельным предметом исследования с использованием акторно-сетевой теории Б. Латура, предполагающей усиление значения участия объектов в функционировании социума наряду с субъектами. Подробнее см.: Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2014.

⁴⁸ Подробнее см.: Хлопаева Н.А. Субъект права: мнение социолога // Журнал российского права. 2015. № 5. С. 36–46.

⁴⁹ См.: Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного института, 1998. С. 402–403.

⁵⁰ Там же. С. 400.

новое»⁵¹. Вместе с тем ученый отмечает первостепенность сознания и психики человека, а также невозможность применения и осуществления права автоматически. Возможно, это положение следует учитывать при анализе инновационных подходов к реализации правового статуса, например, автоматизации исполнения обязанностей⁵².

Важность волеизъявления участников отношений подчеркивается и современными авторами. Правоотношения, прежде чем сложиться, проходят через сознание и волю людей; в свою очередь, воля связана с мотивом и целью. Конечно, существуют ситуации, при которых субъект может не осознавать или не знать, что стал участником правового отношения. Например, субъект, используя программное обеспечение и не зная о существующей ошибке или о прикрепленном вирусе, может быть источником распространения спама, вирусов, создать возможность получения доступа третьих лиц к конфиденциальной информации⁵³

Приведенные примеры определений правового статуса в доктрине демонстрируют многообразие подходов к решению этого вопроса и отчасти иллюстрируют высказывание Г. Еллинека, который отмечал: «Определение какого-либо status'a, поскольку таким определением должно быть охвачено его содержание, является, по существу, неразрешимой задачей; ибо status'ом мы называем именно такое отношение, которое, при переменном содержании, остается неизменным»⁵⁴.

⁵¹ Там же. С. 401.

⁵² Подробнее этот элемент правового статуса рассматривается в § 3 главы 2 настоящей диссертации.

⁵³ См.: Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере // СПС «КонсультантПлюс».

⁵⁴ Цит. по: Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. СПб.: Тип. «Правда», 1909. Т. 1. С. 108.

Л.Д. Воеводин также отмечал различную смысловую нагрузку термина «статус» в различных словосочетаниях⁵⁵.

Вместе с тем в нормативных правовых актах термин «правовой статус» является своего рода опорной конструкцией, используется и трактуется очень широко⁵⁶, в основном в значении «совокупность прав и обязанностей», хотя отсутствие четкого теоретического определения сказывается на практике и проявляется в наполнении рассматриваемого понятия самыми разными составляющими. Основы правового статуса личности закреплены в гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина» Конституции РФ, где в ст. 64 также установлено, что положения указанной главы не могут быть изменены иначе как в порядке, установленном настоящей Конституцией.

Конкретизация правового статуса различных категорий субъектов происходит в федеральных конституционных и конституционных законах, где в определение правового статуса иногда включаются, например, требования, предъявляемые к кандидату на должность, порядок назначения на должность, занятия и действия, не совместимые с должностью, срок полномочий, порядок присвоения квалификационного класса и проч. (гл. II «Статус судьи Конституционного Суда Российской Федерации» Федерального конституционного закона от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

В Федеральном конституционном законе от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» в ст. 12 «Единство статуса судей»

⁵⁵ См.: Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учеб. пособие. М: Изд-во Моск. ун-та, Норма, Инфра-М, 1997.

⁵⁶ См.: Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» (гл. 3 «Правовой статус опекунов и попечителей», Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» (ст. 6 «Правовой статус подозреваемых и обвиняемых»), Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» (ст. 11.1 «Правовой статус частного охранника»), Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» (ст. 5 «Правовой статус лиц, подвергнутых административному аресту») и др.

закреплено, что «все судьи в Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией». При этом четко обозначается разделение понятий «статус» и «компетенция», а определение особенностей *правового положения* отдельных категорий судей, которое, если следовать логике изложения статьи, является составляющей статуса, переносится на следующий уровень правового регулирования – к федеральным законам, а в случаях, ими предусмотренных, также и законам субъектов Российской Федерации.

Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 г. № 5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации» в гл. 4 устанавливает статус наблюдателей, иностранных (международных). При этом определяется, *кто назначает* наблюдателей, представителей средств массовой информации, *кто может стать* наблюдателем (указаны, в частности, условия возраста и гражданства, обязательные для соблюдения, а также *условия, которые исключают возможность приобрести статус* наблюдателя).

Это важный пример определения правового статуса, который отходит от наиболее распространенного подхода, предполагающего установление прав и обязанностей, и демонстрирует закрепление правового статуса посредством определения *корреляций между основным субъектом – адресатом закона – и теми акторами, без участия которых его правовой статус не состоится как таковой*. В свою очередь, это отражает теоретические положения, в которых сформулировано значение *юридической связи как неотъемлемой составляющей правового статуса (положения)*.

В исследовании Р.О. Халфиной, посвященном правовому статусу, указывалось, что под правовым статусом понимаются все виды связей (правовых)⁵⁷; Н.В. Витрук отмечал, что содержание статуса реализуется не только

⁵⁷ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М. : Юрид. лит., 1974. С. 123–218.

в правовых отношениях, но и посредством юридических связей⁵⁸. Н.И. Матузов полагал, что правовой статус как комплексная интеграционная категория отражает взаимоотношения личности и общества, гражданина и государства, индивида и коллектива, а также другие социальные связи⁵⁹.

Таким образом, в исследовании последнего автора принимается в расчет более широкий спектр взаимодействия субъектов: не только юридические, но и «другие социальные» связи. Это необходимо учитывать при исследовании правового статуса субъекта в виртуальном пространстве, где многие взаимосвязи еще не опосредованы правом, но имеют значение для последующей оценки правомерности такого взаимодействия. При этом необходимо подчеркнуть, что даже если само взаимодействие субъектов в Интернете не опосредовано правом и не является правоотношением в известном смысле, то такое взаимодействие все равно осуществляется в результате деятельности обеспечивающего субъекта (оператора связи, например), который фактически является посредником (или проводником) при любых формах интернет-коммуникаций. В этом случае представляет интерес понятие трансдееспособности, т.е. способности своими действиями создавать для других лиц права и обязанности или способности принимать на себя права и обязанности в результате действий других лиц⁶⁰. Указанное понятие может перспективно с точки зрения доктринального исследования в условиях дискуссионности вопроса о правовом статусе субъектов, выполняющих посреднические функции в Интернете.

Наиболее распространенный подход к доктринальному определению правового статуса, заключающийся в установлении прав и обязанностей, воспринят в Федеральном законе от 8 мая 1994 г. № 3-ФЗ «О статусе члена Совета

⁵⁸ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008. С. 339.

⁵⁹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: курс лекций. М.: Юристъ, 2001. С. 45.

⁶⁰ См. подробнее: Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. Изд. 2-е, перераб. И доп. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 299.

Федерации и статусе депутата Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации». Вместе с тем в этом нормативном правовом акте предусмотрены и основные *правовые и социальные гарантии* при осуществлении членами Совета Федерации и депутатами своих полномочий. Аналогично в Федеральном законе от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» ст. 47, определяя правовой статус педагогических работников, закрепляет не только их права и свободы, но и гарантии реализации этих прав и свобод. Следует отметить, что в науке вопрос включения гарантий в состав правового статуса является дискуссионным. Так, по мнению Н.В. Витрука, в содержание правового положения личности (а он отождествлял понятия «положение» и «статус») в качестве его элементов не могут входить общие гарантии (экономические, социальные, политические, духовные, в том числе идеологические) юридических прав, обязанностей и законных интересов⁶¹. При этом указанный автор подробно рассматривает юридические гарантии в контексте исследования правового статуса личности⁶².

Отождествление правового статуса и правового положения, которое поддерживается некоторыми учеными, можно продемонстрировать практическими примерами законодательства⁶³.

⁶¹ См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. С. 28.

⁶² Там же. С. 192–226.

⁶³ В частности, в Федеральном законе от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» содержится гл. 3 «Правовое положение (статус) гражданского служащего»; в Федеральном законе от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» – гл. 3 «Правовое положение (статус) муниципального служащего»; в Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» – гл. 3 «Правовое положение (статус) сотрудника органов внутренних дел»; в Федеральном законе от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» – ст. 2 «Правовое положение (статус) сотрудника дипломатической службы». В ст. 4 «Основы правового положения иностранных граждан в Российской Федерации» Федерального закона от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» термин «статус» не

Исследование правового статуса коллективных образований, которые на платформе Интернета зачастую формируются и действуют спонтанно, подтверждает необходимость выработки особых правовых подходов к определению этих субъектов и их правовых статусов на основе оценки последствий их действий и возможных спорных ситуаций, требующих разрешения правовыми способами.

Рассмотрим законодательные подходы к определению правового статуса коллективных образований, закрепленные в законодательстве. Так, ст. 2 «Понятие статуса столицы Российской Федерации» Закона РФ от 15 апреля 1993 г. № 4802-1 «О статусе столицы Российской Федерации» под статусом столицы Российской Федерации понимает *правовое положение* города Москвы, обусловленное установленными указанным Законом *особенностями прав и обязанностей федеральных органов государственной власти Российской Федерации и органов государственной власти города Москвы* в связи с осуществлением городом Москвой функций столицы Российской Федерации. Очевидно, что правовое положение города предполагает наличие конкретных структур, которые способны реализовать права и исполнять обязанности, т.е. определение правового статуса такого коллективного образования, как город, происходит посредством определения правового статуса институтов, обеспечивающих выполнение административных функций.

В Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) использован термин «юридический статус» иностранной организации, который определяется по праву страны, где учреждено юридическое лицо, организация, не являющаяся

упоминается, но из содержания нормы ясно, что речь идет о правах и обязанностях, которыми иностранные граждане наделены в Российской Федерации наравне с гражданами Российской Федерации, за исключением определенных случаев. В ст. 414 Трудового кодекса РФ устанавливается правовое положение работников в связи с проведением забастовки. Это частный пример закрепления правового положения в конкретной ситуации, требующей повышенных правовых гарантий.

юридическим лицом по иностранному праву, если иное не предусмотрено нормами федерального закона (ст. 1202, 1203).

Другой пример определения правового статуса коллективного образования содержится в Федеральном законе от 7 апреля 1999 г. № 70-ФЗ «О статусе наукограда Российской Федерации», где в ст. 2.1 сформулированы *критерии присвоения* муниципальному образованию *статуса* наукограда и сохранения такого статуса⁶⁴, в числе которых определены специальное материальное и правовое оснащение, которое должно подтверждать готовность и способность осуществлять соответствующую правовому статусу деятельность.

В новой редакции Модельного закона о просветительской деятельности⁶⁵ в ст. 19 указано, что просветительские учреждения, организации, сообщества могут функционировать и вступать в имущественные или иные отношения с другими учреждениями, организациями, сообществами как юридические лица или индивидуальные предприниматели в соответствии с законодательством государства. Это еще один пример, где при определении правового статуса обозначена *регламентация связей с другими субъектами*. При этом важным положением, на наш взгляд, является норма, в соответствии с которой *никому не может быть отказано в праве на создание просветительского учреждения, организации, сообщества и их регистрацию*, за исключением случаев, предусмотренных законом государства по отношению к пропаганде насилия, расовой и религиозной вражды, социальной нетерпимости. Это опять же указывает на коррелирующую обязанность (либо ответственность) инстанции,

⁶⁴ В частности, соответствующее муниципальное образование должно иметь научно-производственный комплекс, расположенный на его территории, разработать и утвердить стратегию своего социально-экономического развития, которая подлежит согласованию с федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере научной, научно-технической и инновационной деятельности, и план мероприятий по реализации этой стратегии.

⁶⁵ Принят в г. Санкт-Петербурге 20 мая 2016 г. Постановлением 44-11 на 44-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ.

принимающей решение о наделении того или иного субъекта правовым статусом, которая подчеркивает фактор взаимосвязи и взаимозависимости в определении правовых статусов субъектов.

В целях настоящего исследования следует упомянуть теорию динамической правоспособности М.М. Агаркова, подразумевающую, что в каждый конкретный момент субъект имеет право обладать определенными правами и обязанностями в зависимости *от его взаимоотношений с другими лицами*⁶⁶.

Актуальность этой теории подтверждается необходимостью исследовать правовые статусы субъектов в их тесной правовой взаимосвязи и с использованием теории управления Интернетом на основе учета интересов всех заинтересованных сторон, которая может способствовать осмыслению возможностей реализации правовых предписаний в такой распределенной общественно-технологической структуре, как Интернет.

Примеры закрепления правового статуса коллективных образований можно продолжить⁶⁷; это подчеркивает востребованность и проработанность в законодательстве вопросов правосубъектности таких объединений, а также вариативность самих правовых статусов в зависимости от необходимости введения того или иного субъекта в правовое поле, что имеет значение применительно к интернет-среде как развивающемуся явлению.

Нельзя обойти вниманием еще один пример установления правового статуса, когда разделены понятия «субъекты» и «участники», хотя нормы об их правовом статусе закреплены в разделе II «Правовой статус субъектов и

⁶⁶ См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИОН НКЮ СССР. Вып. 3. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1949. С. 72.

⁶⁷ См., например: Раздел II «Правовой статус этнокультурных общественных объединений граждан» Модельного закона об этнокультурных общественных объединениях граждан (принят в г. Санкт-Петербурге 14 мая 2009 г. Постановлением 32-8 на 32-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ); ст. 16 «Правовой статус археологической экспедиции» Модельного закона об охране археологического наследия (новая редакция) (принят в г. Санкт-Петербурге 29 ноября 2013 г. Постановлением 39-16 на 39-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ).

участников научной и научно-технической деятельности» Модельного закона о научной и научно-технической деятельности⁶⁸. В статье 4 дана общая характеристика этих субъектов, при этом их отличие от участников не обозначено. Безотносительно к вопросу о терминологической точности обозначения круга адресатов данного закона можно отметить, что и здесь в разделе, посвященном правовому статусу, особое место отводится отношениям между субъектами (участниками), предполагающим наличие регламентированной правом взаимосвязи.

Из приведенных примеров можно сделать вывод о том, что законодатель использует практически все многообразие доктринальных подходов к определению правового статуса субъектов, привнося в некоторых случаях собственный, обусловленной практикой подход. Неслучайно в качестве примеров приведены нормы разных отраслей законодательства, поскольку применительно к виртуальной среде и цифровизации общественной жизни практически каждый из перечисленных субъектов и каждое правоотношение, уже урегулированное в законодательстве, попадает в условия Интернета с его характерными особенностями, влияющими в результате на процесс реализации того или иного правового статуса. Обобщение этих примеров позволит выработать определение правового статуса новых субъектов, действующих, в частности, в интернет-сфере.

Все приведенные примеры доктринальных и законодательных формулировок подразумевают активную позицию субъекта, осуществляющего какую-либо деятельность. Вместе с тем в законодательстве имеются формулировки, в которых правовой статус устанавливается применительно к объекту. Например, в ст. 5 Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды» речь идет об объявлении и установлении *правового статуса и режима зон экологического бедствия* на территории Российской

⁶⁸ Принят в г. Санкт-Петербурге 25 ноября 2008 г. Постановлением 31-15 на 31-ом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ.

Федерации; в ст. 13 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» – о создании *государственного регистра населения, правовой статус которого* и порядок работы с которым устанавливаются отдельным федеральным законом⁶⁹; в ст. 3 Закона РФ от 25 октября 1991 г. № 1807-1 «О языках народов Российской Федерации» – о *правовом положении языков*; в ст. 10 Федерального закона от 22 октября 2004 г. № 125-ФЗ «Об архивном деле в Российской Федерации» – об особенностях *правового положения архивных документов*, находящихся в собственности Российской Федерации, субъектов Российской Федерации или муниципальных образований.

В этих случаях очевидно, что речь не может идти о правах и обязанностях, хотя и утверждение о терминологической ошибке будет слишком категорично. Здесь, скорее, подразумевается положение в системе, значение для данной категории общественных отношений, что также может быть включено в понятие правового статуса исходя из этимологии самого термина «статус».

Для уточнения рассматриваемого понятия необходимо обратиться к словарным определениям. Понятие «статус» (от лат. status – положение, состояние) из юриспруденции было введено в логику Тертуллианом. В идее статуса осуществляется связь идеи универсальности с идеей субъектности, которой присуща интенциональная способность конструировать предмет⁷⁰. Так что, вероятнее всего, последние примеры законодательных формулировок все же несколько искажают сущность понятия статуса, относящегося в первую очередь к субъектам деятельности.

⁶⁹ См.: Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>. В данном Федеральном законе понятие правового статуса не сформулировано, однако закреплена сфера его действия, определение, принципы функционирования и ведения, цели формирования, что в целом обуславливает постановку вопроса о дальнейшем наполнении понятия «правовой статус», в частности применительно к объектам правоотношений.

⁷⁰ См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. / под ред. В. С. Степина. М.: Мысль, 2001.

В некоторых словарях слово «положение» включено в определение статуса: «1. Сложившееся состояние, положение (книжн.). 2. Правовое положение (спец.). Правовой статус гражданина»⁷¹.

В другое определение в понятие статуса как соотносительного положения (позиции) индивида или группы в социальной системе, определяемого по ряду признаков, специфичных для данной системы (экономических, профессиональных, этнических и др.)⁷² добавлено слово «позиция» и сделан акцент на нахождение субъекта (индивида или группы) в системе.

Следует отметить упоминание «состояния» в обоих приведенных определениях правового статуса, поскольку в правовой науке понятия «положение» и «состояние» четко разграничиваются⁷³, следовательно, если в понятие «статус» включаются оба эти термина, то и правовой статус может трактоваться шире, чем правовое положение. Для целей настоящего исследования вопрос о наполнении дефиниции «правовой статус» имеет важное значение, поскольку речь идет о новых по историческим меркам социальных явлениях и

⁷¹ Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 26-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, 2010.

⁷² См.: Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

⁷³ См., например, ст. 3 Федерального закона от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния»: акты гражданского состояния – действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан.

Страховой случай – это правовое состояние (повреждение здоровья), занимающее самостоятельное место среди юридических фактов, которое является результатом правового события (профессионального заболевания), характеризующееся совокупностью юридических фактов и влекущее возникновение правоотношений по страхованию (Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 3 июня 2009 г.).

Судимость представляет собой правовое состояние лица, обусловленное фактом осуждения и назначения ему по приговору суда наказания за совершенное преступление и влекущее определенные правовые последствия (Решение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2008 г. № ГКПИ07-1259).

М.М. Агарков называл вторичные права особыми правовыми состояниями, примыкающими к правоспособности, но не субъективными правами (См.: Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М.: ЮрИнфоР, 2002. Т. 1. С. 278).

процессах, в которых еще только предстоит определиться с тем, что представляет собой совокупность правовых характеристик, позволяющих реализовать права, вводить и выполнять обязанности, обеспечивать защиту прав и законных интересов.

Как выше было указано, термин «статус» происходит от латинского *status*, что означает *состояние, положение субъекта права, его правовое состояние*, характеризуемое комплексом (системой) юридических прав и обязанностей, в связи с чем нередко происходит смешение или отождествление таких понятий, как «правовой статус», «правовое положение» и «правосубъектность»⁷⁴.

В течение длительного периода времени продолжают дискуссии о соотношении терминов «правосубъектность» и «правовой статус». Существует мнение о том, что у лица, не обладающего правосубъектностью – способностью иметь и осуществлять, непосредственно или через своих представителей, юридические права и обязанности, т.е. выступать субъектом правоотношений, не может быть правового статуса. В противном случае речь может идти о правовом положении, которое в большей степени тяготеет к фактическому, а не только правовому состоянию субъекта⁷⁵.

К дискуссии о соотношении понятий «правовой статус», «правовое положение» и «правовое состояние» можно отметить следующее. В правовой науке не сложилось единообразных подходов к использованию понятия «состояние», что вполне объяснимо в связи с общим значением этой категории. Состояние рассматривалось еще в античной философии Аристотелем в качестве

⁷⁴ См.: Летова Н.В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2018. 144 с. См. также: См.: Якимов А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 6; Бахрах Д.Н. Субъекты советского административного права. Свердловск: СЮИ, 1985. С. 5–6; Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Норма, Инфра-М, 1999. С. 512; Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. СПб., 1997. С. 558.

⁷⁵ См.: Тотьев К. Легитимация субъектов предпринимательской деятельности // Законность. 2002. № 12. С. 10–15.

одной из важных категорий в контексте анализа сущности и неопределенности⁷⁶. В соответствии с разными определениями состояние, например, системы – «существующее положение вещей и отношений между ними; понятие достаточно интересное, так как близко к первичным, то есть его трудно выразить через другие более простые понятия»⁷⁷.

В одном случае субъект может находиться в определенном правовом состоянии⁷⁸ (например, взаимозависимости, неопределенности, риска, поиска), обусловленном, в частности, внешними обстоятельствами, но его место в системе общественных отношений, подкрепленное правовыми средствами, еще не определено.

В другом случае четко определенное правовое положение (при наличии закрепленных в законе прав и обязанностей) может не соответствовать тому состоянию, в котором данный субъект реализует свою деятельность. Такая ситуация возникает, например, в Интернете при возложении на субъекта обязанности, которую он не может выполнить ввиду отсутствия у него необходимых технических навыков или средств контроля за процессами,

⁷⁶ См.: Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2018. С.83–84.

⁷⁷ Галкин В.П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы – толкователь слов и идиоматических выражений // Контекстное учебное пособие к циклу «Экологические проблемы человечества». Экология, социология, философия, право. Ч. 2. Чебоксары, 1997.

⁷⁸ См., например: Взаимозависимость представляет собой распространенное *правовое состояние* (экономическое правоотношение), а его правовое определение и оформление являются предпосылкой налогового регулирования и контроля (Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2018 г. № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 25 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Инкар», акционерных обществ «Лизинговая компания «КАМАЗ» и «Новая перевозочная компания»).

В соответствии с Федеральным законом «Об актах гражданского состояния» акты гражданского состояния – действия граждан или события, влияющие на возникновение, изменение или прекращение прав и обязанностей, а также характеризующие правовое состояние граждан (апелляционное определение Верховного Суда РФ от 25 сентября 2018 г. № АПЛ18-38).

Цель юридического прогнозирования – обеспечение научного предвидения динамики правовых состояний, т.е. меняющихся целей и уровней правового регулирования (Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 6.)

происходящими на такой стремительно развивающейся платформе, как Интернет (пример с блогерами, с Ростехнадзором и блокировкой Telegram).

Полагаем, что включение правового состояния в понятие правового статуса обоснованно и имеет важное значение при выстраивании общественных отношений в новых условиях, связанных с очередным витком технологической революции, будь то цифровизация, роботизация, освоение космических ресурсов, внедрение нано- или биотехнологий. При этом изучение общественных отношений в сети Интернет будет наиболее показательным с позиций методологии исследования, поскольку именно глобальная информационно-телекоммуникационная сеть дала импульс развитию и широкому распространению технологий, ставших основой для последующих разработок в разных областях науки и социальной практики, включая основы управления и правового регулирования. Кроме того, Интернет стал первой *социально-технологической* платформой, имеющей распределенную сетевую структуру, что обуславливает необходимость выявления и осмысления места, или положения, субъекта в системе общественных связей, которые непосредственным образом влияют на его правовой статус.

Возвращаясь к исследованию этимологии и словарным определениям понятия «статус», необходимо рассмотреть позиции, согласно которым статус в широком понимании предполагает и ряд сходных личностных черт, обозначаемых как «социальный тип» личности и определяющих впоследствии ее *положение* в определенной, в том числе социальной, системе⁷⁹.

Согласно утверждению М. Вебера статус (указанный автор употреблял термин «Stand»), который обозначает не только положение вообще, но и *сословие*, а применительно к Интернету это может быть определенная страта в иерархии

⁷⁹ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

заинтересованных сторон⁸⁰) – это общность людей, основанная на специфическом стиле жизни, включающем набор привычек, ценностей, верований, представлений о чести и другие психологические моменты⁸¹. В связи с этим необходимо подчеркнуть важность использования результатов исследований социологической науки при анализе субъектного состава общественных отношений в сети Интернет, который направлен на выявление места и роли конкретного лица в системе, представляющей собой сетевую структуру, характеризующуюся свойствами аутопойезиса⁸² и тесной взаимосвязью акторов, что важно учитывать при выстраивании правового регулирования, в том числе установлении правового статуса.

Понятие «статус» применяется и в качестве соотносительного с понятием *роли социальной*, обозначает совокупность прав и обязанностей, а также роль в качестве динамического, т.е. определяющего поведение субъекта⁸³. В этом определении к совокупности «прав и обязанностей» добавляется «роль», которую можно трактовать и как значение для каких-либо отношений или процессов, и как выполняемые действия (компетенции), и как образ, формирующийся в зависимости от качества и количества социальных взаимодействий.

⁸⁰ Понятие «мультистейкхолдер» довольно распространено в научной литературе применительно к концепции управления Интернетом. Например, в исследовании, посвященном социокультурным факторам экономического роста, дано следующее определение: «мультистейкхолдером является каждый экономический агент, т.е. каждый член общества, который вступает в тысячи связей, или сетей, становится участником тысяч интересов». Ключевые понятия, входящие в это определение, – множественность и интересы, пересечение и правильное разграничение которых должно определять основы управления процессами в Интернете // Минервин И.Г. Культура и этика в экономике: социокультурные факторы экономического роста / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. отд. экономики; отв. ред. Н.А. Макашева. М., 2011. С. 141.

⁸¹ См.: Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М.И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения / пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. С. 704.

⁸² См.: Luhmann N. The Autopoiesis of social systems // Luhmann N. Essays on self-reference. New York: Columbia University Press, 1990.

⁸³ См.: Философский энциклопедический словарь / гл. редакция: Л.Ф. Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В. Г. Панов. М.: Советская энциклопедия, 1983.

Понятие статуса в социологию было введено для того, чтобы разграничить социально-экономическое положение от оценки места человека и группы в обществе⁸⁴. В теории социальных ролей статус – это положение, занимаемое человеком в социальной группе и сопрягаемое с совокупностью прав и обязанностей (социальная роль), которая принимается им и «разыгрывается»⁸⁵.

Таким образом, словарное определение статуса через понятие «положение» наиболее распространенное, но к нему не сводится. Напомним, что этот подход нашел отражение в юридической науке, где к элементам первого отнесены правосубъектность, основные права и обязанности субъектов, а к элементам второго – конкретные права и обязанности лица, связанные с наличием определенных юридических фактов⁸⁶, из чего следует мобильность правового положения.

Термин *мобильность* как нельзя лучше характеризует правовое положение субъектов интернет-отношений, и для того чтобы проанализировать его в такой динамично развивающейся сфере, как Интернет, потребуется включить в исследование все перечисленные выше элементы, поскольку в настоящее время остается дискуссионным понятие правосубъектности, в частности коллективных образований, например социальных интернет-сетей, а соотношение прав и обязанностей в этой сфере, в том числе касательно таких новых для юридической науки, как право на забвение, на анонимность или цифровые права, может быть выявлено только на основе исследования конкретных юридических фактов.

⁸⁴ См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т. / под редакцией В.С. Степина М.: Мысль, 2001.

⁸⁵ Там же.

⁸⁶ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 179; Он же. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 142–143.

Если пойти от обратного и исследовать определение понятия «положение», то можно выявить следующие составляющие этого определения: местонахождение в пространстве, состояние, сложившиеся обстоятельства⁸⁷.

Положение причисляют к одной из десяти категорий Аристотеля. В этом случае оно обозначает то же, что место или позиция (Место и Позиция). В распространенном смысле положением какого-либо существа называют *долю* занимаемого им пространства-времени (его собственное здесь-и-сейчас), следовательно, здесь учитывается и его окружение, и занимаемое им место в иерархии⁸⁸. В контексте правового исследования глобальной сети и информационно-телекоммуникационных технологий соотношение пространства, времени и деятельности субъекта (в частности, реализация его прав и обязанностей, а также поиск правовых подходов к их закреплению) имеет особое значение, поскольку традиционные постулаты о действии закона во времени, в пространстве и по кругу лиц нуждаются в переосмыслении с учетом свойств новой виртуальной среды.

Вместе с тем в философском лексиконе слово «положение» может трактоваться в том смысле, который придавал ему Сартр. Находиться в каком-либо положении означает *подчиняться определенному числу заданных принуждений*, которые мы не вольны выбирать, но с которыми не обязаны мириться. «Положение человека, – пишет Сартр, – это двойственный феномен, ибо оно является «совместным продуктом случайности в себе и свободы». Сартр называет это «парадоксом свободы»⁸⁹. Свобода не есть бытие и не может быть определена чем-то существующим⁹⁰.

⁸⁷ См.: Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 26-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, 2010; Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008.

⁸⁸ См.: Философский словарь / Андре Конт-Спонвиль. М.: Палимпсест, Издательство «Этерна», 2012.

⁸⁹ См.: Философский словарь / Андре Конт-Спонвиль. М.: Палимпсест, Издательство «Этерна», 2012.

⁹⁰ Там же.

В теории права подчеркивалось социальное назначение правового статуса и вводилась соответствующая классификация⁹¹. Особое значение для настоящего исследования имеет анализ «правового статуса личной свободы»⁹², поскольку в цифровой среде понятие «свобода» требует, по меньшей мере, конкретизации, если не переосмысления в целом. Обращение к определению положения (как составляющей статуса) через категорию свободы неслучайно, так как современная виртуальная среда изначально формировалась (по крайней мере, декларировалась) как пространство, максимально свободное от каких-либо мер принуждения и контроля (от того, что философ связывает с понятием положения), которые, в свою очередь, неразрывны с традиционными правовыми механизмами, обеспеченными властными институтами.

Понятие свободы оказывается «спасенным» только в приложении к тому, кто не-есть-то-что-он-есть-и-есть-то-чем-он-не-является, иными словами, к тому, «кто неподвластен или думает, что неподвластен, принципу тождества»⁹³. В этой сентенции, по нашему мнению, может быть заключена одна из основных проблем, связанных с осмыслением правовой природы виртуального пространства, – соотношение свободы, самоопределения и самовыражения и «заданных принуждений», которые направлены в первую очередь на обеспечение безопасности.

Свобода самовыражения, обмена информацией, собраний и объединений, предпринимательской деятельности (всего того, что с помощью Интернета активизировалось) в конечном счете определяет ценность всей глобальной сети (которая зависит от числа и активности ее участников/пользователей) и заключается в том числе в отказе от идентификации субъектов – «не-есть-то-что-он-есть-и-есть-то-чем-он-не-является» – как одного из определяющих начал для

⁹¹ См.: Витрук Н.В. Основы правового положения личности в советском обществе. М., 1979.

⁹² Там же. С. 185–186.

⁹³ См.: Философский словарь / Андре Конт-Спонвиль.

правового статуса. Идентификация же предполагает необходимость «подчиняться определенному числу заданных принуждений, которые мы не вольны выбирать, но с которыми не обязаны мириться», но в то же время способна обеспечить безопасность и реализацию юридической ответственности.

Относительно виртуального пространства и правового регулирования в нем можно проследить определенные отличия категории «свобода» от общефилософских концептов. Свобода в Интернете, в отличие от реального мира, может быть «определена чем-то существующим», поскольку сама глобальная сеть – результат развития науки и техники, рукотворная технология, следовательно, интернет-процессы подконтрольны определенным субъектам и зависят от них. Вопрос выбора (права выбора) субъекта в виртуальном пространстве также видоизменяется, поскольку именно виртуальный мир позволяет ему принимать активное участие во многих социальных, государственных процессах путем обсуждения, регулируя степень воздействия правовых предписаний и определяя их направление.

Свобода слова, свобода самовыражения и т.д. получают новые возможности реализации, одновременно возникают новые возможности контроля и ограничения соответствующих прав и свобод, обусловленные так называемой архитектурой глобальной сети. Более того, широкие возможности реализации права свободно получать, использовать информацию с помощью сети Интернет сопряжены с отсутствием каких-либо механизмов управления собственной информацией (в том числе очень личного свойства) и даже с отсутствием информации о том, как эта личная информация используется, и в этом состоит определенный парадокс.

Таким образом, понятие статус шире понятия «положение», связанного с динамикой субъекта, его текущим состоянием. Полагаем важным использовать это в связи с исследованием правового статуса субъектов в условиях неопределенности обстоятельств, продиктованных стремительным развитием виртуальной среды, где, несмотря на широкие возможности по изменению

положения в системе общественных отношений и технологической платформы для реализации этих отношений, обостряется необходимость сохранения стабильных характеристик, позволяющих защищать общепризнанные права и свободы.

В результате с помощью уточнения правового статуса субъекта, включая теоретическое определение, необходимо найти ту меру свободы, которая будет способствовать планомерному развитию информационно-телекоммуникационных ресурсов в качестве важной составляющей информационного общества и в то же время обеспечивать степень защиты основных прав и свобод, установленную в реальном мире.

Одним из примеров наиболее точного определения правового статуса, по нашему мнению, является определение, согласно которому общий правовой статус представляет собой единый комплекс основных, конституционных прав и обязанностей граждан, которые свойственны всем членам общества. Их основу образуют единые юридические предписания, призванные закрепить целостную модель *правового состояния* субъектов. Общий правовой статус – это социально допустимые и необходимые *возможности* личности и как индивида, и как гражданина⁹⁴.

Это определение в связи с особенностями цифрового пространства может быть распространено на разные виды субъектов, в том числе на граждан, лиц без гражданства, коллективы, организации и т.п., и выявление правового состояния, которое в виртуальной среде пока не может быть представлено целостной моделью, но, очевидно, должно быть включено в дефиницию правового статуса.

Важный ориентир в указанном доктринальном определении представляют собой социально допустимые и необходимые возможности, поскольку зачастую технологические платформы предоставляют именно *возможности* (отметим, что

⁹⁴ См.: Власенко Н.А. Теория государства и права: научно-практическое пособие. М.: Прспект, 2009. С. 82.

их упоминание присутствует во многих приведенных выше определениях правового статуса) в реализации прав и свобод пользователей. Вместе с тем вопрос обеспечения гарантий и защиты прав властным (государственным) принуждением остается открытым. Возникает проблема реализации правового статуса в условиях саморегулирования, которое остается основой деятельности большинства интернет-ресурсов.

В связи с тем что в Интернете далеко не все процессы подконтрольны государству и его институтам, не определены корреляции между реализацией прав и исполнением обязанностей, можно констатировать, что мера свободы, которая должна быть установлена в целях поддержания правопорядка, в сфере Интернета также является неопределенной. Введение государственного регулирования может быть сопряжено с ростом недоверия и отчуждением общества от власти, с усилением правового нигилизма. Помимо того, что многие традиционные регуляторы оказываются малоэффективными в защите прав и свобод, попытки введения законодательных ограничений только лишней раз демонстрируют бессилие властей в решении конкретных вопросов и выполнении своих же программ и планов.

Однако государство остается единственным гарантом реализации правового статуса, что признается и на международном уровне, в частности в сфере Интернета. Например, в п. 104 Руководства по правам человека для интернет-пользователей (Рекомендация CM/Rec(2014)) указано: «Государства в качестве части своих позитивных обязательств по защите лиц от нарушений прав человека со стороны частных компаний, должны принимать соответствующие шаги по обеспечению того, чтобы тогда, когда такие нарушения имеют место, те, кто был этим затронут, имели бы доступ к судебным и несудебным механизмам». В Окинавской хартии глобального информационного общества от 22 июля 2000 г.⁹⁵ закреплено: «задача создания предсказуемой, транспарентной и

⁹⁵ Дипломатический вестник. 2000. № 8. С. 51–56.

недискриминационной политики и нормативной базы, необходимой для информационного общества, лежит на правительствах».

Необходимо подчеркнуть, что именно на государство возложена обязанность по обеспечению безопасности и правопорядка. Возникает двойственная ситуация, когда основная структура, ответственная за соблюдение прав и свобод, не имеет достаточных средств для контроля над тем явлением, развитие и безопасность которого составляют одну из его первоочередных задач. Действительно, «киберпространство постоянно задает все новые и новые вопросы, ...а предлагаемые законодателями-традиционалистами ответы, будучи выдержаны в привычной логике разрешений и запретов, с одной стороны, порождают массовое, тотальное нарушение установленного правового порядка, а с другой – способствуют накоплению в нем внутренних логических противоречий»⁹⁶.

Вместе с тем нельзя недооценивать национальное правовое регулирование, которое, во-первых, доказало свою жизнеспособность и прошло долгий путь развития вместе с другими институтами современного общества, во-вторых, открыто для дальнейшего совершенствования и восприятия новых идей, возможно, нуждающихся лишь в адаптации, а не в коренном преобразовании в связи с возникновением новых технологических явлений, в-третьих, гарантированная защита прав в настоящее время установлена только на государственном уровне, а тенденции развития зарубежного законодательства и процессы территориального распространения Интернета показывают усиление государственно-правовых подходов в регулировании и постепенную локализацию интернет-ресурсов в рамках государственных территорий⁹⁷.

⁹⁶ Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // СПС «КонсультантПлюс».

⁹⁷ Это подтверждается результатами исследований такого научного направления, как кибергеография. См. подробнее: Zook, M., Poorthuis, A., Donohue, R. (2016). Mapping Spaces: Cartographic Representations of Online Data. Chapter for the Handbook of Online Research Methods

Таким образом, при исследовании правового статуса, несмотря на возможную трансграничность его реализации, важно учитывать государственно-правовые подходы к его определению.

В результате на основании обобщения доктринальных, законодательных и словарных определений, с учетом особенностей сети Интернет как социально-технологического феномена, можно сделать вывод о том, что правовой статус субъекта общественных отношений в сети Интернет складывается из двух основных составляющих: 1) правового состояния, характеризующегося неопределенностью в связи с активным развитием и технологическими особенностями сети Интернет; 2) правового положения субъекта в системе социально-технологических взаимодействий, предполагающего наличие устойчивых правовых характеристик (прав, свобод, обязанностей), обуславливающих пределы его возможностей и действия взаимосвязанных с ним субъектов, будь то властные структуры, технологические платформы или равноправные с ним акторы.

§ 2. Тенденции формирования понятийно-категориального аппарата при закреплении правового статуса субъекта

Одной из актуальных проблем современного правотворчества в сфере цифровизации является поиск подходов к закреплению в законодательстве терминов, связанных с развитием общественных отношений в глобальной информационно-телекоммуникационной сети Интернет. В частности, в отношении субъектов, деятельность которых предполагается регламентировать. При этом в центре внимания законодателей оказывается правовой статус этих субъектов, поскольку через законодательную дефиницию в том числе происходит

определение места и значения субъекта в системе общественных отношений и соответственно дальнейшее наделение его необходимыми правами, обязанностями, полномочиями и т.д.⁹⁸

И.Л. Бачило справедливо делает вывод о системообразующем значении понятий и категорий, которые определяют правовой статус субъектов, предметную область их интересов и действий, а также об их использовании при формировании различных семантических форм (гlossарии, тезаурусы, словари, энциклопедии)⁹⁹. Согласно идее статуса любое определение есть одно из свойств субъекта. В идее статуса осуществляется связь идеи универсальности с идеей субъектности, которой присуща интенциональная способность конструировать предмет¹⁰⁰.

Вместе с тем в литературе констатируется отставание права и законодательства, в частности терминологии, от темпов развития технологий и общественных отношений, которые складываются на основе, с применением либо в результате их использования¹⁰¹. Стремительное и повсеместное внедрение различных технологических нововведений не позволяет традиционным приемам юридической техники и правотворческого процесса преодолеть проблемы, связанные с определением правового статуса ключевых акторов в области цифровизации. Право в данной ситуации преимущественно задействовано в

⁹⁸ См.: Черемисинова М.Е. Определение субъекта интернет-отношений в праве и законодательстве: проблемы и тенденции развития терминологии // Трансформация правовой реальности в цифровую эпоху: сб. научных трудов / отв. ред. Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: ИНФРА-М, 2019. С. 196.

⁹⁹ См.: Бачило И.Л. О терминах и понятиях в праве // Вопросы правоведения. 2014. № 3. С. 14.

¹⁰⁰ См.: Новая философская энциклопедия: В 4 т./ под ред. В. С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.

¹⁰¹ См., например: Терещенко Л.К. Развитие информационного и телекоммуникационного законодательства (гл. 15. В кн. «Научные концепции развития российского законодательства: монография. 7-е изд. доп. и перераб. / С.Е. Нарышкин, Т.Я. Хабриева, Н.А. Власенко и др.; отв. ред. Т.Я. Хабриева, Ю.А. Тихомиров. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2015. С. 239.

урегулировании неблагоприятных последствий, которые имеют отложенный эффект и зачастую не могут быть спрогнозированы даже разработчиками технологий, тем более пользователями или правоприменителями. Это также обуславливает правовую неопределенность – состояние, в котором осуществляют деятельность субъекты общественных отношений в области информатизации. Такая неопределенность проявляется в отсутствии четкой дефиниции, что не позволяет однозначно установить адресата правовых норм и ввести адекватные права и обязанности, составляющие ядро правового статуса, а также в несоответствии прав обязанностям и обязанностей правам, что нарушает диалектический закон единства противоположностей¹⁰².

В результате на смену *системообразующему* значению понятий и категорий приходит *ситуативное*, которое позволяет в лучшем случае выделить специального субъекта из общей массы акторов, обозначив его особое место и роль в системе развивающихся общественных отношений. Подчеркнем, что понятия «состояние», «место», «роль» включены в словарное определение «статуса», на основании которого можно провести и анализ «правового статуса» – одной из наиболее дискуссионных категорий в правовой науке¹⁰³.

Полагаем, что для новых, изменчивых и недостаточно исследованных процессов, как общественных, так и технологических, в которых задействовано огромное число субъектов, а также для преодоления инертности правотворческого процесса ситуативный подход к установлению законодательной терминологии может обеспечить необходимую гибкость регулирования, а включение в понятие правового статуса таких элементов, как состояние, место и роль в системе общественных отношений будет способствовать дальнейшей конкретизации прав и обязанностей. При этом сентенция о том, что состояние,

¹⁰² См.: Черемисинова М.Е. Определение субъекта интернет-отношений в праве и законодательстве: проблемы и тенденции развития терминологии. С. 196, 197.

¹⁰³ Там же.

место и роль являются достатусными элементами¹⁰⁴, может быть поставлена под сомнение, поскольку без учета этих составляющих, как показывает практика, права остаются нереализованными, а обязанности неисполненными. Иными словами, только определив правовое состояние (которое подразумевает в том числе наличие возможностей по осуществлению той или иной деятельности), место и роль субъекта в системе общественных отношений, можно переходить к установлению прав и обязанностей. Этот переход осуществляется через закрепление термина, т.е. законодательную формулировку, определяющую субъект и вводящую его в правовое поле, где происходит дальнейшая регламентация его действий¹⁰⁵.

Фактически выстраивается последовательность формирования правового статуса субъекта: определение места, значения, роли в системе общественных отношений – законодательное определение субъекта, введение соответствующего термина – установление прав и обязанностей. При этом центральный элемент – введение термина – требует наиболее проработанной формулировки, поскольку юридическая практика нуждается в таких дефинициях¹⁰⁶, которые позволяют с наибольшей степенью точности отграничивать одно фактическое обстоятельство от другого¹⁰⁷. Следуя этой логике, можно добавить, что легальные дефиниции должны быть направлены и на разграничение субъектов общественных отношений, правовой статус которых напрямую зависит от определения субъекта в законодательстве.

¹⁰⁴ Подробнее см.: Общая теория прав человека / И.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин, И.А. Ледах, и др.; отв. ред. Е.А. Лукашева. М., 1996. С. 29–30.

¹⁰⁵ См.: Черемисинова М.Е. Определение субъекта интернет-отношений в праве и законодательстве: проблемы и тенденции развития терминологии. С. 197.

¹⁰⁶ В настоящей работе «термин» (лат. terminus – предел, граница) и «дефиниция» (от лат. definitio – ограничение) используются как синонимы исходя из их семантического значения – слово, являющееся названием строго определенного понятия (см.: Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008).

¹⁰⁷ Подробнее см.: Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юстиция, 2016. С. 208.

В связи с этим необходимо обозначить проблему достижения степени точности законодательной формулировки в области общественных отношений, которая характеризуется относительной новизной и неопределенностью в части распределения влияния, а соответственно полномочий, что непосредственно связано с закреплением статуса. Одной из ярких иллюстраций этой проблемы в российском законодательстве является введение понятия «информационный посредник»¹⁰⁸.

В литературе анализу этого термина уделено достаточно внимания. Например, стоит отметить исследование Л.К. Терещенко, где указано, что это своего рода заимствование зарубежного опыта. Информационные посредники впервые появились в Законе США «Об авторском праве в цифровом тысячелетии» (DMCA), детально регулирующем вопросы ответственности сервис-провайдеров и процедуры по защите правообладателей (авторов, иных обладателей исключительных прав) с привлечением информационных посредников¹⁰⁹. В российском законодательстве информационный посредник фигурирует применительно к правоотношениям по защите интеллектуальной собственности (ст. 1253.1 ГК РФ).

При этом определение, сформулированное в законе, может трактоваться очень широко: лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет; лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети; лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети. Фактически любое лицо, использующее глобальную сеть, можно подвести под это определение, поскольку смысл Интернета как

¹⁰⁸ Введен Федеральным законом от 2 июля 2013 г. № 187-ФЗ.

¹⁰⁹ См.: Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101–108.

информационно-коммуникационной системы заключается в свободной передаче информации и большинство функций сети (включая социальные плагины, репосты) направлено на возможность осуществлять посредническую деятельность в ее распространении.

Таким образом, в законодательстве выработан (или воспринят) термин, отражающий две основные составляющие деятельности субъекта, вовлеченного в процесс функционирования (подчеркнем, не только использования) Интернета: посредничество и информация. С точки зрения классической юридической техники такой термин неидеален, поскольку создает неопределенность и проблемы в правоприменении, однако для описания новых социальных реалий, где на начальных этапах осмысления взаимодействий и необходимости их регламентации формируется *интуитивная* система понятий, представлений и категорий, он представляет интерес и определенный ориентир для участников правоотношений, потенциально способный обеспечить исполнимость предписаний закона¹¹⁰.

В работах по теории права отмечается, что правовые нормы являются результатом познавательной деятельности человека. Здесь исследователь сталкивается с феноменом неопределенности в форме обобщений и абстракций, с помощью которых формулируются юридические понятия¹¹¹. При этом неопределенность элементов нормы (диспозиции, санкции) составляет условие свободы выбора наиболее целесообразных и приемлемых с точки зрения правоприменения вариантов решения. Другими словами, юридическая

¹¹⁰ Подробнее см.: Кудрявцев М.А. Язык информационного права и проблемы совершенствования его терминологии // Понятийный аппарат информационного права: сборник научных работ / отв. ред. И.Л. Бачило, Э.В. Талапина.; сост. и ред. А.А. Антопольский. М.: ИГП РАН, 2015. С. 56.

¹¹¹ См.: Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32–44.

неопределенность позволяет учитывать особенности и динамику развития общественных отношений¹¹².

Значительная роль здесь отводится судебной практике. В частности, в деле № А40-18827/17-110-180, рассмотренном российскими судами по иску общества с ограниченной ответственностью «ВКонтакте» к обществу с ограниченной ответственностью «ДАБЛ», о защите исключительных смежных прав на базу данных, поднимается вопрос об определении специального правового статуса сторон, который фактически может повлиять на исход дела¹¹³. Из материалов дела четко не усматривается, признает ли Ответчик себя информационным посредником, но определенные особенности ответственности этого субъекта (п. 2 ст.1253.1 ГК РФ), в частности освобождение от ответственности при соблюдении совокупности законодательно закрепленных условий, при наличии соответствующего обоснования и доказанности могут способствовать принятию решения в его пользу.

Примечательно, что в п. 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹¹⁴ указано, что особенности ответственности информационного посредника, предусмотренные ст. 1253.1 ГК РФ, являются исключением из правил, установленных п. 3 ст. 1250 ГК РФ, о применении мер ответственности (в виде возмещения убытков и выплаты компенсации) за нарушение интеллектуальных прав, допущенное нарушителем при осуществлении им предпринимательской деятельности, независимо от вины нарушителя.

¹¹² Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32–44.

¹¹³ См.: Решение Арбитражного суда города Москвы от 12 октября 2017 г. по делу № А40-18827/2017 // <https://sudact.ru/arbitral/doc/8aoBRhz9tqY4/>; постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2018 г. № 09АП-61593/2017-ГК по делу № А40-18827/17 // СПС «КонсультантПлюс»; постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. № С01-201/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

¹¹⁴ Российская газета. 2019. № 96.

Более того, в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ говорится, что суд с учетом характера осуществляемой конкретным лицом деятельности устанавливает, является ли это лицо информационным посредником. Если лицо осуществляет деятельность, которая указана в ст. 1253.1 ГК РФ, то такое лицо признается информационным посредником в части осуществления данной деятельности. Отметим, что речь в данном случае идет не о толковании судом дефиниции, в отношении которой имеются сомнения при реализации правового статуса того или иного субъекта, а именно об установлении наличия этого статуса и применения законодательного определения.

Рассмотренный пример демонстрирует механизм преодоления неопределенности законодательного термина, который может трактоваться очень широко в отношении большого круга лиц, посредством судебной практики при решении конкретных дел. В данном случае сторона в спорной ситуации получает возможность самостоятельно определить, является ли она субъектом, подпадающим под легальную дефиницию, и (при наличии достаточных доказательств) воспользоваться преимуществами, заложенными в законодательстве, с учетом своих интересов, которые также имеют важное значение при дальнейшем развитии правового регулирования в сфере Интернета.

Другим примером анализа законодательного термина в правоприменительной практике является справка Суда по интеллектуальным правам «Ответственность информационного посредника. Использование товарных знаков в информационно-телекоммуникационной сети Интернет»¹¹⁵, где рассматривается возможность признания интернет-ресурсов, используемых для продажи товаров через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет, информационными посредниками в смысле положений ст. 1253.1 ГК РФ. В частности, предложены варианты деятельности интернет-ресурсов, которые могут послужить основанием для их отнесения к категории информационного

¹¹⁵ URL: <http://ipc.arbitr.ru/node/13619>

посредника¹¹⁶, а также условия и критерии, при которых к интернет-ресурсам можно применить положения об информационных посредниках¹¹⁷.

Таким образом, законодательный термин является ориентиром для субъектов общественных отношений, которые с помощью фактически самоопределения реализуют возможность получить тот или иной правовой статус с учетом собственных интересов. При этом правовой статус должен быть подтвержден судебным решением исходя из конкретных обстоятельств дела. Таким образом, формируется некий *интуитивно-ситуативный* подход к формированию как дефиниции субъекта, так и его правового статуса в результате:

- оценки правового состояния, роли и места субъектов в системе общественных отношений, характеризующихся высокой динамикой и зависимостью от технологических процессов;

- учета необходимости обеспечения гибкости правового регулирования в условиях неопределенности правовых последствий использования информационно-телекоммуникационных технологий;

- поиска баланса между требованиями юридической техники к точности и статичности дефиниций, определяемых природой права, ценность которого во многом состоит в стабильности, и необходимостью преодоления инертности правотворческого процесса по сравнению со стремительным развитием общества на платформе глобальной информационной сети;

¹¹⁶ Интернет-ресурс, который: на принадлежащем ему интернет-сайте создает условия для продажи товаров другими субъектами путем предоставления им возможности размещения предложений к продаже, получая вознаграждение за факт продажи товара (определяемое либо в виде процента от продажи, либо иным образом);

на принадлежащем ему интернет-сайте создает условия для продажи товаров другими субъектами путем предоставления им возможности размещения предложений к продаже, получая вознаграждение за предоставление «места» на сайте;

на принадлежащем ему интернет-сайте продает товары иных лиц от своего имени;

используется как *поисковая система* для нахождения предложений к продаже товаров, который получает доход не от продажи товаров, а от публикации сопутствующих рекламных объявлений.

¹¹⁷ В том числе следующие критерии: источника получения прибыли; субъекта, ответственного за размещение информации; наличия возможности интернет-ресурса по изменению и модерированию размещенной на нем информации.

– самоопределения субъектов, которое позволяет им обозначить и реализовать свои интересы, способные оказать влияние на установление правовых границ без ущерба для развития отрасли информационно-коммуникационных технологий и формирования информационного общества в целом¹¹⁸.

Введение на законодательном уровне категории «информационный посредник», а также складывающаяся правоприменительная практика в отношении этой категории являются примерами, которые можно использовать в постоянно развивающейся системе, технические характеристики которой интенсивно меняются, что обуславливает постоянное изменение характера общественных отношений, складывающихся во многом в зависимости и под влиянием свойств сети. Иными словами, в условиях, когда возможно возникновение новых видов субъектов, наделенных технической способностью контролировать определенные процессы (как общественные, так и технические), законодатель «работает на опережение», вводя понятие, под которое впоследствии можно подвести того или иного актора. Это может способствовать преодолению инертности, которое зачастую называют в числе проблем нормативно-правового регулирования, поскольку механизмы принятия законов существенно отстают от стремительного развития научно-технических процессов.

Еще одним примером формирования терминологии в области интернет-отношений, отчасти иллюстрирующим рассмотренный выше подход, является введение в законодательство дефиниции «субъекты критической информационной структуры». В статье 2 (п. 8) Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» сформулировано определение таких субъектов: государственные органы; государственные учреждения; российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве

¹¹⁸ Черемисинова М.Е. Определение субъекта интернет-отношений в праве и законодательстве: проблемы и тенденции развития терминологии. С. 202, 203.

собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности; российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей. В статье 9 «Права и обязанности субъектов критической информационной инфраструктуры» закреплён их правовой статус – права и обязанности.

Из текста Закона следует, что дополнительные обязанности возлагаются на операторов связи, а это в основном коммерческие организации, т.е. субъекты частного права, которые приобретают статус субъекта критической информационной структуры (КИИ) исходя из значимости (социальной, политической, экономической, экологической, а также из значимости для обороны страны, безопасности государства и правопорядка) тех объектов, которые они обеспечивают средствами связи, в том числе доступом к Интернету.

Важно отметить, что субъекты КИИ (потенциально это может быть любой оператор связи, предоставляющий доступ к Интернету) самостоятельно определяют категорию объекта, принадлежащего им на законном основании и относящегося к объектам КИИ, и представляют эту информацию ФСТЭК России¹¹⁹.

Такая процедура подтверждает признание субъектом своего нового правового статуса, который преобразуется в результате усиления роли этого

¹¹⁹ Категория может быть скорректирована указанным уполномоченным ведомством. Цель категорирования – определить приоритетность при осуществлении защитных действий в отношении объектов КИИ, от которых зависит не только информационная оснащённость пользователей, но и жизнедеятельность общества и государства.

субъекта в системе общественных отношений, повышения значимости его деятельности, в данном случае организации работы современных телекоммуникационных и информационных ресурсов, составляющих собственно критическую информационную инфраструктуру, сбои в работе которой могут повлечь серьезные и даже катастрофические последствия для населения и государства в целом.

Именно масштабы потенциальной общественной опасности стали поводом для разработки и принятия указанного Федерального закона, направленного на выделение особого вида субъектов из общего числа операторов связи. Можно утверждать, что был использован риск-ориентированный подход при формулировании инициативы принятия рассматриваемого нормативного правового акта.

Термин, закрепленный в Законе, – «субъект критической информационной структуры» – довольно точно отражает суть статуса субъекта, хотя само определение строится (как и в предыдущем случае с информационным посредником) на указании его признаков, что требует дальнейшей конкретизации, в частности на основе самоопределения лиц, задействованных в данных правоотношениях, т.е. признания ими своего нового статуса.

Если использовать предложенную ранее модель формирования правового статуса «определение места, значения, роли в системе общественных отношений» – «законодательное определение субъекта, введение соответствующего термина» – «установление прав и обязанностей», можно утверждать, что пример закрепления в законе термина «субъекты критической инфраструктуры» отражает преобразование правового статуса субъекта в результате не только широкого распространения технологии (без которой в настоящее время не могут работать жизненно важные социальные объекты), но и переосмысления значения и роли субъекта, требующих учета в процессе установления его прав и обязанностей.

Еще одним примером легальной дефиниции, обозначающей повышение значимости субъекта и изменение его правового статуса, является «оператор,

занимающий существенное положение в сети связи общего пользования»¹²⁰, или «существенный оператор»¹²¹. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» содержит, в частности, требование к оператору, занимающему существенное положение в сети связи общего пользования, обеспечивать недискриминационный доступ на рынок услуг связи (ст. 19). Правовое положение данной категории субъектов регулируется приказом Мининформсвязи России от 19 мая 2005 г. № 55 «Об утверждении Положения о ведении Реестра операторов, занимающих существенное положение в сети связи общего пользования», постановлением Правительства РФ от 19 октября 2005 г. № 627 «О государственном регулировании цен на услуги присоединения и услуги по пропуску трафика, оказываемые операторами, занимающими существенное положение в сети связи общего пользования».

Критерии отнесения субъектов к занимающим существенное положение в сети общего пользования также требуют уточнения, о чем свидетельствует судебная практика¹²².

В любом случае роль субъекта общественных отношений, которая в законодательном определении подчеркивается и обозначается в качестве «существенной», как и в предыдущем примере с субъектами критической инфраструктуры, обуславливает его подконтрольность государственным институтам, призванным обеспечить баланс интересов заинтересованных сторон в

¹²⁰ Это оператор, который вместе с аффилированными лицами обладает в географически определенной зоне нумерации или на всей территории Российской Федерации не менее чем двадцатью пятью процентами монтированной емкости либо имеет возможность осуществлять пропуск не менее чем двадцати пяти процентов трафика (п. 11 ст. 2 Федерального закона «О связи»).

¹²¹ См.: Решение Совета глав правительств СНГ от 19 ноября 2010 г. «О состоянии конкуренции на рынке телекоммуникаций государств – участников СНГ» // СПС «КонсультантПлюс». В указанном решении приведены примеры обозначения такого рода субъектов: доминирующий оператор (Республика Армения); национальный оператор электросвязи (Республика Беларусь); доминирующий оператор связи (Республика Казахстан); операторы сетей электрической связи общего пользования, обладающие эксклюзивными правами или занимающие доминирующее положение (Кыргызская Республика).

¹²² См., например: Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 октября 2013 г. № ВАС-10314/13 по делу № А40-66834/12-132-252 // СПС «КонсультантПлюс».

информационной сфере, т.е. и пользователей, и предпринимателей. Полагаем, что такое взаимодействие должно формироваться в форме не только подконтрольности, но и государственно-частного партнерства, которое признается условием эффективного функционирования интернет-отношений в целом¹²³.

Следует отметить, что намечается некоторая тенденция использования в законодательстве прилагательных, отражающих повышение роли субъектов в системе общественных отношений, связанных с использованием Интернета. Наряду с определением «существенный» (в отношении положения субъекта), «критическая» (в отношении инфраструктуры, к которой относится субъект) в качестве законодательной инициативы было предложено ввести в правовое поле понятие владельца «значимого» информационного ресурса¹²⁴. Безотносительно к судьбе законопроекта¹²⁵, в котором предлагалось закрепить указанное понятие в законодательстве, можно констатировать, что рост влияния отдельных информационных ресурсов на возможность реализации различными субъектами своих прав и свобод, обуславливает постановку вопроса о преобразовании правового статуса владельцев этих ресурсов и соответствующие поиски правовой дефиниции. Оценочность суждений, которая может сопровождать применение таких понятий, как «значимый» или «существенный», требует выработки четких критериев для причисления субъектов к той или иной категории и может быть связана с усилением правовой неопределенности их статуса. Вместе с тем она

¹²³ См., например: Guiding Principles on Cyber Security. Guidance for Internet Service Providers and Government. Published 12 December 2013 by the Department for Business, Energy & Industrial Strategy and Cabinet Office // <https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-guiding-principles> (Руководящие принципы по кибербезопасности, опубликованные Департаментом бизнеса, энергетики и промышленной стратегии Правительства Великобритании 12 декабря 2013 г.)

¹²⁴ См.: Проект Федерального закона № 763517-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 18 Федерального закона «О персональных данных» (в части установления обязанностей владельца значимого информационного ресурса)» // URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/763517-7>.

¹²⁵ Законопроект был отозван в связи с необходимостью доработки по итогам экспертной оценки.

отражает суть происходящих на сетевой платформе процессов, когда функции ресурса выходят за рамки информационного обмена и охватывают широкий круг не только субъектов, но и их прав, в некоторых случаях включая практически все фундаментальные права и свободы.

С точки зрения исследования терминологии представляет интерес определение еще одного нового субъекта – организатора распространения информации в сети Интернет, включенного в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 10.1). По мнению некоторых ученых, внесенные изменения сближают этого субъекта по его правовому статусу с оператором связи, но все же не дают четкого представления, кто этот субъект¹²⁶.

Организатором распространения информации в сети Интернет признается лицо, осуществляющее деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и (или) программ для электронных вычислительных машин, которые предназначены и (или) используются для приема, передачи, доставки и (или) обработки электронных сообщений пользователей сети Интернет. Это еще одно определение, наряду с определением информационного посредника, под которое подпадают практически все субъекты, оказывающие услуги в сети Интернет.

В литературе встречаются довольно категоричные оценки подобного нововведения. В частности, А.И. Савельев отмечает, что «столь широкий подход к толкованию понятия организатора фактически влечет утрату какого бы то ни было смысла в установлении специального правового режима для таких субъектов и делает контроль за соблюдением соответствующих положений

¹²⁶ См.: Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101–108.

практически невозможным»¹²⁷. Вместе с тем, как показывает опыт правоприменительной практики в отношении определения информационного посредника, такая формулировка может быть полезна в случае возникновения спорной ситуации.

По мере развития общественных отношений на интернет-платформе и осмысления такой широкой формулировки стало понятно, что в ней речь идет не об операторах связи, потому что на организаторов распространения информации в сети Интернет возложены обязанности, которые операторы связи и так уже выполняют. Аналогичные исключения сделаны и в отношении операторов государственных информационных систем, операторов муниципальных информационных систем, а также в отношении граждан (физических лиц), осуществляющих указанную деятельность для личных, семейных и домашних нужд¹²⁸.

По мнению В.В. Архипова, специальная категория «организатор распространения информации в сети Интернет» была введена в российское законодательство в связи с потребностью в правовом регулировании особой категории информационных посредников – владельцев сайтов, представляющих собой как классические коммуникационные интернет-сервисы (например, электронная почта), так и социальные платформы Web 2.0¹²⁹. Примечательно, что при определении организатора распространения информации используются законодательно закрепленные термины «владелец сайта» и «информационный посредник», объединяющие этих субъектов в их ключевых функциях. Однако это все же особая категория, в отношении которой действует самостоятельное правовое регулирование.

¹²⁷ См.: Савельев А.И. Законодательство о локализации данных и его влияние на рынок электронной коммерции в России // Закон. 2014. № 9. С. 51–68.

¹²⁸ См.: Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101–108.

¹²⁹ См.: Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2017. С. 154.

По мнению других исследователей, к этим субъектам может быть отнесен широкий круг лиц, в том числе обеспечивающих деятельность интернет-поисковиков и социальных сетей¹³⁰.

Постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2015 г. № 327 утверждены Правила осуществления контроля за деятельностью организаторов распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», связанной с хранением информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информации об этих пользователях, а постановлением Правительства РФ от 31 июля 2014 г. № 743 – Правила взаимодействия организаторов распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации.

Такой субъект, как «организатор распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» конкретизирован в постановлении Правительства РФ от 27 октября 2018 г. № 1279 «Об утверждении Правил идентификации пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» организатором сервиса обмена мгновенными сообщениями». Понятия «организатор сервиса обмена мгновенными сообщениями» и «пользователь сервиса обмена мгновенными сообщениями» используются в указанных Правилах в значениях, установленных ч. 4.2 ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», т.е. в значении организатора распространения информации.

¹³⁰ См.: Шерстобоева Е.А., Павленко В.Ю. Тенденции в регулировании российской блогосферы // Право СМИ. 2015. № 4 (Mediascope.ru).

Таким образом происходит конкретизация термина, введенного в Законе и имеющего очень широкую трактовку, позволяющую его уточнить (посредством правоприменительной практики, в том числе толкования, подзаконного нормотворчества, самоопределения субъектов) в зависимости от изменяющейся ситуации, усовершенствования технологии, возникновения необходимости в регламентации наиболее актуальных общественных отношений и т.п.

Учитывая динамику развития информационно-телекоммуникационных технологий и обновление многих представлений о действии права в условиях информационного общества, можно утверждать, что такой подход оправдан на этапе, когда еще только предстоит осуществить поиск новых «глубинных программ жизнедеятельности», переосмысления «предельно обобщенной системы мировоззренческих представлений и установок, которые формируют целостный образ человеческого мира»¹³¹ и так называемых мировоззренческие универсалий, имеющих важное значение для создания методологических приемов и правил формирования правовых текстов, особенно при выборе терминов и осмысления их событийных признаков и значений¹³².

Рассмотренные нормы, устанавливающие особый подконтрольный режим деятельности, сближают ранее рассмотренных лиц: субъектов критической информационной инфраструктуры; операторов связи, занимающих существенное положение в сети связи общего пользования; организаторов распространения информации и т.д. – в части обозначения их стратегической значимости для информационной безопасности общества и государства. В результате их изначальный правовой статус как субъектов предпринимательской деятельности претерпевает изменения, «обрастает» новыми, не характерными для субъектов частного права функциями, подвергается ограничениям, что находит выражение в

¹³¹ Степин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003. С. 269.

¹³² См.: Кузнецов П.У. Логико-языковые основания формирования понятийного аппарата информационного права // Понятийный аппарат информационного права: сборник научных работ / отв. ред. И.Л. Бачило, Э.В. Талапина.; сост. и ред. А.А. Антопольский. М.: ИГП РАН, 2015. С. 25.

том числе в терминологии, подчеркивающей их возрастающее значение в публично-правовой сфере.

Критика развития терминологии в процессе становления новых подходов к регулированию общественных отношений в сети «Интернет» во многом обоснованна и конструктивна¹³³. Вместе с тем требования о разработке единого непротиворечивого тезауруса понятий, прекращении негативной практики «корректировки» понятий закона понятиями и разъяснениями, приводимыми в подзаконных актах, которые приобретают характер массового нормотворчества, видоизменяющего волю законодателя¹³⁴, возможно, слишком категоричны, поскольку законодатель, как и правотворчество в целом, находятся в условиях неопределенности последствий развития технологий, требующих максимально быстрого внедрения и получения коммерческой отдачи.

Возможно, для выработки законодательных определений в сфере Интернета полезной будет использование методологии Л. Витгенштейна, который сформулировал понятие так называемого семейного сходства, в соответствии с которым множество объектов не обладают набором устойчивых признаков, но объединяются на основании фрагментарной общности¹³⁵. Уточним, что речь идет не об объекте правового регулирования, а об объекте исследования, к которому в целях настоящей работы можно причислить акторов, осуществляющих деятельность в сети Интернет.

Полагаем, что широкие трактовки законодательно закрепленного термина, который можно распространить сразу на несколько явлений или процессов, соответствует динамике развития общественных отношений в такой новой,

¹³³ См., например: Наумов В.Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. 2018. № 1. С. 32–39; Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101–108.

¹³⁴ См.: Наумов В.Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации. С. 32–39.

¹³⁵ См.: Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994. С. 110–113.

инновационной сфере жизнедеятельности, как Интернет. При этом правовая неопределенность, связанная с толкованием понятия или определения, приобретает тот позитивный характер, который может позволить не только проявлять гибкость в правовом регулировании, но и преодолеть инерционность правотворчества и правоприменения в отношении стремительных социально-технологических отношений.

Как отмечается в юридической науке, правовая неопределенность находит выражение в главном элементе права – юридических нормах, их элементах. Природа юридических правил состоит в их абстрактном характере, основанном на обобщениях, что является главным условием юридического регулирования¹³⁶. Кроме того, неопределенность элементов нормы (диспозиции, санкции) составляет условие свободы выбора наиболее целесообразных и приемлемых с точки зрения правоприменения вариантов решения. Другими словами, правовая неопределенность позволяет учитывать динамику развития общественных отношений¹³⁷.

И даже если согласиться с утверждением о том, что не существует признаков, которые являлись бы общими для всех без исключения информационных объектов¹³⁸, в отношении субъектов такие признаки выделить можно, и ключевым из них будет изначальный правовой статус в реальной жизни, имея который субъект осуществляет присоединение к сети Интернет. Подчеркнем, что технологии, связанные с информационно-коммуникационными процессами, активно задействованы в социальных процессах, затрагивают практически все аспекты жизнедеятельности современного общества с учетом того, что Интернет постепенно переходит из разряда рекреационно-

¹³⁶ См.: Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: ИНФРА-М, 2014. С. 72–73.

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ См. подробнее: Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. М.: ИД «Юриспруденция», 2013. С. 83.

информационных ресурсов в разряд социальных благ, без которых невозможна реализация фундаментальных прав и свобод.

Необходимость адаптировать новые термины к праву, включить их в правовое поле, дать адекватные определения с учетом того, что обязательной чертой установленных государством норм должна быть правовая определенность¹³⁹, сохраняется, так же как и несовершенство языка, в значительной степени обуславливающее ограничение рациональности права¹⁴⁰, и снижение значимости «воли законодателя» по мере того, как законы устаревают¹⁴¹. В связи с этим актуализируется вопрос о совершенствовании юридической техники, в том числе в области разработки терминов и определений, соответствующей динамике развития технологий и сопутствующих общественных отношений, что предполагает использование инструментов юридического прогнозирования¹⁴², оценку правовых рисков и объединение усилий представителей юридического и технического сообщества с обязательным учетом индивидуальных интересов и приоритета основных прав и свобод.

Особое внимание должно быть уделено правоприменению, которое, как отмечается в науке, в отношении субъекта права мыслится как пространство, где обретается правовой статус лица, в отношении которого было применено пространственное действие закона, в результате чего могут сохраняться, а могут и быть утрачены существенные свойства, отраженные во внутренней сущности субъекта права, где субъект права и его «право» мыслится и возникает как аспект личности по установлению некоего правила, которое и есть право как

¹³⁹ См.: Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101–108.

¹⁴⁰ См.: Фуллер Лон Л. Анатомия права // Российский ежегодник теории права. № 2. 2009. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, 2011. С. 204–319.

¹⁴¹ Подробнее см.: Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А. В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012. С. 209.

¹⁴² Подробнее см.: Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: ИНФРА-М, 2015; Он же. Юридическое прогнозирование: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2018.

объективная мера свободы¹⁴³. Воспринимая такое состояние свободы, индивид способен выйти за пределы общепринятой правовой системы взаимоотношений и автоматически выстроить новую систему норм права¹⁴⁴.

Таким образом, интуитивно-ситуативный подход к введению законодательных терминов означает использование широких дефиниций в отношении субъектов, признаки которых не могут быть определены исчерпывающим образом ввиду наличия потенциальных технологических возможностей совершенствовать функционал каждого субъекта.

Этот подход может применяться в отношении специального, в настоящей работе – обеспечивающего, субъекта, выполняющего особые функции в Интернете и влияющего на его развитие, а также тех субъектов общественных отношений, которые формируют новые формы взаимодействий, становятся «узловыми» участниками общественных отношений, реализуемых на интернет-платформе.

При этом термин рассматривается как неотъемлемый элемент правового статуса, закрепляющий новый вид субъектов, деятельность которых имеет значение для развития общественных отношений в той или иной области, требующей четкого определения прав и обязанностей, гарантий их осуществления, учета интересов и т.д.

Теоретической проблемой в данном случае остается определение роли и очередности введения терминологии при формировании правового статуса. Иными словами, требуется определить, является ли введение термина в законодательство отправной точкой либо финальным этапом установления правового статуса.

При системообразующем подходе к формированию терминологического аппарата предполагается возможность наиболее точного определения признаков

¹⁴³ См.: Зинков Е.Г. Пространственно-юридическая техника когнитивного пространства «право» в языке права // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 19–25.

¹⁴⁴ Там же.

субъекта права, в отношении которого необходимо ввести тот или иной термин. Однако в сфере Интернета такие признаки не могут быть определены исчерпывающим образом ввиду в том числе технологических особенностей их функционирования.

Проведенный в работе анализ показал, что введение термина в отношении субъектов в сети Интернет, признаки которых не могут быть исчерпывающе определены в силу различных технологических факторов, является только обозначением общих контуров правового статуса, требующих дальнейшей конкретизации.

Основным выводом параграфа может служить сентенция о том, что в условиях стремительного развития технологических и социальных отношений, характеризующих сеть Интернет, интуитивно-ситуативный подход к введению законодательных терминов оправдан и может в дальнейшем способствовать более точному выявлению признаков субъектов, статус которых повышается за счет их технологических возможностей, и формированию институциональной основы глобальной сети.

ГЛАВА 2

ЭЛЕМЕНТЫ ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНОЙ СЕТИ

Теоретическое исследование правового статуса предполагает изучение его основных элементов на предмет их устойчивости к новым цифровым реалиям. При этом важное значение имеет анализ каждого элемента в зависимости от развития общественных отношений в виртуальной среде. В науке, как ранее отмечалось, существуют разные мнения относительно содержания правового статуса. В частности, Р.О. Халфина в качестве элементов правового статуса называет:

а) социальные блага (неприкосновенность личности, жилища; тайна переписки; свобода слова, печати, собраний; другие конституционные права и свободы граждан);

б) права и обязанности в реальных правоотношениях;

в) правосубъектность¹⁴⁵.

Напомним, С.С. Алексеев, не отождествляя правовой статус и правовое положение, к элементам первого относит правосубъектность, основные права и обязанности субъектов, а к элементам второго – конкретные права и обязанности лица, связанные с наличием определенных юридических фактов¹⁴⁶, из чего следует мобильность правового положения.

Правосубъектность с учетом дискуссионности ее включения в определение правового статуса будет рассмотрена как основание его приобретения, в § 1 гл. 3 настоящего исследования.

В связи с тем, что в теории права сформировался подход, согласно которому ядро правового положения составляет система прав, свобод,

¹⁴⁵ См.: Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 123–218.

¹⁴⁶ См.: Алексеев С.С. Структура советского права. М., 1975. С. 179; Он же. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М., 1982. С. 142–143.

обязанностей и законных интересов в их единстве, предметом исследования в этой главе станут права и свободы, законные интересы субъектов в сети Интернет, а также их обязанности и ответственность, в том числе новые способы реализации этих институтов, формирующиеся в связи с цифровизацией общественных отношений. Особое внимание уделено юридическим гарантиям, которые в условиях глобальной сети становятся фактором, позволяющим обозначить специальный вид правового статуса субъектов общественных отношений в сети Интернет, не подпадающий под какое-либо отраслевое деление.

В теории права правовой статус определяется как юридически закрепленное положение субъекта в обществе, выражающееся в системе прав и обязанностей¹⁴⁷. Это обуславливает необходимость сделать оговорку о типе общества, в котором определяется положение субъекта. В литературе отмечается, что в настоящее время в связи с установкой на переход к информационному обществу и облегченными возможностями оперирования информационными ресурсами, которые отражаются на правовом положении и интересах различных субъектов общественной и государственной жизни, актуализируется проблема обогащения правового статуса субъектов права новыми аспектами, отражающими происходящие информационные процессы¹⁴⁸. К таким аспектам, по нашему мнению, можно отнести вопрос о выделении самостоятельных прав в области интернет-коммуникации – так называемых цифровых прав, которые в целях настоящего исследования рассматриваются в трех «измерениях»:

1) в традиционном, под которым подразумеваются основные права и свободы как завоевание современной цивилизации в процессе становления демократического общества, закрепленные в конституциях государств и базовых международно-правовых актах. Их устойчивость не подвергается сомнению и

¹⁴⁷ См.: Дамдинов Б.Д. Теоретические проблемы правового статуса субъекта Российской Федерации // Сибирский Юридический Вестник. 2002. № 3.

¹⁴⁸ См.: Сергиенко Л.А. История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 гг.: монография. М.: Юркомпани, 2013. С. 110.

находит отражение в концепции равной защиты таких прав и свобод в режимах онлайн и офлайн;

2) трансформационном, отражающем возникновение прав, в основе которых – те же основные права и свободы, но обогащенные (или осложненные) новыми признаками, отличающими их от традиционных, по меньшей мере терминологически, и требующими осмысления с позиции отраслевой принадлежности;

3) констатирующем появление новых прав, до настоящего времени не известных правовой науке и практике.

Такая градация может способствовать определению природы прав, от которой, в свою очередь, будет зависеть решение вопроса об ограничениях, неизбежно сопутствующих введению правового регулирования. Согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1966 г. ограничения должны осуществляться в целях способствования общему благосостоянию, определяться законом и не могут противоречить *природе ограничиваемых прав* (ст. 4). Выявить природу прав в новых условиях цифровизации – важная задача правовой науки, от решения которой во многом будет зависеть дальнейшее развитие законодательства в области Интернета.

Законные интересы в качестве элемента правового статуса субъекта в виртуальном пространстве рассматриваются с точки зрения соблюдения принципа управления Интернетом с участием всех заинтересованных сторон, который заложен в механизм поиска необходимого баланса, позволяющего выстроить правовое регулирование, минимизировав репрессивные функции права, поддержать развитие и использование преимуществ глобальной информационно-телекоммуникационной сети.

Важное значение с правовых позиций имеет анализ соотношения интересов и рисков субъектов, осуществляющих деятельность в сети Интернет, поскольку по-прежнему «неизвестными остаются социальные и культурные последствия привлечения людей к производству почти неограниченного объема информации

на глобальном уровне»¹⁴⁹. Популярность Интернета и стремление различных групп субъектов к развитию и распространению этой технологии демонстрируют наличие устойчивого интереса, превалирующего в вопросе предотвращения или преодоления рисков. В литературе отмечается, что риски применения современных технологий огромны, в то же время жесткий внешний контроль по отношению к научно-технической и другой творческой деятельности неэффективен¹⁵⁰.

Обязанности и ответственность как элементы правового статуса субъектов общественных отношений в сети Интернет рассматриваются с опорой на отечественные теоретические исследования с учетом философских, социологических и экономических изысканий в области информационного общества, его сетевой организации и современных рисков, которые позволяют обобщить новые подходы к выполнению обязанностей и установлению ответственности. При этом институт юридических гарантий, который неразрывно связан с эффективностью ответственности и в классической доктрине рассматривается если и не в качестве основного элемента правового статуса, то обязательно в контексте его исследования, выступает необходимым предметом исследования, позволяющим выделить самостоятельный вид правового статуса, отличный от каких-либо известных отраслевых статусов.

Какой из элементов правового статуса должен быть неизменным для того, чтобы отвечать критериям определенности, правовой обеспеченности? Логично предположить, что это должны быть гарантии, т.е. тот элемент, который призван обеспечить стабильность в области реализации прав и обязанностей. В виртуальной среде в связи с этим актуализируется вопрос о том, какие субъекты (структуры) могут предоставить гарантии. Будут ли это технологические

¹⁴⁹ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 36.

¹⁵⁰ См.: Рахманкулова Н.Ф. Свобода, риск, ответственность в контексте глобализации (гл. 3 в кн.: Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 155.

платформы, государственно-правовые институты, общественные или международные объединения, институты самоуправления или государственно-частного партнерства, прогнозировать сложно, но процесс исследования динамики правового статуса отдельных субъектов может способствовать решению этого вопроса.

Такая динамика отражает не только необходимость правового реагирования на неблагоприятные последствия, возникающие в результате использования Интернета, но и способность субъекта выполнять те или иные функции, а также удовлетворенность основной массы пользователей регулированием их отношений в глобальной сети. Подчеркнем, что от этого зависит эффективность и жизнеспособность самой глобальной сети как социально-технологической системы, ее возможность поддерживать функции в качестве основного ресурса развития информационного общества и цифровой экономики.

§ 1. Права и свободы: устойчивость традиций и необходимость трансформаций

В юридической науке существует немало исследований, посвященных правам и свободам. В центре внимания ученых – эти понятия применительно прежде всего к человеку (индивиду), однако подчеркивается и тесная взаимосвязь человека и общества, а это, как выше отмечалось, имеет важное значение в области правового регулирования виртуальной среды. Например, постулируется, что характер и объем прав человека определяются природой общества, соотношением интересов общества и индивида¹⁵¹, а глобализация прав человека, одним из признаков которой является цифровизация, отразила тенденцию

¹⁵¹ См.: Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. М.: Эксмо. 2006. С. 301–303.

связанности отдельного со всеобщим, при этом статус и социальное самочувствие индивида стали не только зависеть, но и влиять на жизнь народов и человечество в целом, и наоборот¹⁵².

Ученые рассматривают права человека как «двигатель» социального и экономического прогресса, один из важнейших факторов успешного развития общества и государства и «своеобразный ограничитель государственной власти», а также показатель «зрелости, цивилизованности» и «мерило достижений данного общества»¹⁵³. Полагаем, что подобные определения можно применить в отношении всего субъектного состава общественных отношений в сети Интернет с учетом высокой степени их взаимозависимости, требующей учета при определении наиболее широкого спектра прав и свобод.

Понятие прав в науке связывается с понятием возможностей: утверждается, что некоторые права производны от поведенческих возможностей лица, а некоторые выражают лишь возможности пребывания в определенном состоянии и не требуют от их обладателей каких-либо действий (например, право на жизнь, неприкосновенность личности, свобода мысли)¹⁵⁴. В качестве «объективных условий, возможностей жизнедеятельности человека» основные права определяются также А.Б. Венгеровым¹⁵⁵ и О.Э. Лейстом, который считает, что это «гарантированные возможности пользоваться каким-либо благом»¹⁵⁶.

В контексте настоящего исследования вопрос эквивалентности прав и возможностей может послужить решению вопроса о расширении содержания

¹⁵² См.: Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. Социально-философские основы и государственно-правовое регулирование. М.: Юристъ. 2003. С. 162.

¹⁵³ Общая теория прав человека / рук. авт. колл. и отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 1996. С. 3–4; Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. акад. права, 2003. С. 256.

¹⁵⁴ См.: Петрович Д.В. Становление и эволюция правового статуса личности в российском законодательстве (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

¹⁵⁵ См.: Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. М.: ЮНИТИ-ДАНА: Закон и право, 2000. С. 214.

¹⁵⁶ См.: Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001. С. 55.

правового статуса за счет возникновения новых возможностей реализации уже известных и закрепленных законодательно прав и свобод.

Кроме того, необходимо упомянуть разделение понятий прав и свобод, принятое в научной литературе. Так, в конституционном праве различие между правами и свободами при всей допускаемой условности сводится к определению субъективного права как меры возможного поведения лица, которое может быть распространено и на понятие свободы¹⁵⁷. Вместе с тем, «когда речь идет о субъективном праве, предполагается наличие более или менее определенного субъекта, на котором лежит соответствующая этому праву обязанность... Когда же говорится о свободе, имеется в виду запрещение эту свободу отрицать или ограничивать, обращенное к неопределенному кругу субъектов, обязанных уважать данную свободу, т.е. практически к любому возможному нарушителю свободы»¹⁵⁸.

В литературе встречаются мнения, согласно которым правом можно назвать скорее возможность, которую обязано обеспечить государство, а свобода, в отличие от права, гораздо более вариативна и дает возможность выбрать один из представленных вариантов поведения¹⁵⁹. Автор отмечает, что данные понятия, несмотря на свою схожесть, имеют существенные различия, а именно способ его реализации и время возникновения¹⁶⁰.

Однако именно эти условия – способ реализации и время возникновения – в виртуальной среде еще больше сближают понятия прав и свобод, поскольку основной способ реализации возможностей (подчеркнем, что понятие возможностей используется при определении и прав, и свобод) и время их

¹⁵⁷ См.: Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. М.: Новая правовая культура, 2009 // СПС «ГАРАНТ»: URL: <http://base.garant.ru/5366634/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/#ixzz6FEneDEQR>

¹⁵⁸ Конституционное (государственное) право зарубежных стран / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1999. С. 122–123.

¹⁵⁹ См., например: Казарян Э.А. Соотношение понятий «свобода» и «права человека» // Молодой ученый. 2019. № 21. С. 337–339 // URL <https://moluch.ru/archive/259/59556/>.

¹⁶⁰ Там же.

возникновения связаны с доступом к Интернету и его функциональными особенностями.

В связи с этим можно утверждать, что понятие «цифровые права» включает в себя понятие свобод, поскольку в настоящее время далеко не все цифровые права закреплены на законодательном уровне, а существуют пока только в качестве возможностей, предоставляемых глобальной сетью.

Иными словами, можно ли считать, что наличие возможностей (в частности, технических) реализации прав приравниваются к правам и должны обеспечиваться правовыми средствами. Например, реализация права на осуществление деятельности (предпринимательской, просветительской, рекламной, агитационной и проч.) за пределами своего государства в реальной жизни требует соблюдения определенных процедур при пересечении границы, получения различных официальных разрешений или регистрации на территории другого государства и т.п.

В виртуальном пространстве из-за такого свойства глобальной сети, как трансграничность, подобных ограничений не существует, а значит, не существует и соответствующих прав (полномочий) по контролю за такой деятельностью. Означает ли снятие ограничений и возникновение дополнительных возможностей начало формирования нового права, обусловленного технологическими свойствами сети и способного претендовать на закрепление в правовом статусе субъекта? Каким образом в этом случае будет определяться мера свободы¹⁶¹ субъекта, если традиционные сдерживающие способы регуляции в виртуальном пространстве недостаточно эффективны или не действуют совсем?

Кроме того, необходимо выделение прав, которые субъект может реализовать в виртуальной среде самостоятельно, а также прав, предполагающих помощь в реализации со стороны обеспечивающего субъекта (по аналогии,

¹⁶¹ Напомним, что В.А. Четвернин называет правами человека «минимальную, неотъемлемую меру свободы» (см.: Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: ведение в теорию. М.: Изд-во ИГиП РАН, 1993. С. 28).

например, с группой социальных прав, реализация которых требует участия общества и государства). Подчеркнем, что в этом случае государство не будет единственным обеспечивающим субъектом, поскольку многие функции правореализации могут быть выполнены только специальными субъектами, обладающими достаточным уровнем технической оснащенности.

Если рассматривать права как «определенный минимум общесоциальных (в рамках отдельного общества), общечеловеческих и общедемократических требований к правовому и социальному положению каждой личности, реализация которых должна и может быть обеспечена в любом обществе, вне зависимости от особенностей его социально-правовой системы»¹⁶², то вопрос о включении возможностей Интернета в правовое поле можно было бы поставить под сомнение, поскольку это далеко не единственное средство реализации основных прав и свобод. Вместе с тем «минимум требований» в информационном обществе, которое декларируется на международном и государственном уровнях, вполне может быть расширен по мере вовлечения все большего числа заинтересованных (и бизнес, и общественность, и государство) в использование технологических средств.

Права человека в доктрине определяются также, как индивидуальные притязания или общественные задачи, что соответствует представлениям неклассической теории, которая дополнила и расширила понимание объекта прав, ввела новую группу прав – прав, порождаемых совместными действиями ряда субъектов (социально-экономические права)¹⁶³. С позиций неклассической теории определение прав как притязаний можно распространить, помимо индивидов, и на других субъектов, в том числе коллективных, права которых реализуются посредством использования глобальной сети, поскольку именно совместные

¹⁶² Бережнов А.Г. Политика и права человека // Политология: курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юрист, 1993. С. 173.

¹⁶³ См.: Туманова А.С., Киселев Р.В. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX – начала XX века / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2011. С. 41.

действия субъектов в Интернете обеспечивают развитие ресурса нового вида, обуславливающего прогресс в системе прав.

Вместе с тем каждое доктринальное определение прав требует поправки с учетом особенностей сетевой коммуникации. В частности, определение права в качестве гарантированной законом и обеспеченной судебной защитой способности реализовать свои притязания в различных сферах жизнедеятельности¹⁶⁴ будет неполным в связи с наличием договорных (помимо законодательных) условий осуществления деятельности субъектов и редуцированностью средств судебной защиты в условиях нерешенного вопроса о юрисдикции в Интернете; а в качестве справедливых притязаний людей по отношению друг к другу, а затем и по отношению к государству¹⁶⁵ – в связи с ограниченной ролью государства в этом вопросе.

Рассмотрение права как «притязания на определенный объем материальных и духовных благ»¹⁶⁶ или как «систему жизнеобеспечения личности, без которой невозможно ее нормальное развитие»¹⁶⁷ подводит к анализу сентенции о том, что «интернет проникает во все сферы нашей жизни, «позволяя» возникать отношениям, которые подпадают под регулирование норм различных отраслей законодательства – административного, уголовного, гражданского, конкурентного и т.д.»¹⁶⁸

В связи с этим «принятие самостоятельных законов, регламентирующих только отношения, возникающие в Интернете, будет дублировать нормы уголовного, административного, гражданского и иного законодательства, что

¹⁶⁴ См.: Гражданское общество, правовое государство и право: материалы круглого стола журналов «Государство и право» и «Вопросы философии» // Государство и право. 2002. № 1. С. 24.

¹⁶⁵ См.: Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994. С. 248.

¹⁶⁶ См.: Общая теория прав человека / отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: Норма, 1996. С. 202.

¹⁶⁷ Лукашева Е.А. Права человека: время трудных решений. М.: Изд-во ИГиП АН СССР, 1991. С. 55.

¹⁶⁸ Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2018. С. 3.

повлечет за собой известные сопутствующие проблемы»¹⁶⁹. Примечательно, что аналогичную точку зрения разделяет один из ключевых разработчиков Интернета – Винтон Серф, который утверждает, что Интернет всего лишь инструмент и через него реализуются права, которые мы обычно реализуем офлайн¹⁷⁰, это обычное средство, делающее жизнь намного удобнее, но не более того¹⁷¹.

Очевидно, что введение самостоятельного правового регулирования интернет-сферы предполагает и установление либо видоизменение определенных правовых статусов, введение новых прав. Но указанная точка зрения отрицает целесообразность подобных действий именно по причине наличия всех правовых составляющих, существующих в законодательстве. Применение же отраслевых подходов к регулированию прав и свобод в Интернете можно поставить под сомнение, поскольку их неэффективность зачастую связана с недоучетом корреляций между правами и обязанностями различных субъектов, осуществляющих деятельность в цифровом пространстве.

Вопрос о том, обладают ли цифровые права самостоятельными признаками, позволяющими идентифицировать их как отличную от других группу прав (по поколениям, отраслевой характеристике, защищаемым благам, степени универсальности и т.д.), пока открыт, поскольку эта проблематика не всегда очевидна в силу получивших распространение подходов, в числе которых принцип, подтвержденный Генеральной Ассамблеей ООН, – права, которые человек имеет вне сети, должны защищаться и онлайн (в Интернете)¹⁷². Согласно данному принципу все известные права, гарантированные юридически и

¹⁶⁹ Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М., 2018. С. 3.

¹⁷⁰ URL: <https://finance-times.ru/justice/121/12221.html>

¹⁷¹ Это высказывание лишь подтверждает гипотезу о том, что развитие Интернета происходит в условиях эксперимента, если даже сами разработчики глобальной сети не предполагали масштабов и социальных последствий ее распространения. Cerf Vinton G. Internet Access Is Not a Human Right // The New York Times. 2012. January 4.

¹⁷² The right to privacy in the digital age: Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2013 // URL: <http://undocs.org/A/RES/68/167>

действующие в реальном мире, по умолчанию принадлежат субъектам в виртуальной среде. Однако полная реализация этого принципа невозможна без учета многих особенностей виртуальной среды, в частности определения корреляций между правами и обязанностями субъектов, способных обеспечить юридические гарантии, которые декларируются на международном и государственном уровнях.

Другой важный момент, который способен оказать влияние на разделение прав в реальном и виртуальном мире, – технологические особенности Интернета, не контролируемые в полной мере ни одним из участников интернет-взаимодействий. К таким особенностям относятся, например, цифровой след, открытый программный код, сетевая архитектура, о которых говорилось ранее и которые могут рассматриваться как некая естественная среда для виртуального пространства, обуславливающая наличие естественных возможностей (способных в дальнейшем перерасти в права) для пользователей Интернета. Эти же возможности могут повлечь и неконтролируемое (в том числе непреднамеренное) нарушение прав, поэтому важно, по крайней мере, обозначить право на осведомленность об основных технологических процессах, с помощью которых можно осуществлять деятельность в Интернете.

В преамбуле Декларации Комитета министров о правах человека и верховенстве права в информационном обществе (СМ(2005)56, 13 мая 2005 г.) признается, что «ограничение или отсутствие доступа к информационным и коммуникационным технологиям может лишить людей возможности полностью реализовывать свои гражданские права». В Докладе Комиссара Совета Европы по правам человека отмечается: «Цифровая среда может в силу самой своей природы размывать основы частной жизни и фундаментальных прав, тем самым подрывая ответственное принятие решений. Здесь кроется потенциальная возможность подрыва верховенства права путем ослабления или разрушения права на частную

жизнь, ограничения свободы коммуникаций или свободы объединений, а также произвольного вмешательства»¹⁷³.

Вместе с тем, как следует из доклада Комиссара Совета Европы по правам человека, ограничения доступа к Интернету и цифровым СМИ, а также попытки осуществлять мониторинг онлайн-деятельности и электронных коммуникаций являются вмешательством в основные права на свободу выражения мнения и информацию, свободу объединений, личную и частную жизнь (возможно, и в другие права, такие как свобода совести и религии, а также право на справедливое судебное разбирательство)¹⁷⁴.

Таким образом, обозначается необходимость развития представлений о правах и свободах в целях обеспечения рационального и безопасного пространства функционирования различных субъектов в Интернете. При этом получает распространение идея цифровых прав, именуемых также интернет-права, сетевые, коммуникационные права, которая упоминается на разных площадках общения, в правовых и иных документах и, очевидно, выходит за рамки одной отрасли права, поскольку на платформе Интернета реализуются практически все признанные права и свободы, и эта реализация сопряжена с ранее указанными особенностями цифрового пространства.

Так, существует Хартия цифровых прав, разработанная объединением (European Digital Rights (EDRi)), включающим европейские правозащитные организации из 21 страны и осуществляющим деятельность по продвижению, защите и поддержке фундаментальных прав и свобод человека в цифровой среде¹⁷⁵.

¹⁷³ Верховенство права в Интернете и в остальном цифровом мире: тематический доклад Комиссара Совета Европы по правам человека. Изд. Совет Европы, 2014 // URL: <https://www.refworld.org/rid/553e05174.pdf>

¹⁷⁴ Там же.

¹⁷⁵ См.: The Charter of Digital Rights // URL: <https://edri.org>; Fetscherin M. CDPresent State and Emerging Scenarios of Digital Rights Management Systems // The International Journal on Media Management. 2002. Vol. 4. No. 3. С. 164–171.

Определение цифровых прав часто дается в широком (социологическом) значении: «расширение и применение универсальных прав человека к потребностям общества, основанного на информации»¹⁷⁶.

Цифровые права упоминаются в документах универсального характера, а также в связи с их использованием в национальном правовом регулировании и развитием правовых исследований¹⁷⁷. На международном уровне и в ряде национальных систем оформляется перечень прав, которые можно считать цифровыми. В рамках ООН принят ряд резолюций, посвященных обеспечению названной категории прав, в частности Резолюция от 27 июня 2016 г. о защите прав в Интернете¹⁷⁸, Резолюция о праве на неприкосновенность частной жизни в цифровой век¹⁷⁹. Аналогичные акты существуют в формате региональных межгосударственных объединений, например, на уровне Комитета министров Совета Европы в 2005 г. принята Декларация о правах человека и верховенстве права в информационном обществе¹⁸⁰.

На национальном уровне также разрабатываются правовые документы, комплексно регулирующие вопросы обеспечения цифровых прав. В Италии в 2015 г. парламентом была одобрена Декларация о правах в Интернете¹⁸¹, в том же

¹⁷⁶ Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. Екатеринбург: Ультра. Культура, 2004.

¹⁷⁷ См., например: Celeste Ed. The Irish Constitution and the Challenges of the Digital Age. Is it Time for a Bunreacht na hEireann 2.0? // URL: <https://ulsites.ul.ie/law/papers-constitution-80-conference>; Yannic Blaschke. Digital rights as a security objective: New gateways for attacks // URL: <https://edri.org/donate/>; Fetscherin M. CDPresent State and Emerging Scenarios of Digital Rights Management Systems // The International Journal on Media Management. 2002. Vol. 4. No. 3. С. 164–171.

¹⁷⁸ См.: The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet: resolution (adopted at the 32nd Session) // URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session32/Pages/ResDecStat.aspx>

¹⁷⁹ См.: The right to privacy in the digital age: Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2013 // URL: <http://undocs.org/A/RES/68/167>

¹⁸⁰ См.: Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society, CM(2005)56 final 2005 / URL: http://www.ifapcom.ru/files/Deklaratsiya_Komiteta_ministrov_o_pravah_cheloveka_i_verhovenstve_prava_v_informatsionnom_obschestve.pdf

¹⁸¹ URL: <https://blog.wan-ifra.org/2015/07/29/italy-leads-the-way-with-internet-bill-of-rights>

году в Новой Зеландии был принят Акт о цифровых коммуникациях¹⁸², во Франции в 2016 г. принят Закон о цифровой республике¹⁸³. В Бразилии с 2014 г. действует Закон о порядке использования Интернета¹⁸⁴.

В литературе отмечается, что в отечественном законодательстве термин «цифровые права» «узурпировали цивилисты»¹⁸⁵. Действительно, определение цифровых прав сформулировано в ст. 141.1 Гражданского кодекса РФ¹⁸⁶ применительно к обязательственным и иным правам, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам. Определение сформулировано довольно широко, поскольку остается открытым сам перечень прав, относимых к цифровым («иные права» можно трактовать по-разному), а также сохраняется ряд вопросов к дефиниции «информационной системы», в частности, можно ли отнести к информационной системе саму глобальную сеть, у которой, как известно, нет законодательного определения или регулирования.

Вместе с тем следует отметить, что закрепление в гражданском законодательстве термина, который фактически может распространяться на отношения и процессы в публичной сфере, а именно в правовом регулировании отношений в Интернете, складывается в некую тенденцию, если учесть появление в Гражданском кодексе РФ термина «информационный посредник», который также может быть использован в более широком контексте, чем защита исключительных прав (ст. 1253.1 ГК РФ).

¹⁸² URL: <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2015/0063/latest/whole.html>

¹⁸³ URL: <https://www.republique-numerique.fr/pages/in-english>

¹⁸⁴ См. подробнее: Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. Ключевые вызовы для мирового сообщества. М.: Альпина Паблицер, 2016. С. 19.

¹⁸⁵ См.: Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 133.

¹⁸⁶ Введена Федеральным законом от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.

Полагаем, это связано не столько с желанием «узурпировать» термин, сколько с необходимостью оперативного решения насущных вопросов, которые в первоочередном порядке возникают в области гражданско-правовых отношений в связи с активным развитием и реализацией задач цифровой экономики и большим объемом частноправовых проблем, которые уже попали в орбиту правоприменительной практики. При этом основной массив прав субъектов в публичной сфере остается в плоскости теоретических исследований в силу сложности не только институциональных проблем интернет-коммуникации, но и требования универсализации понятий и категорий, которая в настоящее время должна коррелировать международно-правовым подходам.

Более того, при определении природы цифровых прав (в широком понимании основных прав и свобод, а также новых прав, которые можно причислить к четвертому поколению) важно учитывать значение частноправовых основ, на которых фактически базируется вся деятельность в Интернете (как ранее отмечалось, речь идет об обеспечении функционирования глобальной сети, построенного на договорных началах). Возможно, это оправдывает появление новых терминов в первую очередь в той отрасли, которая играет существенную роль в определении природы цифровых прав, но менее обозначена в поле публично-правового регулирования Интернета, хотя и оказывает существенное влияние на развитие концепции мультистейкхолдеризма в плане уравнивания возможностей заинтересованных сторон, представляющих как частных, так и публичных субъектов.

Полагаем все же правильным подход, который относит применение термина «цифровые права» к сфере не только частного, но и публичного права. При этом одним из направлений теории права (например, юридической техники) может стать разработка методологии перевода термина, закрепленного в какой-либо одной отрасли, в том числе наиболее востребованной в регулировании тех или иных общественных отношений, в более широкую область права и законодательства, что позволит избежать обвинений в инертности правовых

механизмов применительно к стремительно развивающимся технологиям и соответствующим общественным отношениям.

В настоящее время можно констатировать формирование особой категории прав, не ограниченной рамками какой-либо существующей отрасли права (включая конституционное и международное), в связи с особенностями их реализации, что предполагает введение соответствующих (коррелирующих таким правам) обязанностей и определение круга специальных субъектов, их исполняющих, а также в связи с усилением социальной роли Интернета, обладающего характеристиками, обуславливающими возникновение некоторых прав как естественных для этого пространства.

В качестве характеристик, обладающих одновременно технологическим и социальным потенциалом (в частности, оказывающим влияние на деятельность субъектов в Интернете, которая имеет социальные последствия), можно рассматривать: так называемый цифровой след, фиксирующий действия лица в Интернете; сам интернет-протокол, позволяющий мультиплицировать, перемещать и хранить информацию, но не позволяющий субъекту, например, персональных данных, контролировать эти действия; особенности архитектуры сети, связующей устройства и IP-адреса, но не субъектов, что затрудняет идентификацию, и др.

Существует мнение, что вопрос соотношения цифровых прав с общепризнанными правами актуален, поскольку цифровые права имеют вненациональный характер, т.е. их можно считать основными в универсальном контексте (учитывая единство технологической природы, трансграничный и внетерриториальный характер сферы их возникновения и реализации). Это, в свою очередь, обуславливает прогноз по универсализации правового режима их

обеспечения¹⁸⁷. Также обосновывается мнение о том, что влияние цифровой эпохи повлечет соответствующее увеличение масштаба конституционной среды, поскольку «невозможно представить, что человеческая деятельность путем простого преодоления порога виртуального мира теряет конституционную защиту»¹⁸⁸. Тем не менее, как показывает практика, конституционную защиту прав в виртуальной среде обеспечить сложнее, чем в реальном мире. Это связано не только с ограниченными технологическими функциями, которые могут выполнять органы охраны правопорядка, но и с переосмыслением соотношения конституционных прав и свобод в цифровом пространстве.

Речь идет о конфликте права на свободу обмена информацией и права на защиту интеллектуальной собственности, а такие элементы правового статуса личной свободы (по Н.В. Витруку), как защита личной жизни, тайны переписки, конфликтуют с правом на свободу предпринимательской деятельности (к вопросу об оборотоспособности персональных данных в сети Интернет), направленной на получение прибыли в результате обработки больших массивов информации с использованием технологии Big data. Право на анонимность, хотя еще не стало предметом конституционной защиты, активно декларируется на международном уровне и одновременно вступает в конфликт с конституционными основами охраны правопорядка, когда для пресечения правонарушений требуется установить личность правонарушителя.

Особо необходимо отметить право свободно получать и распространять информацию, которое, казалось бы, получило на просторах Интернета самые широкие возможности реализации за всю историю человечества, но до настоящего времени не может быть распространено на знание субъекта о том, что

¹⁸⁷ Подробнее см.: Грачева С.А., Черемисинова М.Е. Вопросы конституционного обеспечения цифровых прав // Вестник МГПУ. Серия «Юридические науки». 2018. № 4 (32). С. 56–70.

¹⁸⁸ См.: Celeste Ed. The Irish Constitution and the Challenges of the Digital Age. Is it Time for a Bunreacht na hEireann 2.0? // URL: <https://ulsites.ul.ie/law/papers-constitution-80-conference>; Yannic Blaschke. Digital rights as a security objective: New gateways for attacks // <https://edri.org/donate/>

происходит с его информацией в глобальной сети. Возникает внутренний конфликт права на свободу распространения и получения информации, поскольку субъекты сталкиваются с ограничением этого права в связи с технологическими свойствами той же сети.

Здесь правомерно поставить два вопроса, затрагивающих правовой статус субъекта:

1) необходимость введения в правовое поле нового права – на управление собственной информацией, которую в настоящее время технологический функционал сети не позволяет контролировать (частично это может делать обеспечивающий субъект, но не сам обладатель информации);

2) разделение терминов «персональные данные» и «личная информация», что может способствовать большей ясности в вопросах идентификации и защите права на личную жизнь. Законодательное определение персональных данных сформулировано очень широко и соответствует международно-правовому регулированию в этой области¹⁸⁹. Однако оно не позволяет в полной мере ни обеспечить защиту права на частную жизнь, ни решить вопрос с идентификацией субъектов, являющейся ключевым в сфере исполнения государственных полномочий по охране правопорядка.

На данном этапе исследования полагаем целесообразным рассредоточить известные права и свободы по степени влияния на них интернет-платформы, что в дальнейшем позволит более точно определить цифровые права как новое явление

¹⁸⁹ «Персональные данные – любая информация, относящаяся к прямо или косвенно определенному или определяемому физическому лицу (субъекту персональных данных)» (см. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных»). «Персональные данные – любая информация, относящаяся к идентифицированному или идентифицируемому физическому лицу («субъект данных)»» (см.: Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» [рус., англ.] (принят в г. Брюсселе 27 апреля 2016 г.).

правовой науки, не замыкающееся на вопросах имущественных прав, сформулированных в отечественном гражданском законодательстве:

– *традиционные основные права и свободы, закрепленные в конституции и международно-правовых актах.* Для таких прав глобальная сеть является дополнительным средством реализации и одновременно источником правовых рисков, связанных с проблемой обеспечения юридических гарантий. К этой категории можно отнести и права, закрепленные в нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности, получающие за счет Интернета дополнительные возможности осуществления, но также связанные с проблемами гарантий и развитием общественных отношений в рамках использования этих прав. Отнесение таких прав и свобод к цифровым условно, поскольку их формирование и утверждение происходило задолго до внедрения глобальной сети. Вместе с тем осуществление указанных прав на интернет-платформе диктует необходимость пересмотра их соотношения в зависимости от степени технологической и правовой уязвимости субъектов в Интернете, определения приоритетности защиты в целях сохранения базовых правовых ценностей, закрепление которых в законодательстве стало результатом продолжительной социальной борьбы и правовой эволюции;

– *права, появление которых связано с реакцией на неблагоприятные последствия, возникшие в результате использования Интернета, и которые могут рассматриваться как модификация известных, утвержденных в социальной практике прав.* Речь идет, например, о праве на забвение, праве на анонимность, праве на свободу коммуникации. Первое уже закреплено в законодательстве, второе активно обсуждается, причем формируются диаметрально противоположные направления дискуссии – от необходимости законодательного закрепления возможности анонимного общения до строгого запрета.

При этом и право на забвение, и право на анонимность могут трактоваться как элемент реализации права на неприкосновенность частной жизни, на защиту

персональных данных, а, например, право на свободу коммуникации суть право на свободу распространять и получать информацию, а также на свободу собраний и объединений, но они нуждаются в уточнении применительно к виртуальной среде. В литературе отмечается, что, например, права, закрепленные в законодательстве Германии, – на информационное самоопределение, на обеспечение целостности и конфиденциальности информационно-технологических систем (IT-право), на тайну переписки, почтовых отправлений и телекоммуникаций, на неприкосновенность жилища – имеют «судебное происхождение»¹⁹⁰, поскольку каждое из них было сформулировано в постановлениях Федерального конституционного суда Германии, т.е. обозначено в результате разрешения правового конфликта. Вместе с тем суть этих прав не изменяется, а лишь трансформируется с поправкой на использование средств телекоммуникации.

В качестве других примеров можно привести право на цифровое существование – расширение возможностей осуществления права на предпринимательскую деятельность, а также право на цифровую идентичность – право на защиту репутации¹⁹¹.

Такое уточнение касается не сущности самих прав, а, скорее, корреспондирующих этим правам обязанностей и выявления тех субъектов, которые смогут такое право гарантировать;

– *права, появление которых связано исключительно с появлением Интернета и развитием общественных отношений в цифровом пространстве.* Количество таких прав пока невелико, их перечень остается открытым в связи с небольшим по историческим меркам периодом функционирования глобальной сети. Тем не менее полагаем обоснованным рассмотреть эти права в свете

¹⁹⁰ Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 132.

¹⁹¹ Там же. С. 133.

настоящего исследования, поскольку они, возможно, станут основой правового статуса субъекта общественных отношений в сети Интернет.

К таким правам можно отнести: право на доступ к сети Интернет в целом (для всех категорий субъектов); право на защиту от информации (тяготеет к личным правам, но может распространяться и на права организаций, требует осмысления в контексте запрещения цензуры, установленного на конституционном уровне); право, обеспечивающее реализацию так называемого принципа сетевой нейтральности (может охватывать и интернет-ресурсы, и индивидов, хотя в плане обязанностей скорее будет коррелировать обеспечивающему субъекту); право на доменное имя (относится к обеспечивающему (специализированному) субъекту); право на управление персональной информацией в Интернете (применимо в отношении использующего субъекта, требует решения вопроса о возможности управления информацией как таковой, т.е. учета свойств информации в праве, обращения к теории и философии информации).

Возможно, в этом случае можно говорить о пополнении четвертого поколения прав, которое начало формироваться в 1990-х гг. К нему относят информационные права, а также права на мир, на ядерную безопасность, космос, экологические права и другие¹⁹². Полагаем, что в развитие постнеклассической теории право на использование технологической структуры (глобальной информационно-телекоммуникационной сети), в отношении которой решаются вопросы о рассмотрении ее в качестве нового пространства наряду с космосом и переходе ее в категорию общественного блага, также можно отнести к новому поколению прав с опорой на междисциплинарные исследования, результаты которых необходимо использовать при разрешении вопросов права сфере Интернета;

¹⁹² См., например: Венгеров А.Б. Теория государства и права: учебник. М.: ИД «Юриспруденция», 2000. С. 403.

– *права субъектов по договорам*, которые заключаются: 1) первоначально для обеспечения доступа к Интернету (с регистратором доменного имени, оператором связи); 2) при пользовании конкретными интернет-ресурсами (пользовательское соглашение, правила использования сайтов и т.п.). Эти права составляют важную часть как правового статуса, так и реального правоотношения, которое складывается в виртуальной среде, поскольку основа функционирования Интернета, как ранее отмечалось, – гражданско-правовой договор (*sui generis*).

В научной литературе подчеркивается, что основным правовым средством регулирования трансграничных отношений, складывающихся в процессе использования базовых компонентов технологической инфраструктуры Интернета, выступает частноправовой договор¹⁹³.

Кроме того, на законодательном уровне (в нормативных правовых актах, составляющих в определенной степени основу регулирования отношений в сети Интернет) предусмотрены положения договоров, в частности о присоединении сетей электросвязи в соответствии с правилами, утвержденными Правительством Российской Федерации, закрепляющие *права и обязанности операторов связи при присоединении сетей электросвязи и их взаимодействии; права и обязанности владельцев сетей связи специального назначения при присоединении сетей связи специального назначения к сети связи общего пользования и их взаимодействии*¹⁹⁴. Также законодательно установлено, что договор о многосубъектном использовании радиочастотного спектра должен содержать права и обязанности пользователей радиочастотным спектром, в том числе обязанности пользователей радиочастотным спектром по соблюдению

¹⁹³ См. подробнее: Касенова М.Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования интернета: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.

¹⁹⁴ См. ст. 18 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

условий, установленных соответствующим решением о выделении полосы радиочастот¹⁹⁵.

В результате можно сделать вывод о том, что права и обязанности по договорам, которые заключаются между субъектами общественных отношений в сети Интернет, являются неотъемлемой частью правового статуса, позволяющей регулировать деятельность субъектов в условиях пробельности законодательства, по объективным причинам не успевающего за развитием интернет-процессов.

В целях исследования направлений формирования самостоятельных прав остановимся подробнее на некоторых из них.

Введение *права на забвение* обусловлено возможностями использования в Интернете свободного потока информации, не ограниченного договорными нормами или юридическими предписаниями, когда данные открыты для интерпретации и использования (неправильного использования или искажения), полностью оторваны от их первоначального контекста. Несмотря на то что общество извлекает выгоду из использования таких данных, это может повлечь (и уже повлекло) пагубные, а иногда непоправимые последствия. Сведения из Интернета не могут быть удалены полностью, что может навсегда связать субъектов таких персональных данных со всеми их прошлыми действиями¹⁹⁶.

В Российской Федерации это право установлено в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации»¹⁹⁷.

¹⁹⁵ См. ст. 24 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

¹⁹⁶ См., например: Robert Kirk Walker. The Right to Be Forgotten // Hastings law journal. 2012. December. Vol. 64:101.

¹⁹⁷ Введение права на забвение означает дополнительную операционную нагрузку на поисковики с учетом того, что максимальный размер штрафа для поисковиков за нарушение «права на забвение» в Интернете составляет 1 млн руб. (ч. 3 ст. 17.15 КоАП РФ). См. подробнее: Шадрина Т. Теперь каждый может удалить из Сети неверную информацию о себе // Российская газета. 2016. 1 янв.

В зарубежной литературе в ходе дискуссий относительно признания и законодательного установления права на забвение были поставлены следующие вопросы. Какие права контроля должны иметь физические лица в отношении личной информации в Интернете? Должны ли они иметь возможность требовать, чтобы информация, которая наносит вред их репутации или нарушает их конфиденциальность, была навсегда удалена? Если такие права будут введены, то как они будут соотноситься со свободой выражения мнений и правами СМИ? Имеют ли права на неприкосновенность частной жизни временные и пространственные рамки (в каких юрисдикциях они могут быть заявлены), кем и против кого могут быть заявлены эти права? Наконец, являются ли суды надлежащим местом для разрешения таких споров или предпочтительнее другие культурные, технологические или рыночные подходы к разрешению подобных споров?

Ответом на эти вопросы стало признание на международном уровне «права на забвение»¹⁹⁸, которое впоследствии предоставило физическим лицам правовой механизм для принудительного и постоянного удаления их личной информации из онлайн-баз данных¹⁹⁹. Следует отметить, что при этом коррелирующая обязанность была введена в отношении поисковых систем, которые должны удалять ссылки на заявленную информацию. Сами субъекты, которые требуют удаления информации о себе, не имеют возможности осуществлять подобные действия в Интернете. Более того, удаление ссылок из поисковых систем еще не означает полного удаления информации из Интернета, что делает право на

¹⁹⁸ Статья 17 «Право на удаление («право на забвение»)» Регламента № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (принят в г. Брюсселе 27 апреля 2016 г.).

¹⁹⁹ See Press Release from Viviane Reding, Vice-President of the European Commission & E.U. Justice Commissioner, The EU Data Protection Reform 2012: Making Europe the Standard Setter for Modern Data Protection Rules in the Digital Age (Jan. 24, 2012) [hereinafter Reding, Making Europe the Standard Setter] // URL: <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/12/26>.

забвение условным, поэтому были предложения признать это право ограниченным и закрепить как обязательное в пользовательских соглашениях веб-сайтов²⁰⁰. Однако пока ввести какие-либо обязательные условия в пользовательские соглашения не представляется возможным, так как эти вопросы полностью находятся в частноправовой сфере.

Есть практика закрепления в законодательстве «права на цифровую смерть» (по аналогии с завещанием)²⁰¹, когда лицо будет иметь право на соблюдение после своей смерти поставщиками онлайн-услуг или доверенными лицами его воли по поводу дальнейшей судьбы персональной информации, опубликованной онлайн. Право на цифровую смерть в определенной степени можно было бы признать разновидностью права на забвение. Однако в этом случае важно решить вопрос о природе права – соотношение имущественных и неимущественных аспектов, о составе субъектов, способных нести ответственность за реализацию таких прав при наличии у них достаточных технических средств.

*Право на доступ к сети Интернет*²⁰² обосновывается увеличением значения глобальной сети и рассмотрением Интернета, а также коммуникации в его пределах, в качестве самостоятельных социальных благ, влияющих на возможность реализации других фундаментальных прав и качество современной

²⁰⁰ Walker Robert Kirk. The Right to Be Forgotten // Hastings law journal. 2012. December. Vol. 64:101.

²⁰¹ См.: Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 132.

²⁰² Отметим, что также принимается подход, согласно которому «право на доступ к Интернету считается неотъемлемой частью права на информацию и связь, защищаемого конституциями государств-членов, и включает в себя право каждого на участие в информационном обществе и обязанность государств гарантировать своим гражданам доступ к Интернету. Соответственно, общие гарантии, защищающие свободу выражения мнения, позволяют сделать вывод, что также следует признать право на беспрепятственный доступ к Интернету»/ См.: Постановление ЕСПЧ от 18 декабря 2012 г. (жалоба № 3111/10) по делу «Ахмет Йилдырым (Ahmet Yildirim) против Турции».

жизни. Право на Интернет в целом предлагается закрепить законодательно, и в некоторых странах подобная практика уже сложилась²⁰³.

По мнению О. Демидова, существуют социально-экономические предпосылки для фактического перехода интернет-коммуникации в статус универсального блага (англ. *common good*)²⁰⁴, а «почти абсолютная распространенность» и огромное значение в хозяйственных, социальных и собственно коммуникативных процессах как на уровне государств и корпораций, так и на уровне отдельных граждан подтолкнул формирование запроса на включение доступа к цифровым коммуникациям в список базовых прав человека. Автор считает, что отключение доступа к Интернету в масштабах региона и тем более государства переходит в глазах граждан в разряд острого кризисного явления²⁰⁵.

Это расходится с пониманием Интернета В. Серфом, но, возможно, свидетельствует о том, что прогнозы создателей Интернета не учитывали масштабов его распространения и ту роль, которую стали играть информационно-коммуникационные технологии в жизни общества. Об этом свидетельствуют исследования, в которых анализируется право на Интернет²⁰⁶.

²⁰³ Например, с июля 2010 г. в соответствии с разделом 60(3) «Положения об универсальной услуге» (Закон «О рынке коммуникаций») все граждане имеют законное право на доступ к широкополосному соединению со скоростью не менее 1 Мб/сек; 23 апреля 2014 г. был подписан Закон Федеративной Республики Бразилия о порядке использования Интернета № 12.965, известный как *Marco Civil da Internet*, ставший одним из передовых актов подобного рода в мировой практике. В частности, пользователям гарантируются следующие права (ст. 7): право на невозможность приостановки интернет-соединения, за исключением случаев задолженности, ставшей непосредственным следствием использования Интернета; право на обеспечение уровня качества интернет-соединения, предусмотренного договором с провайдером (См.: Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. Ключевые вызовы для мирового сообщества. М., 2016. С. 19).

²⁰⁴ См.: Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. Ключевые вызовы для мирового сообщества. М., 2016. С. 17.

²⁰⁵ Там же. С. 18.

²⁰⁶ См., например: Гуляев К.С. Право человека на Интернет, права в Интернете и при использовании интернет-вещей: новые тенденции // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 29–37; Шатилина А.С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека.

На международном уровне складывается тенденция, подтверждающая значение Интернета для развития информационного общества. В частности, в докладе Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 10 августа 2011 г. № А/66/290 отмечается, что «государства обязаны содействовать осуществлению права на свободное выражение мнений и использованию необходимых для его осуществления средств, к числу которых относится Интернет»; в отчете «Свобода выражения мнения в Интернете» представителя по вопросам свободы СМИ 2011 г. утверждается, что «каждый человек имеет право участвовать в жизни информационного общества, поэтому государства обязаны гарантировать доступ граждан к Интернету. Европейский Суд по правам человека качестве нового и влиятельного информационного средства признал Интернет подпадающим под сферу действия ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ввиду его доступности и способности хранить и передавать огромное количество информации (дело Таймс Ньюспейперс Лтд. [Times Newspapers Ltd.])²⁰⁷.

В литературе подчеркивается, что доступ к Интернету – необходимое предварительное условие для использования всех возможностей онлайн, он может рассматриваться как существенный аспект свободы человека, провозглашенной ст. 1 Всеобщей декларации прав человека, а блокирование доступа к Интернету представляет серьезное вмешательство в его свободу²⁰⁸. В мировой практике это происходит посредством признания Интернета универсальной и общедоступной услугой (Эстония, Испания), закрепления права на доступ к Интернету в качестве

2018. № 1. С. 38–45; Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109–123; Брылева Е.А. Право на использование Интернета как одно из «неотъемлемых» прав человека? // Информационное право. 2017. № 2. С. 23–26.

²⁰⁷ См.: Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека / Совет Европы / Европейский Суд по правам человека, 2011. С. 25.

²⁰⁸ См.: Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3. С. 130.

конституционного (Греция, Португалия), признания данного права высшими судами (Франция, Коста-Рика)²⁰⁹.

Нельзя не отметить роль глобальной сети в условиях чрезвычайных ситуаций. Как показала ситуация с распространением коронавирусной инфекции, именно Интернет не позволил полностью парализовать деятельность многих организаций и предприятий, предоставил возможности общения и широкого информирования населения о происходящих событиях. Виртуальное пространство оказалось готово к увеличению нагрузки на технологическую инфраструктуру и стало серьезным подспорьем для бизнеса, власти и населения при введении ограничительных мер.

Приведенные примеры показывают, что глобальная информационно-телекоммуникационная сеть перерастает свое первоначальное назначение в качестве дополнительного средства обмена (передачи) информации, предоставляемого в основном на основании запросов и платежеспособности субъектов (как телефон, телевидение и т.п.), в связи с готовностью государств принимать на себя позитивные обязательства по обеспечению доступа к этому ресурсу.

Еще одно право, которое возникло только с появлением Интернета, активно обсуждается в науке, постепенно получает закрепление в законодательстве, – *право на защиту от информации*. Это право прямо противоположно всем предшествующим правовым, в том числе конституционным, постулатам, становление которых происходило на протяжении многих лет и было направлено на максимальную полноту, свободу распространения и получения информации, упразднение цензуры и развитие средств массовой информации.

Первым шагом на пути закрепления такого права в нашей стране стало принятие Федерального закона от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию», направленного на

²⁰⁹ Там же. С. 131.

решение проблемы защиты детей и юношества от негативного агрессивного, в некоторой степени аморального влияния информации. Примечательно, что ранее в ст. 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» уже была закреплена необходимость защиты ребенка от информации, пропаганды и агитации, наносящих вред его здоровью, нравственному и духовному развитию, но этих мер оказалось недостаточно в условиях стремительного распространения информационно-телекоммуникационных технологий.

Более того, в доктрине обсуждается право на защиту от информации в целом, потому что ее объемы, детализированность, скорость распространения, а подчас и агрессивность начинают оказывать неблагоприятное воздействие на психологическое состояние людей. Неограниченная, бесконтрольная реализация права на информацию, в частности при ее распространении, может нести в себе значительную угрозу национальным государственным интересам, моральному и нравственному развитию общества²¹⁰.

При этом в ряде случаев такая информация является не только травмирующей, но и нежелательной к получению, однако чаще всего люди могут и не замечать осознанно ее травмирующего воздействия²¹¹. Кроме того, информация за счет ее широкой доступности может обесцениваться. Все больше утверждается мнение о том, что информационное пространство заполнено шумом, в котором трудно ориентироваться, и требуется противодействие агрессивной информации²¹².

Другой проблемой в виртуальном мире является распространение недостоверной информации (fake news – поддельные, ложные новости), масштабы

²¹⁰ См. подробнее: Лапо Л.Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения права на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

²¹¹ См., например: Китайчик М.М. Право на защиту от информации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3.

²¹² См., например: Кобзева С.В. Противодействие распространению агрессивной информации. Мировой опыт. М.: Либроком, 2009.

которого посредством глобальной сети могут приобретать крайне деструктивный характер для общества²¹³. При этом особые сложности представляют установление источника информации, а также способы ее опровержения и удаления.

В отдельных странах вводится законодательное регулирование вопросов, связанных с распространением недостоверных новостей. Например, в Малайзии 19 апреля 2018 г. Вступил в силу Закон о борьбе с недостоверными новостями. В нем закреплено определение недостоверных новостей: любые новости, информация, данные и репортажи, которые недостоверны полностью или частично в изложении фактов, видео- или аудиоматериалов или в любой другой форме, предполагающей содержание слов или идей (Id. s 2.)²¹⁴.

В Европейском Союзе сформулировано предложение о принятии Кодекса практики по борьбе с недостоверными новостями онлайн (11 мая 2018 г.). 26 апреля 2018 г. Европейская комиссия обнародовала пакет мер, среди которых принятие кодекса Европейского Союза и создание независимой сети «проверяющих факты», действие которых направлено на борьбу с распространением дезинформации – «определенно ложной и вводящей в

²¹³ Так, бразильское законодательство предусматривает предотвращение оскорбительной рекламы, а информация, направленная на дискредитацию кандидата, если ее размещение представляет собой злоупотребление властью, может послужить причиной отмены выборов. В Бразилии создан комитет, в который входят представители Федеральной полиции, прокуратуры и бразильского разведывательного управления, чтобы предотвратить распространение поддельных новостей // URL: <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/brazil-fake-news-may-annul-candidates-election-in-2018-general-elections/>

²¹⁴ Раздел 4 этого документа предусматривает такие правонарушения, как создание, предложение, опубликование и т.д. недостоверных новостей или размещение публикаций, содержащих подобные новости. При этом лицо, которое любыми способами намеренно создает, предлагает, публикует, печатает, распространяет, вводит в оборот какие-либо недостоверные новости или публикации, совершает правонарушение и будет по официальному приговору нести ответственность в форме штрафа, не превышающего 500 ринггитов (128,575 долл. США), или тюремного заключения на срок, не превышающий 6 лет, либо и того и другого, а в случае продолжающегося правонарушения – в форме штрафа, не превышающего 3000 ринггитов (около 771 долл. США), за каждый день в течение совершения правонарушения (Id. s 4.) // URL: <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/malaysia-anti-fake-news-act-comes-into-force/>

заблуждение информации, которая создана, представлена и распространена ради экономической выгоды или намеренного обмана общественности и способна причинить вред». Предложенные меры дополняют Общие правила защиты данных, применяемые на территории ЕС с 25 мая 2018 г. Однако в сообщении комиссии не рассматриваются связанные с этим вопросы размещения незаконного контента в Интернете²¹⁵.

Таким образом, парадокс информационного общества, предоставившего почти неограниченные возможности распространения информации и теперь находящегося в поисках правовых путей защиты от ее переизбытка и недостоверности, требует разработки средств, в том числе юридических, способных сбалансировать возможности информационно-технологической системы и возможности общества, индивидов гармонично сосуществовать в этой системе.

В отечественной литературе поставлен вопрос о рассмотрении права на достоверную информацию как базового правового принципа²¹⁶, что в информационном обществе, по нашему мнению, должно получить дальнейшую доктринальную поддержку и развитие. При этом необходимо продолжение исследований в области определения правовой природы информации, поскольку «во всех случаях толкования правовой природы права на достоверную информацию весьма важным аспектом является тот факт, что достоверность

²¹⁵ (Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Tackling Online Disinformation: A European Approach, COM (2018) 236 final (Apr. 26, 2018), EUR-Lex website; Press Release, European Commission, Tackling Online Disinformation: Commission Proposes an EU-Wide Code of Practice (Apr. 26, 2018), European Commission website; Regulation 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (GDPR), 2016 O.J. (L 119) 1, EUR-Lex website).

²¹⁶ См. подробнее: Минбалеев А. В. Правовая сущность права на достоверную информацию // Проблемы права. 2019. № 1 (70). С. 23, 24.

информации выступает как особое требование прежде всего в целях обеспечения информационной безопасности²¹⁷.

При этом содержание права на защиту от информации однозначно должно учитывать конституционный запрет цензуры, установленный в подавляющем большинстве современных государств и относящийся в основном к деятельности государственных органов. Механизм самоуправления в этой области – модерация сайтов, предполагающая блокирование или удаление нежелательной информации, противоречащей внутренним нормам интернет-ресурсов, – может быть перспективен в плане исследования негосударственных форм фильтрации контента и усиления правового статуса субъектов, обеспечивающих правомерное и эффективное функционирование интернет-платформ.

В качестве цифрового можно рассматривать также право, соответствующее принципу сетевого нейтралитета²¹⁸, которое появилось только в цифровую эпоху благодаря глобальной сети и может быть отнесено к информационным, потому что предполагает паритетные начала предоставления информации независимо от ее экономической ценности или политической ангажированности.

Возможно, термин «цифровые права» можно будет рассматривать и применительно к функционалу сетевых компьютерных игр, в этом случае такие права могут выходить за рамки информационных и распространяться на имущественные и реальные товарно-денежные отношения, что подтверждается формирующейся судебной практикой в этой области²¹⁹.

Право на управление персональной информацией в Интернете имеет чрезвычайно важное значение. Идея введения этого права в содержание правового статуса субъекта появилась параллельно с идеей права на забвение, но

²¹⁷ Там же. С. 24.

²¹⁸ Нейтральность в Интернете подразумевает, что любая информация считается одинаково важной независимо от ее источника (URL: <https://www.bbc.com/russian/features-40557357>). Если доступ к одним страницам сети осуществляется быстрее, чем к другим, принцип нейтральности сети фактически нарушается.

²¹⁹ См., например: Решение Черемушкинского районного суда г. Москвы по делу № 2-95/12 от 22 июня 2012 г.

получила реализацию совсем недавно в связи с активным развитием коммерческого оборота персональных данных. В январе 2020 г. в штате Калифорния вступил в действие Закон о защите конфиденциальности потребителей (California Consumer Privacy Act или CCPA), инициированный Алистером МакТаггартом, который исходил из простой предпосылки о том, что люди должны: знать, продают ли компании их личную информацию; иметь возможность посмотреть, какую информацию компании уже о них собрали; выйти из этой системы²²⁰.

CCPA действует в отношении коммерческих организаций, которые собирают личные данные потребителей. Основное новшество CCPA – наделение потребителей определенными правами в отношении их персональных данных и установление соответствующих обязанностей для компаний, подпадающих под действие Закона. Компании будут обязаны: подробно раскрывать в своих политиках о конфиденциальности, как они собирают, обрабатывают, используют и продают персональные данные пользователей (право знать); предоставлять пользователям способы обращаться с просьбой о получении доступа к их данным и об удалении этих данных (право на доступ и удаление); уведомлять пользователей, если компания занимается продажей персональных данных, и предоставлять им способ отзыва согласия на продажу их данных (право на отказ); внедрять и поддерживать разумные меры по защите персональных данных (право на безопасность данных и раскрытие информации о взломах)²²¹.

Необходимо отметить, что повышая шансы пользователей на защиту их прав относительно использования персональных данных, Закон затрагивает права интернет-компаний на свободное осуществление предпринимательской деятельности и возможность коммерциализации ее результатов. Вопросов к

²²⁰ См. подробнее: URL: <https://data-to-data.ru/novosti-it-industrii/firmy-boryutsya-za-soblyudenie-kalifornijskogo-zakona-o-zashhite-prav-potrebitelej.html> © <https://data-to-data.ru/>

²²¹ См.: Краснов Е. Калифорнийский закон о конфиденциальности потребителей вступает в силу с 1 января 2020 г. // URL: <https://vc.ru/legal/94782-kaliforniyskiy-zakon-o-konfidencialnosti-potrebiteley-vstupayet-v-silu-s-1-yanvary-2020-goda>

действию этого закона пока очень много. Ясно одно: он действует в сфере защиты прав потребителей и обозначает приоритет личных прав над правами организаций. Для целей настоящего исследования пример принятия этого Закона важен также и в плане оценки действия концепции мультистейкхолдеризма, поскольку в соответствии с этим Законом за пользователями Интернета признается функция в первую очередь потребления услуг, а не участия в развитии и наполнении сети. Иными словами, пользователи (потребители) как более уязвимая категория стейкхолдеров все же нуждается в особой защите своих прав.

В результате анализа приведенных примеров можно констатировать, что цифровые права и свободы выходят за рамки информационных, поскольку их формирование происходит практически во всех сферах общественной жизни и предполагает решение следующих вопросов:

- какие из фундаментальных и конституционных прав и свобод должны получить первоочередную защиту для того, чтобы поддержать правопорядок и в то же время сохранить ценность информационно-телекоммуникационного ресурса с его неоспоримыми преимуществами при формировании информационного общества;

- кто должен и кто сможет обеспечить подобную защиту и с помощью каких средств (правовых, технологических или при объединении усилий юридического и технического сообществ, что открывает перспективы области развития юртеха);

- каковы должны быть обязанности государства в этом процессе: позитивные, предполагающие введение мер, стимулирующих развитие и компенсирующих затраты субъектов, или негативные, минимизирующие государственное участие в регулировании Интернета.

Возникновение новых прав (нового поколения прав) связано: с определением их места в общей системе прав, приоритетности защиты субъектов, а также соотношения договорных и государственных начал при формировании института гарантий в Интернете; с распределением ролей государства и частных

субъектов в обеспечении защиты основных прав и свобод, выявлением их природы и классификации в качестве абсолютных и относительных и т.д.

Определение природы прав, в частности основы их формирования (традиционные, трансформировавшиеся, новые, появившиеся из дополнительных возможностей, предоставляемых глобальной сетью или иными технологическими инновациями, договорные), позволит взвешенно подойти к решению вопроса ограничения и прав и введения коррелирующих обязанностей, что составляет одну из наиболее сложных задач правового регулирования общественных отношений в Интернете на данном этапе.

Поиск ответов на эти вопросы, возможно, будет способствовать дальнейшей конкретизации теоретических и практических аспектов формирования правового статуса субъекта в виртуальном пространстве.

§ 2. Законные интересы и правовые риски: значение и поиск баланса в сфере Интернета

Тема интересов в праве рассматривалась в трудах многих правоведов. Например, Н.М. Коркунов полагал, что право должно способствовать разграничению интересов. По его утверждению, «как установление мерил для оценки наших интересов есть задача каждой нравственной системы, так и установление принципа для разграничения интересов различных личностей – есть задача права»²²². По мнению Л.И. Петражицкого, «право регулирует непосредственно не интересы наши, а поступки, и это – две вещи различные»²²³. Эту точку зрения разделял и Г.В. Мальцев, полагая, что интересы представляют собой необходимый социальный материал для конструирования права, его форм, понятий, принципов, однако необходимо избегать переоценки связи между

²²² Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003. С. 61.

²²³ Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Тип. М. Меркушева, Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1909. С. 315.

понятиями «юридические интересы» и «правовой поступок»²²⁴. По мнению И.А. Ильина, «интересом следует называть отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему необходимо или важно», а борьба (столкновение) интересов – неотъемлемое условие реализации желаемого²²⁵. И если согласно Н.М. Коркунову право служит для разграничения интересов, то, по И.А. Ильину, одна из ключевых функций права – оптимизация интересов людей, объединенных в том или ином правовом сообществе²²⁶.

Согласно Г. Еллинеку цель права заключается в защите и охране человеческих благ или интересов, а развитие индивидуальности является одним из высших солидарных интересов, хотя творческая индивидуальность может находиться за пределами интересов государства, быть обременительна и для субъектов правоприменения, поскольку инновационная деятельность не всегда соответствует устоявшимся, универсальным принципам, нормам морали и права²²⁷.

Как отмечает А.В. Кузьмина, «острые дискуссии по поводу диалектического сосуществования права и интересов – достаточно надежный индикатор того, что интерес ценен своей особой жизненной энергетикой, которая проникает во все сферы личного и общественного бытия, включая власть и права, выступая одним из определяющих регуляторов человеческих отношений»²²⁸. Интересы и их баланс составляют важную часть социального содержания права, а их изучение позволяет приблизиться к пониманию его природы и назначения в обществе²²⁹.

²²⁴ См.: Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: Норма, 2007. С. 313.

²²⁵ См.: Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003. С. 77–78.

²²⁶ Там же. С. 97.

²²⁷ Подробнее см.: Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

²²⁸ Кузьмина А.В. Категория «интерес» в философии и праве. М.: Юрид. лит., 2009. С. 149.

²²⁹ См.: Пашенцев Д.А. Баланс публичных и частных интересов как условие привлечения инвестиций. (теоретико-правовое исследование) // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов: сб. материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / Л.В. Андреева,

Законные интересы как элемент правового статуса субъекта нельзя рассматривать отдельно от самого субъекта, т.е. категория «интерес», в том числе «интерес в праве», наиболее точно персонифицирована. Это возвращает нас к вопросу о субъектах, интересы которых необходимо сбалансировать для решения вопроса об эффективном регулировании отношений в сети Интернет.

По мнению Д.А. Пашенцева, «современные трактовки баланса интересов в праве основываются как на традиционной методологии юридической науки, так и на положениях постклассической юриспруденции»²³⁰. В рамках постклассической теории права он выделяет два направления, которые представляются перспективными при исследовании баланса публичных и частных интересов. Прежде всего, это диалогическая (или коммуникативная) теория права, где фактически речь идет именно о соотношении своих интересов с интересами Другого, соотношении собственных частных интересов с интересами публичными. Это актуализирует повышенное внимание к субъектам права, к тем интересам, которые влияют на них при совершении юридически значимых действий²³¹.

В этой трактовке опять проявляется дуализм общественных отношений, складывающихся в сети Интернет, которые, развиваясь на частноправовой основе, затрагивают публично-правовые интересы, нуждаются в государственных гарантиях, проецируются на политическую, в том числе международную, сферу. В философских исследованиях подчеркивается, что в случае ориентации на успех «координация действий субъектов, которые ...обращаются друг с другом стратегически, зависит от того, насколько эгоцентрический подсчет собственной

Л.В. Андриченко, В.Р. Байрашев и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2019.С. 217.

²³⁰ Там же.С. 218.

²³¹ Пашенцев Д.А. Баланс публичных и частных интересов как условие привлечения инвестиций.(теоретико-правовое исследование) // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов: сб. материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / Л.В. Андреева, Л.В. Андриченко, В.Р. Байрашев и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М., 2019.С. 219.

выгоды уравнивается подсчетом выгоды с противной стороны. Тогда степень кооперации и стабильности зависит от удовлетворения интересов участников взаимодействия»²³².

В противоположность этому, развивая идею о коммуникативном действии, автор рассматривает ситуацию, когда акторы согласуют между собой планы своих действий и преследуют те или иные цели только при условии согласия относительно данной ситуации и ожидаемых последствий, которое или уже имеется между ними, или о нем еще только предстоит договориться²³³.

По мнению отдельных ученых, исследовавших сеть Интернет и предпринявших попытки дать ее определение, несмотря на то что сеть Интернет не способна иметь какие-либо самостоятельные права и нести обязанности, выступать в гражданском обороте и при разрешении споров в судах от собственного имени, нести ответственность, поскольку она не обладает организационным единством, не инкорпорирована ни в одной из стран мира, не создана как международная организация, не имеет органов управления и учредительных документов, за каждым возникающим при работе в сети правоотношением стоит *конкретный правоспособный субъект*²³⁴.

При всем разнообразии подходов, выработанных применительно к субъектному составу глобальной сети, существует позиция, объединяющая субъектов и позволяющая более глубоко исследовать их правовой статус. Эта позиция заключается в том, что, как отмечалось выше, все субъекты интернет-отношений тесно взаимосвязаны, одинаково вовлечены в эти отношения,

²³² Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006. С. 199–200.

²³³ Там же.

²³⁴ См.: Танимов О.В., Кудашкин Я.В. О правовой природе и возможности правового регулирования отношений в сети Интернет // Информационное право. 2012. № 2 // СПС «КонсультантПлюс».

одинаково заинтересованы в развитии Интернета и поддержке сетевой коммуникации²³⁵.

На конференции по управлению Интернетом в 2017 г. подчеркивалось значение основного принципа управления – обеспечения баланса интересов всех вовлеченных сторон: от мирового сообщества до национальных государств, от государств до конечных пользователей²³⁶. Однако в этом принципе заключается и основная проблема – достижение баланса интересов, зачастую не совпадающих, и поиск таких средств регулирования, которые не будут создавать «драматического перекося в пользу позиций политико-административного аппарата или крупного бизнеса»²³⁷.

Многими исследователями подтверждается²³⁸, что ценность сети определяется количеством ее участников, технологии позволяют не только использовать, но и развивать, и наполнять сеть независимо от полномочий или навыков по управлению интернет-процессами. Появился термин «мультистейхолдеризм»²³⁹, который предполагает сбалансированное взаимодействие, соблюдение интересов всех заинтересованных сторон и составляет основу принципа, на котором, по мнению многих представителей интернет-сообщества, должно быть основано управление Интернетом. В своей работе «Управление на основе мультистейхолдеризма и Форум по управлению Интернетом» Дж. Малколм на основе анализа повестки Тунисского обязательства

²³⁵ См.: Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет // Журнал российского права. 2018. № 9 (261). С. 120.

²³⁶ URL: <http://2017.rigf.ru/>

²³⁷ Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ: ключевые вызовы для мирового сообщества. М., 2016. С. 29.

²³⁸ См., например: Кастельс М. Власть коммуникации: учебное пособие / пер. с англ. Н.М. Тылевич ; под науч. ред. А.И. Черных ; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016.; Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху: парадигма баланса и гибкости. М.: ИД «Юриспруденция», 2013.; Бачило И.Л. Государство и право XXI в. Реальное и виртуальное. М.: Юркомпани, 2012.; Голоскоков Л.В. Теория сетевого права. М.: МПСУ; Воронеж: МОДЭК, 2012.; Бехманн Г. Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний / пер. с нем. А.Ю. Антоновского, Г.В. Гороховой, Д.В. Ефременко и др. М.: Логос, 2010.

²³⁹ Управление с участием всех заинтересованных сторон.

по развитию информационного общества определяет три основные группы стейкхолдеров, принимающих участие в управлении Интернетом: государственный сектор, частный сектор (бизнес-сообщество) и гражданское общество. В качестве отдельных групп он выделяет межправительственные организации и частные организации (например, ICANN)²⁴⁰. Он также отмечает, что в случае управления Интернетом государство не всегда является полным представителем интересов своих граждан. Такое представительство могут обеспечить только все три группы заинтересованных сторон.

В этом исследовании не уделяется внимание еще одной очень важной группе стейкхолдеров, а именно интернет-сообществу (в контексте настоящего исследования это обеспечивающие субъекты). Принцип управления Интернетом с участием всех заинтересованных сторон закреплен в итоговых документах Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам развития информационного общества (ВВУИО) и отражен в повестке дня и формате работы Международного союза электросвязи, IGF, ряда других структур²⁴¹. Однако его интерпретация, предлагаемая ICANN и другими структурами технического сообщества, не совсем верна. Необходимость учета мнений заинтересованных сторон, помимо государства, не дает права принимать решения, которые не учитывают интересов и позиций государства и не согласованы с его представителями. Несмотря на равный статус заинтересованных сторон и необходимость учета всех позиций, именно государства как носители суверенитета и единственные субъекты международного права являются конечной инстанцией принятия решений по вопросам управления Интернетом²⁴².

В литературе отмечается, что никто не знает точно, какова будет относительная сила каждого из компонентов, но коллективное действие может

²⁴⁰ См.: Malcolm J. Multi-Stakeholder Governance and the Internet Governance Forum. Terminus Press. Perth, 2008. С. 104.

²⁴¹ См.: Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. Ключевые вызовы для мирового сообщества. С. 134.

²⁴² Там же.

гарантировать, что ни одна социальная группа не будет намеренно исключена из киберпространства²⁴³.

При этом понятие «интересы» приобретает особую актуальность, поскольку от их правильного разграничения будет зависеть эффективное правовое регулирование отношений в виртуальном пространстве. Более того, это еще один фактор, который уравнивает возможности участников интернет-отношений в сфере управления, поскольку без учета интересов одной группы субъектов невозможно реализовать или защитить интересы других. Полагаем, что здесь необходимо опять принимать во внимание как законодательные, так и договорные механизмы регулирования, которые помогут выявить ключевые интересы сторон, составляющие «необходимый социальный материал для конструирования права, его форм, понятий, принципов» (по Г.В. Мальцеву).

Важное значение для исследования категории «интерес в праве» имеют работы Н.В. Витрука, который рассматривает правовой статус личности как совокупность ее прав, обязанностей и *законных интересов*²⁴⁴ и считает, что правовой статус выражает общественное положение личности, представляет собой определенную систему («каталог») социальных возможностей жизнедеятельности личности²⁴⁵. По его мнению, правовой статус имеет «исключительное значение в проявлении активного творческого начала личности»²⁴⁶. Он также отмечал, что правовой статус служит юридической основой и средством повышения социальной активности, привлечения каждого гражданина к решению общественных и государственных задач²⁴⁷. Содержание прав, свобод и обязанностей граждан базируется на единстве и *сочетании общественных и личных интересов* и в конечном счете определяется реальными

²⁴³ Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. С. 60.

²⁴⁴ См.: Витрук Н.В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979. С. 117–160.

²⁴⁵ Там же. С. 117.

²⁴⁶ Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 8.

²⁴⁷ Там же.

общественными отношениями²⁴⁸. Правовой статус очерчивает границы возможного и необходимого поведения личности, определяет меру пользования конкретными материальными и духовными благами через указание прав, обязанностей и законных интересов во всех областях общественных отношений²⁴⁹.

Какие же интересы преследуют субъекты интернет-отношений, действующие в виртуальном пространстве?

Государство как самый мощный, институционально организованный, технически и финансово оснащенный стейкхолдер заинтересовано в первую очередь в безопасности своих граждан, развитии и преумножении человеческого капитала, поддержке собственной конкурентоспособности на международной арене. Виртуальное пространство Интернета предоставляет широкие возможности для реализации этих интересов. Неслучайно на международном уровне закреплены соглашения государств о всемерной поддержке распространения информационно-телекоммуникационных технологий, свободе информационного обмена и сокращении так называемого цифрового разрыва, который тормозит развитие государств²⁵⁰.

Как справедливо отмечается в научной литературе, принципиально важно найти ту грань соотношения права и интересов, которая свидетельствует о постепенном «перерастании» интересов в законные интересы посредством воздействия самого права, а не о простом их взаимодействии в рамках общественных отношений²⁵¹. Для регулирования отношений в виртуальном пространстве это приобретает особое значение, требует серьезных обоснований, поскольку любая неудавшаяся попытка государственного воздействия вызывает волну правового нигилизма. Правовые механизмы, которые государство внедряет

²⁴⁸ Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М., 1985. С. 8.

²⁴⁹ Там же.

²⁵⁰ См., например: Окинавская хартия глобального информационного общества.

²⁵¹ См.: Малько А., Субочев В. Законные интересы как правовая категория: монография. С.Пб.: Юрид. центр Пресс, 2004.

в сфере Интернета, требуют особой проверки на прочность, так как долгое время считалось, что интернет-пространство свободно от какого-либо властного вмешательства и контроля. Тем не менее с развитием и распространением технологии, усложнением сетевых коммуникаций все больше приходит осознание того, что необходимо упорядочение отношений, которые возникают и развиваются на интернет-платформах, на международном уровне признается роль государства в обеспечении защиты пользователей²⁵².

В целях установления баланса частных и публичных интересов государство вводит меры самоограничения, закрепляя на конституционном уровне, например, нормы о запрете цензуры (ч. 5 ст. 29 Конституции РФ), которые потом развиваются в законодательстве (ст. 3 Закона РФ от 27 декабря 1991 г. № 2124-I «О средствах массовой информации»), на законодательном уровне – нормы, легализующие слежение за гражданами только при производстве оперативно-розыскных действий (ст. 8 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности») и ограничивающие информационный обмен только в строгом соответствии с морально обоснованными положениями, например в Федеральном законе от 29 декабря 2010 г. № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Интересен опыт использования социальных интернет-сетей государственными органами и коммерческими организациями²⁵³.

²⁵² Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет. С. 125.

²⁵³ Так, в соответствии с Методическими рекомендациями по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе от 30 ноября 2010 г. № 02-7 первоначальный поиск сведений о должниках (гражданах и организациях), помимо общеизвестных поисковых систем, следует осуществлять на сайтах социальных сетей. При этом в документе оговорено, что поиск, обработку и использование информации о должниках и их имуществе необходимо осуществлять в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных», а использование информации, полученной с нарушением законодательства о защите персональных данных, недопустимо. В письме Федеральной службы судебных приставов от 27 мая 2009 г. № 12/02-7646-ап «О практике применения территориальными органами ФССП России нестандартных методов сбора сведений о должниках и их имуществе» говорится, что изучение содержимого персональных страниц должников на сайтах социальных сетей в ряде случаев позволяет установить

В то же время велик риск усиления контроля за гражданами, введения необоснованных ограничений в отношении пользователей или, наоборот, потеря контроля над обществом, располагающим практически неограниченными средствами информационного обмена, который чреват вовлечением неопределенного круга лиц в информационные войны²⁵⁴.

Так, вопросы сбора информации по результатам наблюдения, осуществляемого государством, стали предметом рассмотрения ЕСПЧ²⁵⁵. Это объясняется тем, что системы, разработанные для защиты национальной безопасности, несут в себе риск подрыва или даже разрушения демократии со ссылкой на необходимость ее защиты²⁵⁶. Приобретают большее значение вопросы тайного наблюдения, поскольку непрерывная эволюция интернет-технологий включает быстрое развитие в области создания оборудования и методов наблюдения за передачей информации онлайн. Телекоммуникационные компании каждый год предоставляют большое количество данных по передаче информации правительственным службам в ответ на законные требования. Наблюдение национальных властей за использованием Интернета и телефонными звонками

местонахождение должников, и их имущества, получить представление о внешности должника // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2009. № 4.

В пояснительной записке к проекту приказа Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по потребительскому кредитованию» говорится, что сервисы оценки заемщика по данным социальных сетей (Facebook, «ВКонтакте», «Одноклассники») представляют определенный интерес. Эксперты считают, что в перспективе использование социальных сетей может стать для банков инструментом при сегментировании клиентов по типу риска и формировании предварительно одобренных предложений (приказ от 14 ноября 2016 г. № 646н).

²⁵⁴ Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет. С. 126.

²⁵⁵ См. дело Ротару против Румынии [Rotaru v. Romania] [Большая Палата], жалоба № 28341/95, ЕСПЧ 2000-V; дело Вебер и Саравия против Германии [Weber and Saravia v. Germany] (Решение), жалоба № 54934/00, § 94, ЕСПЧ 2006-XI; и Либерти и другие против Соединенного Королевства [Liberty and Others v. the United Kingdom], жалоба № 58234/00, § 62, Постановление от 1 июля 2008 г.

²⁵⁶ См. дело Класс и другие против Германии [Klass and Others v. Germany], Постановление от 6 сентября 1978 г., § 49–50, Сер. А, № 28).

вполне может оказаться в центре внимания дальнейших разбирательств в ЕСПЧ²⁵⁷.

В науке предприняты попытки доказать, как новые информационные технологии облегчают государству контроль над частной жизнью граждан, формально не нарушая при этом конституционный запрет, и одновременно облегчают гражданам нахождение способов избежать государственный контроль²⁵⁸. Уже получают обоснование такие категории, как конституция в киберпространстве, т.е. конституция, получившая интернет-измерение и направленная на формирование целостной системы регулирования информационных отношений, которая неминуемо должна сложиться в условиях расширяющегося проникновения информационно-сетевых технологий в жизнь современного общества²⁵⁹.

Важно разграничить законные интересы в условиях, когда технологическая платформа, которая постоянно совершенствуется, предоставляя все новые возможности для реализации права, ставит задачи, связанные с переосмыслением устоявшихся категорий, в частности права на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, на тайну переписки (ст. 23 Конституции РФ) и права на свободное использование имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ). Такое соотношение приобретает особую актуальность в условиях развития цифровой экономики, т.е. хозяйственной деятельности, ключевым фактором производства в которой являются данные в цифровой форме, а информация, в

²⁵⁷ См.: Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека / Отдел ЕСПЧ по проведению исследований. М., 2011. С. 9.

²⁵⁸ См., например: Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace // URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=41681.

²⁵⁹ См., например: Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace; Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // Lex russica (Русский закон). 2016. № 3. С. 164–182; Celeste Ed. The Irish Constitution and the Challenges of the Digital Age. Is it Time for a Bunreacht na hEireann 2.0? // URL: <https://ulsites.ul.ie/law/papers-constitution-80-conference>.

частности персональные данные, становится товаром и вовлекается в товарооборот²⁶⁰.

В программе «Цифровая экономика Российской Федерации»²⁶¹ указано, что в настоящее время данные становятся новым активом, причем, главным образом, за счет их альтернативной ценности, то есть по мере применения данных в новых целях и их использования для реализации новых идей. Более того, основной целью направления, касающегося информационной инфраструктуры, является в том числе развитие сетей связи, которые обеспечивают потребности экономики по сбору и передаче данных государства, бизнеса и граждан с учетом технических требований, предъявляемых цифровыми технологиями.

В чем заключаются такие потребности экономики, как они могут быть реализованы в действующей системе правового регулирования, каким правовым способом могут быть при этом разграничены интересы различных субъектов, вовлеченных в процесс построения цифровой экономики? Если речь идет о развитии сетей связи, то одним из показательных примеров, на наш взгляд, может быть взаимодействие администраторов и участников социальных интернет-ресурсов, которые стали неотъемлемой частью общения людей по всему миру. Присоединение к указанному сетевому ресурсу начинается с заключения пользовательского соглашения. При этом пользователю (или потенциальному участнику) социальной интернет-сети предлагается набор сервисов в обмен на личную информацию, которая фактически поступает в распоряжение владельцев социальной интернет-сети. Речь идет об очень личной информации, в том числе о субъективных впечатлениях, поездках, взаимоотношениях, состоянии здоровья и т.п. Вся эта информация аккумулируется владельцами сетевых ресурсов, и уже

²⁶⁰ Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет. С. 126.

²⁶¹ Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // URL: <http://static.government.ru/media/files/9gFM4FHj4PsB79I5v7yLVuPgu4bvR7M0.pdf>

есть прецеденты, касающиеся споров о дальнейшем использовании таких данных²⁶².

Таким образом, возникает вопрос о правомерном разграничении интересов пользователя, отстаивающего свое право на тайну личной переписки и личной жизни, но в то же время активно использующего сетевые сервисы, и интернет-компания, которая, являясь коммерческой организацией и внедряющей инновационные технологии, реализует свое право на свободу предпринимательской деятельности и использует возможности информационного обмена, чтобы поддерживать свою рентабельность.

Многоступенчатая передача персональных данных, возмездность и направления которой определяются договоренностями между коммерческими организациями без участия субъектов этих персональных данных, вызывает вопросы с точки зрения реализации, например, права на забвение, закрепленного в Федеральном законе от 13 июля 2015 г. № 264-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статьи 29 и 402 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации». И речь не только о том, что в Законе закреплена обязанность операторов поисковых систем удалять информацию по запросам пользователей, а вопрос об отнесении социальных сетей к поисковым системам довольно спорный и законодательно не решен, но и о том, что пользователи могут даже не знать, к кому обращаться в случаях, например, неправомерного использования их данных или распространения устаревших сведений о них.

²⁶² В российской судебной практике в этом отношении было рассмотрено дело, когда заявитель указывал на то, что всплывающая на его экране компьютера контекстная реклама могла быть сгенерирована не иначе, как лишь после прочтения его переписки на сервисе Gmail, что нарушило право заявителя на тайну переписки. Суд второй инстанции согласился с данными утверждениями. Следует отметить, что пристальное внимание к таргетированной рекламе наблюдается со стороны Европейского Союза именно по причине возможного нарушения права на тайну переписки, а иногда речь идет даже о нарушении права на частную жизнь, что ставит под сомнение само существование подобного вида рекламы (см. подробнее: Гуляев К.С. Право человека на Интернет, права в Интернете и при использовании интернет-вещей: новые тенденции // Прецеденты Европейского Суда по правам человека 2018. № 1).

Такую проблему отчасти призван решить упомянутый выше закон штата Калифорния (ССРА), и широкая общественная поддержка этого закона в процессе его обсуждения и принятия говорит о том, что условия для подобных действий со стороны законодателя сформировались. Вместе с тем ограничение свободы интернет-компаний в отношении выбора направлений развития (в том числе за счет монетизации данных пользователей) затрагивает их законные интересы и позволяет прогнозировать изменения во всей системе интернет-коммуникаций, которые, в свою очередь, опять же затронут права пользователей глобальной сети²⁶³.

Вместе с тем каждая из сторон в процессе использования интернет-ресурса реализует свой законный интерес, однако последствия его реализации для каждого участника правоотношений приобретают новые особенности, и одна из них – неопределенность, которая касается правовых результатов деятельности. Это связано в том числе с тем, что законы существования информации могут вступать в противоречие с запретительными нормами права (в том числе исключительного)²⁶⁴. По мнению М. Постера, «неправильно трактовать информацию как экономическую сущность и подводить теоретическую базу под распространение товарных отношений на информационную сферу»²⁶⁵. Он подчеркивает, что легкость копирования и распространения информации разрушает правовую систему, устои которой были сформированы для защиты

²⁶³ В настоящее время обсуждается вопрос о введении платы за пользование наиболее крупными и популярными интернет-ресурсами по принципу, например, подписки. Это своего рода ответная мера на ужесточение правового режима в отношении пользовательских данных, которая заменяет действующую сейчас схему «персональная информация в обмен на интернет-сервисы».

²⁶⁴ См.: Корогодина В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна, 2000. С. 138. Цит. по: Будник Р.А. Эволюция системы авторских и смежных прав в информационном обществе: от исключительного к инклюзивному праву автора. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 8.

²⁶⁵ Poster M. *The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context*. Cambridge, 1990 (Цит. по: Алексеева И.Ю., Сидоров А.Ю. Предисловие к книге «Информационная эпоха: вызовы человеку»: монография. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 10).

частной собственности на материальные вещи²⁶⁶. Тем не менее информация обладает экономической сущностью, которая все сильнее проявляется в современном обществе. Информация и раньше могла передаваться на возмездных условиях, но теперь такая передача приобрела мировой масштаб, в частности в результате распространения социальных интернет-сетей.

По условиям пользовательских соглашений социальных интернет-сетей персональные данные выходят из-под юрисдикции государства, в котором проживает пользователь (участник). В то же время все претензии, споры и иски, которые пользователь (участник) может выдвинуть против администрации *социальной сети*, рассматриваются в судах по месту нахождения администраций. Например, в пользовательском соглашении «ВКонтакте» устанавливается, что все споры, стороной в которых может быть задействована администрация сайта, рассматриваются по законодательству Российской Федерации, а в пользовательском соглашении Facebook – по законодательству штата Калифорния.

Подобные условия соглашения вызывают обоснованные сомнения у тех участников социальных интернет-сетей, для которых затруднительно найти возможность принять участие в судебном разбирательстве за пределами своей страны (а это подавляющая часть пользователей), причем не только в России, что можно рассматривать как фактор снижения гарантий защиты прав, который вместе с тем не влияет на популярность ресурсов, число пользователей которых только растет. Это показывает, что интерес в использовании социальных интернет-сетей превалирует над рисками нарушения прав и подчеркивает значимость сетевого общения, что, в свою очередь, отражается на деятельности обеспечивающих субъектов (администрациях социальных интернет-сетей, заинтересованных в наполнении своих ресурсов за счет информации

²⁶⁶ Poster M. The Mode of Information: Poststructuralism and Social Context. Cambridge, 1990 (Цит по: Алексеева И.Ю., Сидоров А.Ю. Предисловие к книге «Информационная эпоха: вызовы человеку»: монография. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 10)..

пользователей), которые стремятся к совершенствованию технологий с учетом необходимости защиты прав пользователей.

Судебная практика на международном уровне подтверждает остроту вопроса. В Постановлении по делу «Максимилиан Шремс против Комиссара по защите данных» (Maximillian Schrems v. Data Protection Commissioner)²⁶⁷. Суд Европейского Союза признал, что решение Европейской комиссии по введению принципов «безопасной гавани» в США недействительно, поскольку оно разрешает в общем порядке хранение любых персональных данных каждого лица, чьи данные были переданы из Европейского Союза в США, без какой-либо дифференциации, ограничений и исключений в свете преследуемой цели и без установления объективных критериев для определения пределов доступа публичных властей к данным и их последующего использования. Суд Европейского Союза добавил, что законодательство, предоставляющее публичным властям в общем порядке доступ к контенту электронных коммуникаций, необходимо признать компрометирующим суть фундаментального права на уважение частной жизни²⁶⁸.

В то же время ограничивать права разработчиков на коммерческое использование результатов своей деятельности и дальнейшее обновление интернет-сервисов также нецелесообразно, поскольку это противоречит принципам прогресса и может повлечь ослабление конкурентоспособности, снижение гражданской инициативы и проч. В научной литературе подчеркивается, что следует продолжить поиск таких правовых рычагов, которые стимулировали бы развитие высоких технологий. Они также должны полнее раскрывать принципы и механизмы государственно-частного партнерства – совместного участия государства и бизнеса в таких проектах, которые не могут быть реализованы государством без участия бизнеса или при реализации которых

²⁶⁷ См.: Постановление от 6 октября 2015 г. по делу № C-362/14 // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/TXT/?uri=CELEX%3A62014CJ0362>

²⁶⁸ Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7(31).

бизнес нуждается в поддержке государства. Речь идет о проектах в том числе в сфере информатизации и связи, новых технологий²⁶⁹. Право, безусловно, не должно быть сдерживающим фактором в развитии технологий; взаимодействие государства, бизнеса и интернет-сообщества на этапе развития и внедрения обосновано и, можно утверждать, отработано. Примеры поддержки стартапов это подтверждают, но так или иначе в правовую область зачастую переходят и последствия их развития, особенно когда речь идет о защите прав и законных интересов.

Заинтересованность со стороны общества, бизнеса и государства в использовании телекоммуникационных ресурсов настолько высока, что неопределенность правовых последствий отходит на второй план, и большая часть субъектов, задействованных в сетевом обмене, готова продолжать участие в развитии интернет-ресурсов на условиях их разработчиков и владельцев.

Действительно, пользователи заинтересованы в максимально свободном обмене информацией, реализации прав на свободу выражения мнения, объединений, участие в управлении. Законодательные установления, которые распространяются на реальную сферу этих отношений и были введены и апробированы еще до появления Интернета, служат правовыми ориентирами и в виртуальном пространстве²⁷⁰.

В научной литературе подчеркивается, что право, «будучи компромиссным, «обдуманым» вариантом согласования разнородных интересов, не может быть столь же динамичным, как интересы участников правоотношений и тем более участников отношений, которые еще не опосредованы правом»²⁷¹. К тому же в процессе правотворчества «требуется определенный промежуток времени для выявления, осмысления и оценки вновь возникших интересов, а затем их

²⁶⁹ См.: Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 20.

²⁷⁰ Черемисинова М.Е. Реализация законных интересов в сети Интернет. С. 128.

²⁷¹ Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 20.

последующего выражения в праве»²⁷². Все это делает правовую форму консервативнее, статичнее, менее подвижной, чем социальные интересы²⁷³.

Однако скорость процессов в виртуальном пространстве настолько велика, что отставание законодательных и правоприменительных процессов девальвирует саму роль права в регулировании отношений, складывающихся на платформах информационно-коммуникационных технологий. Очередная законодательная инициатива сопровождается волной критики, а введение неэффективных норм усугубляет ситуацию. Примеры с законодательным регулированием деятельности блогеров²⁷⁴, законопроектами о регулировании Интернета²⁷⁵, социальных сетей²⁷⁶ подтверждают наличие этой проблемы.

Кроме того, следует учитывать разграничение публичных и частных интересов. Например, в статье «Категория «интерес» в системе публичного и частного права» автор подчеркивает, что характер интересов должен учитываться и учитывается законодателем при установлении правового регулирования общественных отношений, но его взгляд на теорию права не дает ответа на вопрос о том, где находится грань, разделяющая круг частных и круг

²⁷² Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 20.

²⁷³ Там же.

²⁷⁴ См.: Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей». Статья 10.2 «Особенности распространения блогером общедоступной информации» утратила силу (см. Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ).

²⁷⁵ Концепция правоотношений, возникающих при использовании сети Интернет в Российской Федерации (закон «Об Интернете») – проект концепции // <http://2013.russianinternetforum.ru/internet-law/>

²⁷⁶ См. проект федерального закона № 145507-7 «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

общественных интересов. Ведь нормы частного права также могут служить целям защиты публичных интересов²⁷⁷.

Актуальность этого вопроса особенно четко проявляется в виртуальном пространстве Интернета. Бизнес-сообщество, владельцы популярных ресурсов, разработчики передового программного обеспечения, как показывает практика, достигают таких результатов, которые могут конкурировать с масштабами государств. Популярные социальные сети, число подписчиков которых достигает численности населения огромного государства (на текущий момент число пользователей Facebook составляет 2 млрд чел.²⁷⁸), использование платформы блокчейн, которое обсуждается на государственном уровне, мощнейшие корпорации, разрабатывающие и внедряющие новые технологии, вполне могут влиять на политические и социальные процессы. Следует отметить наличие развитых в интернет-сообществе механизмов саморегулирования. Однако здесь возникает проблема обеспечения гарантий, и решается она, как правило, все же на государственном уровне.

По мнению Ю.А. Тихомирова, публичные и частные интересы, выражаемые сторонами этих отношений, лежат в основе типологии правовых статусов²⁷⁹. Он отмечает, что в современный период меняется содержание и масштаб интересов и их соотношение между собой²⁸⁰. При анализе разнообразных групп интересов в зависимости от их законодательно-отраслевой принадлежности автор подчеркивает, что в условиях глобализации и усиления взаимозависимости государств, а процесс развития Интернета и информационного общества является

²⁷⁷ Государство и гражданское общество. 2007. № 3 // URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kategoriya-interes-v-sisteme-publichnogo-i-chastnogo-prava>

²⁷⁸ URL: <https://ria.ru/world/20170627/1497405135.html>

²⁷⁹ См.: Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. С. 89.

²⁸⁰ Там же. С. 93.

неотъемлемой составляющей глобализации, признание и обеспечение прав человека получили значимость как новое проявление всеобщего интереса²⁸¹.

В юридической литературе появилось и развивается понятие совместных интересов²⁸², которое, возможно, больше соответствует идее мультистейкхолдеризма, но требует развития на доктринальном уровне. В данное понятие автор включает в том числе интерес и публичного, и частного субъекта в эффективном (налоговом, согласно тематике конкретного исследования) законодательстве, а также интерес в сбалансированном характере ответственности частного и публичного субъектов отношений. Вместе с тем в других исследованиях отмечается, что индивидуальный (частный) и общественный (публичный) интерес не могут в определенных аспектах не противоречить друг другу ввиду их диалектической взаимосвязи²⁸³. В связи с этим требуется поиск баланса интересов публичных и частных субъектов, который может быть основан только на сбалансированном сочетании прав и обязанностей обоих. Обосновывается необходимость выстраивания «партнерских» отношений государства и личности, что предполагает некое «выравнивание» отношений между ними с точки зрения объема их прав и обязанностей, а также гарантий их реализации²⁸⁴.

Признавая значение законных интересов в качестве элемента правового статуса, следует отметить, что эта составляющая не находит отражения в законодательстве или договорной практике, в отличие от прав и обязанностей субъектов, т.е. является своего рода латентной, неявной по отношению к правоустанавливающим институтам.

²⁸¹ Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010. С. 97.

²⁸² См.: Соловьев В.А. Вопросы баланса публичного и частного интереса в налоговом праве // Финансовое право. 2002. № 4. С. 37.

²⁸³ Белоусов С.А. Баланс интересов и его нарушение в публичном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 24.

²⁸⁴ Белоусов С.А. Баланс интересов и его нарушение в публичном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 24, 25.

Субъект, руководствуясь своими интересами, может действовать согласно правовым предписаниям, но может и отклоняться от них, отстаивая свои интересы либо демонстрируя несоответствие правовых норм своим законным притязаниям, что и происходит в виртуальной среде за счет дополнительных технологических возможностей.

Баланс публичных и частных интересов, к которому общество стремится в реальном мире, в отдельных случаях постулируя примат общественных интересов над частными²⁸⁵, в виртуальной среде смещается в сторону частных интересов ввиду сильных частнопровых начал регулирования глобальной сети. При этом усилия, направленные на защиту публичных интересов, требуют дополнительных обоснований, а также правовых, организационных и технологических средств.

Особую проблему при этом составляет правовое обоснование приоритетности интересов, которая определяется и закрепляется правовыми средствами уже в форме прав. Таким образом, для правового статуса законные интересы – это элемент, который потенциально может трансформироваться в право, иными словами, право в «зачаточной» стадии, способное перерасти и оформиться в законодательно либо договорно закрепленное и претендовать на соблюдение и юридическую защиту со стороны других участников правоотношений и государственных институтов.

На стадии разрешения споров право может выступать в качестве разграничителя интересов (например, в процессе правоприменения), на стадии правотворчества интересы могут использоваться как «материал» при установлении правового статуса, который необходимо узаконить для усиления гарантий субъектов в сети Интернет, а также как индикатор, с помощью которого можно определить оптимальное соотношение принудительных, превентивных,

²⁸⁵ Например, в ст. 44 «Неотъемлемые права человека» Конституции Республики Гватемала прямо закреплено «Социальный интерес преобладает над частным» (см.: Конституции государств Америки в 3 т. / под ред. Т.Я. Хабриевой. Т. 1. Северная и Центральная Америка. М.: Норма, 2006. С. 168).

стимулирующих и других мер правового воздействия, составляющих правовые статусы субъектов.

Кроме того, законные интересы могут служить основанием для исследования соотношения и степени правовых рисков, на преодоление которых должно быть направлено закрепление того или иного правового статуса. Существуют постоянные риски: утечки персональной информации (законодательство о персональных данных действует только в пределах России, в то время как передача и обработка персональных данных происходят вне российской юрисдикции); получения и распространения недостоверной или необъективной информации (*disclosure* – в англ. правовом регулировании обязанность подтверждения объективности информации при размещении в информационно-телекоммуникационных сетях); чрезмерного ограничения прав субъектов информационных и иных интернет-отношений в связи с введением правового регулирования и контроля со стороны государственных органов; потери объективности информации, обратной связи с гражданским обществом; утраты гражданской инициативы и доверия населения; неопределенности технологического функционала в связи со стремительным внедрением инноваций в информационной сфере.

Ученые, исследующие процессы коммуникации, называют формирование Интернета одной из ступеней развития коммуникаций. В связи с этим уделяется особое внимание их техническому аспекту, который хотя и представляет собой лишь данность внешнего окружения коммуникационных систем, требует контроля ошибок, наблюдения за функционированием и социального контроля²⁸⁶.

Отмечается также, что с развитием современных технологий возникают новые виды рисков и опасностей, которые ставят перед государством задачи не столько компенсаторные, связанные с устранением уже нанесенного ущерба,

²⁸⁶ См.: Горохов В.Г. Вводная статья к книге Готтхарда Бехманна «Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний» / пер. с нем. М., 2010. С. 39.

сколько превентивные. Становится необходимым долгосрочное планирование, которое должно относиться как к предвосхищению новых технических возможностей, так и к расчету и устранению рисков. Чтобы правильно решить эти задачи, государство должно мобилизовать достаточный научно-технический потенциал, т.е. возникает тесная связь науки и политики, которая выражается, в частности, в форме социальной оценки техники как вида научно-технически-политического консультирования²⁸⁷.

Анализ общественных отношений в глобальной сети позволяет выявить ряд правовых рисков, которые сопутствуют развитию информационного общества, а именно риски, связанные:

– с отсутствием эффективных механизмов обеспечения информационной безопасности субъектов в Интернете по причине неопределенности юрисдикции в виртуальной среде, трансграничности информационного обмена;

– с введением дополнительных ограничений субъектов затрагивающих их конституционно-правовой статус;

– с несоответствием правовых механизмов контроля и управления свойствам информации, распространение которой в Интернете практически невозможно ограничить, как и защитить от искажения;

– с отсутствием процессуальных механизмов, соответствующих скорости процессов в интернет-сфере (с учетом того, что в виртуальной среде требуют переосмысления категории пространства, времени и круга лиц, на которых распространяются правовые нормы);

– со стремительным развитием технологий, неподконтрольным правовому регулированию.

Определение корреляции законных интересов и правовых рисков – важное направление исследований в условиях широко распространенного

²⁸⁷ Горохов В.Г. Вводная статья к книге Готтхарда Бехманна «Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний» / пер. с нем. М., 2010. С. 71, 72.

саморегулирования, когда заинтересованность субъекта в участии может быть сильнее заинтересованности в правовых гарантиях. В науке отмечается, что неизвестными остаются социальные (в том числе правовые) последствия привлечения людей к производству почти неограниченного объема информации на глобальном уровне²⁸⁸, поскольку для поддержания конкурентоспособности все главные индустриальные экономики будут вынуждены подключить свое население к компьютерным сетям, чтобы воспользоваться преимуществами работы в цифровой среде. При этом механизмы саморегулирования в настоящее время демонстрируют готовность обеспечивающих субъектов (а это в основном бизнес) принимать на себя риски, связанные с использованием информационных технологий, что также подтверждает наличие весомого интереса со стороны этих субъектов в развитии Интернета. Полагаем, что роль права в этих обстоятельствах не должна сводиться к регулированию последствий; должны усиливаться его прогностическая роль, механизмы предотвращения нарушений, по крайней мере, известных и законодательно закрепленных.

Таким образом, законный интерес как элемент правового статуса субъектов интернет-отношений приобретает особое значение. Можно утверждать, что в сфере Интернета право и интересы меняются местами, т.е. не право становится разграничителем интересов, а интересы как естественные внутренние основания деятельности субъектов в условиях саморегулирования начинают выполнять функцию меры свободы для каждого актора, реализующего возможности, предоставленные глобальной сетью. От выявления и учета интересов всех групп вовлеченных сторон зависит: сбалансированное правовое регулирование процессов в виртуальном пространстве; обоснованное введение дополнительных прав и обязанностей; преобразование правовых статусов субъектов, осуществляющих деятельность в глобальной сети.

²⁸⁸ См.: Барбрук Р. Интернет-революция. С. 36.

Кроме того, законные интересы в интернет-пространстве преобладают над рисками, что служит еще одним аргументом в пользу обоснования экспериментального состояния, в котором осуществляется деятельность субъектов интернет-отношений.

§ 3. Обязанности, ответственность и гарантии: способы установления и проблемы реализации

Обязанности являются неотъемлемым элементом правового статуса, обеспечивающим сбалансированное действие права, уравнивающим силы правового воздействия и устанавливающим пределы деятельности, которые создают условия для поступательного развития общества.

В юридической науке институту обязанности уделено много внимания, говорится о том, что сущность обязанности при помощи противопоставления может быть непосредственно выведена из сущности субъективного права²⁸⁹, а сама обязанность обеспечивается закрепленными законом либо соглашением сторон мерами принуждения и ответственности (санкциями), применяемыми к нарушителям юридических обязанностей²⁹⁰.

Между этими двумя полюсами не должно быть несогласованностей. Поскольку естественные права человека предполагают столь же естественные его обязанности, то эти два начала призваны взаимодействовать и уравнивать друг друга. Обязанности – «другой конец демократической оси», обеспечивающей поддержание баланса интересов жизни людей²⁹¹.

²⁸⁹ См.: Иоффе О.С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000. С. 562.

²⁹⁰ См.: Иванов Э.И. Понятие юридической обязанности // Марийский юридический вестник. 2012. Вып. 9. С. 109.

²⁹¹ См.: Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юристъ, 2005. С. 201.

В литературе отмечается, что из 47 статей (гл. 2 «Права и свободы человека и гражданина») Конституции РФ только семь посвящено обязанностям граждан. Между тем на практике обязанности незримо «сопровождают» все права, корреспондируя им в соответствующих правоотношениях, т.е. в процессе реализации, ведь обязанности – это способ обеспечения прав. В обязанностях, как и в правах, воплощаются нормы права²⁹²; в этом смысле подтверждается мнение С.Н. Братуся о том, что главное для законности и правопорядка – это исполнение обязанностей²⁹³.

Обязанности коррелируют правам. При этом можно выделить два вида корреляций. Один вид – когда определенному праву соответствует обязанность самого субъекта – носителя права, например, праву свободно получать и распространять информацию соответствует обязанность невмешательства в частную жизнь или сообщения достоверной информации.

Другой вид корреляции прав и обязанностей – когда праву одного субъекта соответствует обязанность другого субъекта выполнить определенные действия, иначе право первого субъекта не будет реализовано. В качестве примера можно привести право на забвение, когда обязанности возлагаются на поисковые системы, которые должны в том числе выполнить определенные действия (прекратить выдачу ссылок на ресурсы, содержащие информацию, подлежащую «забвению»).

В системе Интернета можно наблюдать тенденцию по увеличению удельного веса обязанностей обеспечивающего субъекта как обладающего наибольшими возможностями по воздействию на технологические процессы, протекающие в глобальной сети. Следует также отметить, что частично эти обязанности обеспечивающие субъекты принимают на себя самостоятельно в

²⁹² Кечекьян С. Ф. Нормы права и правоотношения // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 24, 27.

²⁹³ Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М.: Юрид. лит., 1976. С. 6

ходе совершенствования своих технологических платформ и в связи с заинтересованностью в привлечении пользователей. Законодательное закрепление в этом случае выступает дополнительной гарантией реализации прав, которая фактически формируется на основе уже сложившихся в сети механизмов выполнения обязанности.

Полагаем, важно отметить и такое свойство обязанностей, как повышение роли и значения того или иного субъекта, осуществляющего деятельность в сети Интернет. Иными словами, обязанность, в том числе законодательно закрепленная, не просто становится обременением, а усиливает его правовой статус, во всяком случае ту его составляющую, которая обозначает место субъекта в системе складывающихся отношений, его значение для реализации правовых статусов других субъектов.

Для законодателя важно определить наиболее важные функции, выполняемые субъектами, и процессы, протекающие в глобальной сети, а также закрепить их законодательно, возможно, с установлением неких компенсирующих или стимулирующих механизмов для субъекта – адресата такой обязанности, для которого введение обязанности станет разновидностью ограничения. Фактически остается узаконить сложившиеся в сети отношения с обязательным учетом баланса сложившихся интересов, нарушение которого может повлечь неэффективность исполнения нормативных правовых актов.

Другая форма возложения обязанностей и определения обязанных субъектов – «сверху» – предполагает формирование государственной институциональной структуры, которая будет выполнять обеспечивающие и (или) контролирующие функции в Интернете (например, интернет-полиция во Франции, Роскомнадзор в России). Эффективность исполнения обязанностей в этом случае запрограммировать нельзя, она выявляется по мере осуществления деятельности (полномочий) и может иметь решающее значение в определении целесообразности регулирования тех или иных общественных отношений в глобальной сети. Практика показывает, что введение института интернет-

полиции, действующей в основном в сфере охраны интеллектуальной собственности, не привело к каким-либо ощутимым результатам. Более того, по мере того, как доступ к Интернету рассматривается в качестве самостоятельного права, исследователи усматривают проблему нарушения прав, когда отключение от Интернета как санкция происходит за повторное нарушение авторских прав (во Франции и в Великобритании)²⁹⁴.

В связи с этим первый подход к определению обязанностей субъектов на данном этапе развития глобальной сети представляется более эффективным, поскольку учитывает, по меньшей мере, технологические возможности и законные интересы субъектов, опираясь на механизмы саморегулирования. Этот подход можно дополнить использованием материалов судебной практики, с помощью которой выявляются спорные и конфликтные ситуации, способность или неспособность субъектов реализовать свои права, выполнять обязанности и в целом соответствовать тем критериям, которыми наделяет его правовой статус.

Такой подход будет коррелировать некоторым выводам, сформулированным в рамках акторно-сетевой теории, разработанной в социологии применительно к новым методам исследования современных общественных процессов и довольно точно отражающей устройство социума, формирующееся на платформе глобальной сети. Автор указанной теории отмечает, что «сначала мы должны научиться так развешивать разногласия, чтобы точно просчитать количество новых участников каждого будущей сборки (определенной общности. – М.Ч.) (часть первая); затем мы должны быть в состоянии исследовать, как сами акторы стабилизируют эти неопределенности, выстраивая форматы, стандарты и метрологии (часть вторая); и наконец, мы

²⁹⁴ См.: Sartor G. Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / ed. by R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. NY, 2017. P. 438 (цит. по: Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Т. 14. № 3).

хотим увидеть, как смонтированные таким образом сборки способны обновить наше ощущение бытия в том же коллективе»²⁹⁵.

«Развертывание» разногласий в этом случае вполне можно рассматривать как их «разрешение», что происходит на стадии правоприменения, роль которой в регулировании интернет-процессов усиливается²⁹⁶. При этом происходит не только определение количества участвующих в интернет-отношениях субъектов, но и их «качество», т.е. в контексте данной работы – правового статуса, включая уточнение юридического термина, применимого к данному актору.

Способы «стабилизации неопределенностей», приводящих в результате к досудебному, а затем и к судебному разбирательству, будут свидетельствовать о реальных возможностях субъектов по исполнению обязанностей, что, в свою очередь, будет иметь значение при определении степени ответственности, которая может быть не только возложена судом в качестве репрессивной меры, но и принята субъектом (выявление признаков которых может впоследствии способствовать их классификации) добровольно в качестве так называемой активной (проспективной) ответственности, суть которой – в сознательном и инициативном исполнении моральных, юридических и иных обязанностей, в осознании своего долга перед обществом, государством, а также перед другими членами общества²⁹⁷.

В литературе отмечается, что термином «ответственность» обозначается обязанность, долг, сознательное отношение к исполнению долга и т.д.²⁹⁸, а сама активная ответственность рассматривается как необходимый элемент правовой ответственности. Ответственность связывается с нормальным

²⁹⁵ Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: ИД Высшей школы экономики, 2014. С. 343.

²⁹⁶ Подробнее см. в § 3 главы 3 настоящего исследования.

²⁹⁷ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. М.: Юрид. лит., 1976. С. 17.

²⁹⁸ См.: Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971. С. 6–11.

функционированием регулируемых правом общественных отношений, с сознательным исполнением обязанностей.

Другой подход к установлению обязанностей в сетевой организации общества, предложенный в науке, коррелирует теоретическим исследованиям в области соотношения категорий обязательного и принудительного при сущностной характеристике обязанностей²⁹⁹. Полагаем целесообразным рассмотреть теорию, в которой применительно к информационному обществу сформулирована идея так называемого метаправа, способная, по мнению ее разработчика, разрешить социокультурную напряженность, а именно «регулировать самые быстрые процессы в экономике и налоговой сфере в реальном времени, избавить субъекты от нарушения (по причине их незнания) некоторых норм права путем дозволения частичной автоматизации некоторых процессов правотворчества и правоприменения»³⁰⁰.

Автор поясняет, что под автоматизацией правотворческих процессов подразумевается не только работа компьютера. Это процесс будет «задаваться человеком в нужных рамках и им же полностью контролироваться». Полная автоматизация процесса правоприменения в отношении тех элементов законов, которые будут генерироваться автоматически (это может быть уплата налогов, сборов, пошлин и др.)³⁰¹, рассматривается как вполне допустимая. Такой подход, по мнению автора, обеспечит исполнение нормы права, а не только его полное знание, а также устранил человека от такой «психологически тяжелой работы», как исполнение обязанностей³⁰². В качестве перспективы использования таких подходов указывается на совмещение права с технологическими механизмами его реализации в целях создания «жестких правоисполнительных механизмов, не

²⁹⁹ Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве: Вопросы теории: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1981. С. 4–5.

³⁰⁰ Голоскоков Л.В. Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. М.: Научный мир, 2003. С. 168.

³⁰¹ Там же. С. 172.

³⁰² Голоскоков Л.В. Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. М.: Научный мир, 2003. С. 174.

допускающих отклонений поведения субъектов от выполнения императивных норм права»³⁰³.

В этих новшествах, по мнению ученого, заключается смысл кибернетической системы правового регулирования в государстве информационного общества: не плодить новые нормы о наказании уклонившихся от налогов, а автоматически взять налоги и устранить ответственность за уклонение от их уплаты³⁰⁴.

Эта теория была сформулирована более 10 лет назад, она не получила активного развития, но ее необходимо учитывать в связи с постепенным, более осторожным распространением автоматизации (кибернетизации) юридической деятельности. Так, в юридической литературе подробно рассматриваются механизмы внедрения цифровых технологий в зарубежной правоприменительной практике, в частности цифровизация судопроизводства в Великобритании, информатизация уголовного процесса в Швейцарии, использование цифровых технологий в правоприменительной практике Республики Казахстан, перспективы внедрения электронной формы уголовного дела, проектное моделирование цифрового правосудия в России³⁰⁵.

С позиций теории права здесь могут возникнуть следующие вопросы:

1) о соотношении обязательного и принудительного в реализации обязанностей (возвращаясь к теоретическим выводам В.С. Ема и выходя за рамки гражданско-правовых отношений), в том числе об отношении субъекта к автоматизированным способам исполнения обязанностей, о влиянии такого подхода на правосознание (с учетом того, что кибернетические системы уязвимы с технической точки зрения, отношение к автоматическому исполнению

³⁰³ Голоскоков Л.В. Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. М.: Научный мир, 2003. С. 214.

³⁰⁴ Там же. С. 202.

³⁰⁵ См. подробнее: Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Юридическая фирма «Контракт», 2019.

обязанностей как к принудительному может повлечь: а) активизацию развития технологических способов правонарушений; б) девальвацию идеи об активной (перспективной) ответственности, развитие которой в контексте правового воспитания и правосознания играет одну из ключевых ролей);

2) о возможности обжаловать (корректировать) действия технической системы, которая фактически исполняет обязанности *вместо* субъекта;

3) о дифференцированном подходе к выполнению обязанностей с учетом, например, льготных категорий граждан.

В решении этих вопросов необходимо учитывать правовые риски, которые могут сопровождать как сбои в работе техники, так и появление новых способов нарушений. Полагаем, такая система повлечет необходимость расширения институциональной структуры, способной обеспечить контроль, бесперебойную работу, разрешение спорных ситуаций в сфере автоматического исполнения обязанностей.

По мнению Е.А. Войниканис, «технологии не только ставят, но и решают правовые проблемы»³⁰⁶, например, «запреты на обработку данных о пользователях, введенные на уровне законодательных актов или судебных решений, оказываются менее эффективными в сравнении с технологиями, которые ограничивают возможности провайдеров собирать такие данные с помощью специальных протоколов (классическим примером здесь может служить протокол TOR), шифрования и других программных средств»³⁰⁷.

Автор в своей работе анализирует исследования зарубежных ученых, в частности Дж. Рейденберга, рассматривавшего понятие *lex informatica*, которое было создано по аналогии с понятием *lex mercatoria* и трактует выводы ученого следующим образом: «если в правовом режиме содержание норм определяется законом и судебными решениями, в *lex informatica* правила поведения

³⁰⁶ Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. М., 2012. С. 84.

³⁰⁷ Там же.

определяются техническими возможностями и практикой применения технологий»³⁰⁸.

Отмечается, что «в последние годы в академическом юридическом сообществе все чаще поднимается вопрос о нормативном значении технологий. Используемая в дискуссии формула «код как закон» (code as law) свидетельствует о беспокойстве юристов, связанном с тем фактом, что компьютерный код все чаще исполняет функции закона»³⁰⁹.

Насколько это станет воплощением идеи Бентама – «поместить закон в умы людей», но в современной технологической оболочке»³¹⁰, покажет только практика.

В настоящее время положения об обязанностях сформулированы в отношении государства в отчете, подготовленном отделом по проведению исследований ЕСПЧ³¹¹. Так, на государства возложено обязательство по борьбе с насилием и другой преступной или незаконной деятельностью в Интернете, в том числе позитивные обязательства государств по обеспечению:

- 1) защиты лиц, находящихся в уязвимом положении, включая детей и несовершеннолетних;
- 2) защиты от публикации онлайн фотографий, изображающих сексуальные практики;
- 3) защиты иммигрантов и иностранцев – и соответственно, общественного порядка и социального согласия;
- 4) противодействия коррупции;

³⁰⁸ Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. С. 85.

³⁰⁹ Там же. С. 90.

³¹⁰ Голоскоков Л.В. Правовые доктрины: от древнего мира до информационной эпохи. С. 203.

³¹¹ Интернет: прецедентная практика Европейского Суда по правам человека / Отдел по проведению исследований // URL: <http://www.echr.coe.int/ECHR/EN/Header/Case-Law/Case-law+analysis/Research+reports/>

5) защиты передачи информации по Интернету и по принятию достаточно доступного и ясного законодательства.

Тунисская Программа для информационного общества предусматривала преодоление цифрового разрыва, поиск механизмов регулирования использования «всемирной паутины» и призывала государства разработать «всеобъемлющие, перспективные и последовательные стратегии, включая стратегии в области информационно-коммуникационных технологий и отраслевые электронные стратегии, в качестве неотъемлемой части национальных планов развития и деятельности по преодолению бедности», что фактически устанавливало обязательства государств в области Интернета.

Так, российская Стратегия развития информационного общества поставила такую цель, как создание условий для формирования в Российской Федерации общества знаний, в том числе: развитие человеческого потенциала; обеспечение безопасности граждан и государства; повышение роли России в мировом гуманитарном и культурном пространстве; развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления; повышение эффективности государственного управления; развитие экономики и социальной сферы; формирование цифровой экономики³¹².

Государственная программа «Информационное общество» предполагает выполнение следующих задач: обеспечение качественными и доступными услугами связи и доступа к информационно-телекоммуникационной сети Интернет, в том числе универсальными услугами связи; развитие информационной среды и обеспечение равного доступа граждан к медиасреде; предупреждение угроз в информационном обществе; обеспечение информационной безопасности на основе отечественных разработок при

³¹² См.: Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

передаче, обработке и хранении данных, гарантирующей защиту интересов личности, бизнеса и государства и др.

Еще в одном документе – Доктрина информационной безопасности³¹³ – ставится задача по обеспечению защиты жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз, связанных с применением информационных технологий.

Таким образом, можно утверждать, что ценностно-правовые установки для формирования информационного общества в рамках национальных и межгосударственных правовых пространств определены и восприняты. Это проявляется в дальнейшем развитии специального законодательства, которое обеспечивает функционирование общеправовой модели в информационной сфере. Речь идет о документах, конституирующих безопасные формы информационно-общественных отношений и предполагающих принятие на себя государством обязательств.

Вместе с тем следует отметить, что обеспечение безопасности, как государственной, так и персональной, неразрывно связано с эффективным выполнением обязательств всеми субъектами интернет-отношений. Это фактически является первоочередной проблемой, так как выполнение программ по развитию информационной инфраструктуры и увеличению информационных потоков, поощрению распространения телекоммуникационных сетей осуществлялось и продолжает осуществляться в опережающем режиме по сравнению с введением механизмов защиты, в том числе правовой, способных соответствовать уровню развития технических средств и социальных взаимодействий в информационном пространстве.

В связи с этим возникает вопрос о способах исполнения государством взятых на себя обязательств. Помимо формирования специальной

³¹³ См.: Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

институциональной структуры в системе органов государственной власти, установления компетенции имеющихся ведомств, государство на законодательном уровне определяет обязанности субъектов, которые осуществляют наиболее значимые функции в системе Интернета.

Так, на основании ст. 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» *организатор распространения информации в сети Интернет* обязан: предоставлять различного рода информацию (указанную в п. 3 ст. 10.1) уполномоченным государственным органам, осуществляющим оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, в случаях, установленных федеральными законами; обеспечивать реализацию установленных федеральным органом исполнительной власти в области связи по согласованию с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, требований к оборудованию и программно-техническим средствам, используемым указанным организатором в эксплуатируемых им информационных системах, для проведения этими органами в случаях, установленных федеральными законами, мероприятий в целях реализации возложенных на них задач; принимать меры по недопущению раскрытия организационных и тактических приемов проведения данных мероприятий. Порядок взаимодействия организаторов распространения информации в сети Интернет с уполномоченными государственными органами, осуществляющими оперативно-разыскную деятельность или обеспечение безопасности Российской Федерации, устанавливается Правительством Российской Федерации.

Выше в настоящей диссертации указывалось, что определение организатора распространения информации сформулировано в законе очень широко и может быть применено практически к любому лицу, «осуществляющему деятельность, связанную с Интернетом, безотносительно его национальной принадлежности.

Это не только социальные сети, публичные почтовые сервисы вроде Gmail и блог-платформы, подобные LiveJournal. Под данное определение подходят и интернет-магазины, и веб-сайты, обладающие достаточным интерактивным функционалом и позволяющие клиентам делиться отзывами и обсуждать товары (услуги). К тому же, учитывая, что обмен сообщениями в сети Интернет может осуществляться не только по HTTP-протоколу, используемому для получения информации с веб-сайтов, но и по иным протоколам, к ОРИВСИ можно потенциально отнести и лиц, осуществляющих деятельность по обеспечению функционирования информационных систем и компьютерных программ, использующих технологии мгновенного обмена сообщениями (Instant messaging) и IP-телефонию (например, Skype)»³¹⁴.

Более того, исследователями рассматривается возможность применения указанного определения к такому виду субъектов, как информационные брокеры, не закрепленному в отечественном законодательстве, но распространенному в зарубежном, поскольку их деятельность направлена на получение и перепродажу именно тех данных, которыми обладают организаторы распространения информации, обладающие правами на базы данных, чья деятельность преимущественно осуществляется в сети Интернет³¹⁵.

Это подтверждает наличие правовой неопределенности, когда обязанности как элемент правового статуса субъекта, отвечающий доктринальным подходам к формулировке понятия и подчеркивающий его значение для выполнения государственных задач, закреплены в законодательстве, а широкая трактовка дефиниции самого субъекта не дает точного ответа на вопрос, кто может подпадать под это определение.

³¹⁴ См.: Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015 // СПС «КонсультантПлюс».

³¹⁵ См.: Ларионова В.А. Информационный брокер как новый субъект информационного права в эпоху Big Data // Право в сфере Интернета: сб. статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Законодатель пошел по иному пути и определил субъектов, на которые не распространяются обязанности, предусмотренные ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации». Это операторы государственных информационных систем, операторы муниципальных информационных систем, операторы связи, оказывающие услуги связи на основании соответствующей лицензии, в части лицензируемой деятельности, а также граждане (физические лица), осуществляющие указанную в ч. 1 ст. 10.1 деятельность для личных, семейных и домашних нужд³¹⁶.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что все перечисленные выше субъекты, в том числе граждане, могут подпадать под определение организатора распространения информации в сети Интернет, что в целом соответствует действительному положению дел и возможностям пользователей, которые являются владельцами сайтов, но освобождаются от определенных в Законе обязанностей.

При определении организатора распространения информации в литературе используются определения «владелец сайта» и «информационный посредник», что уравнивает этих субъектов в их ключевых функциях и фактически соответствует их сущности, поскольку в большинстве случаев информационный посредник должен быть владельцем сайта как основной платформы обмена информацией в Интернете, а организатор распространения информации очевидно осуществляет посреднические действия при передаче информации. Однако в законодательстве это особые категории, в отношении которых действует самостоятельное правовое регулирование, в частности в отношении их обязанностей. Например, если в отношении владельца сайта обязанности установлены согласно ст. 10.4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», то в отношении

³¹⁶ Правительством Российской Федерации в целях применения положений ст. 10.1 определяется перечень личных, семейных и домашних нужд при осуществлении деятельности, указанной в ч. 1 этой статьи.

информационного посредника – п. 3 ст. 1250 ГК РФ (на общих основаниях³¹⁷) и ст. 1253.1 ГК РФ как исключение из правил, а в отношении организаторов распространения информации, к которым может быть отнесен широкий круг лиц, в том числе обеспечивающих деятельность интернет-поисковиков и социальных сетей, действует информационное законодательство (ст. 10.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»), обязывающее их регистрироваться в Роскомнадзоре именно в этом качестве, а также ч. 1 ст. 13.31 КоАП РФ³¹⁸.

В результате получается, что обязанности субъектов являются определенными индикаторами разграничения их правовых статусов в ситуации правовой неопределенности, связанной с юридической идентификацией (в том числе самоидентификацией) этих субъектов в системе общественных отношений, включая конфликтные ситуации по разрешению споров между ними либо по возложению ответственности из-за невыполнения обязанностей. В то же время возникает проблема «перегрузки» правового статуса за счет возложения дополнительных обязанностей фактически на того же субъекта, который уже выполняет ряд функций в системе Интернета. Указанная проблема связана в том числе с разноотраслевым регулированием интернет-отношений. Так, правовые статусы владельца сайта и организатора распространения информации установлены в федеральном законе, относящемся к отрасли информационного законодательства, а правовой статус информационного посредника – к отрасли гражданского.

³¹⁷ См.: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

³¹⁸ Постановлением Правительства РФ от 8 апреля 2015 г. № 327 утверждены Правила осуществления контроля за деятельностью организаторов распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», связанной с хранением информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информации об этих пользователях.

С учетом того, что нормы об ответственности субъектов, осуществляющих деятельность в сети Интернет, также рассредоточены по разным отраслям законодательства (установлены и в Уголовном кодексе РФ, и в Кодексе РФ об административных правонарушениях, и в ГК РФ), можно сделать вывод об особом характере такого правового статуса субъектов – межотраслевым, когда субъект не просто совмещает различные статусы в силу осуществления различных видов деятельности (конституционно-правовой, гражданско-правовой, трудо-правовой и т.д.) и изменения правового состояния, которое влияет на индивидуальный правовой статус (вступление в брак, пополнение рядов военнообязанных и проч.), а идентифицирует себя по элементам своего правового статуса, закрепленного в различных отраслях законодательства, выполняя при этом одни и те же функции.

Так, в связи с расширением обязанностей в соответствии с Федеральным законом от 26 июля 2017 г. № 193-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации», операторы связи должны выполнять определенные в Законе действия, направленные на собственную идентификацию в качестве субъектов критической информационной структуры. В частности, если в сети электросвязи, используемой для организации взаимодействия объектов критической информационной инфраструктуры, установлены технические средства для поиска признаков компьютерных атак, нужно обеспечивать выполнение технических условий установки и эксплуатации, а также их сохранность и проч.

В контексте исследования института обязанностей представляет интерес анализ судебной практики. В случае если порочащие сведения, размещенные на сайте в сети Интернет, признаны судом не соответствующими действительности, владелец сайта или иное управомоченное им лицо обязаны удалить такие

сведения по заявлению потерпевшего³¹⁹. Возложение на лицо, ответственное за размещение информации на сайте, обязанности удалить порочащие сведения является не мерой ответственности за виновное правонарушение, а законным способом защиты права³²⁰.

Например, в п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П указано, что владелец сайта или уполномоченное им лицо – поскольку они объективно ограничены в возможности определять достоверность информации, размещаемой на сайте третьими лицами, притом что возложение на них такой проверки означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова, – не могут быть безусловно обязаны удалять порочащие гражданина сведения, если их недостоверность неоспорна, в частности не установлена судебным решением, а следовательно, в таких случаях до принятия судебного решения на них не может быть возложена и ответственность за отказ удалить соответствующую информацию с сайта, что не исключает применения иных правовых средств, включая меры по обеспечению иска, позволяющих, в частности, приостановить ее распространение до принятия окончательного решения по судебному спору.

³¹⁹ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П (п. 4.1), Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г., (п. 16), постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 4 марта 2016 г. № Ф02-7786/15 по делу № А33-873/2015, апелляционное определение Московского городского суда от 8 сентября 2016 г. № 33-36458/16, апелляционное определение СК по гражданским делам Севастопольского городского суда от 14 января 2016 г. по делу № 33-29/2016 и др. // Энциклопедии судебной практики. Гражданский кодекс РФ / рук. авт. колл. Ю.В. Романец // СПС «ГАРАНТ».

³²⁰ См.: Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П (п. 4.1), постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 4 марта 2016 г. № Ф02-7786/15 по делу № А33-873/2015, постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 июля 2015 г. № Ф05-8820/15 по делу № А40-69753/2014, Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 31 марта 2016 г. по делу № 33-6123/2016, апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 5 мая 2016 г. по делу № 33-7441/2016, апелляционное определение СК по гражданским делам Севастопольского городского суда от 14 января 2016 г. по делу № 33-29/2016 и др. // Энциклопедии судебной практики. Гражданский кодекс РФ / рук. авт. колл. Ю.В. Романец // СПС «ГАРАНТ».

Сформировалась также позиция, согласно которой размещение сведений на личной странице в сети Интернет признается распространением сведений³²¹. Доводы о том, что размещение сведений на личной странице пользователя исключает возможность нарушения прав и интересов третьих лиц является ошибочным. Указанная страница является доступной для неограниченного круга лиц, в связи с чем размещение определенной информации на личной странице является по смыслу ст. 152 ГК РФ распространением сведений. В Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 9 июля 2013 г. № 18-П по делу о проверке конституционности положений п. 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова говорится: признать взаимосвязанные положения п. 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ не противоречащими Конституции РФ в той мере, в какой по своему конституционно-правовому смыслу в системе действующего правового регулирования они направлены на защиту личных неимущественных прав гражданина, нарушенных распространением в отношении него сведений, порочащих его честь, достоинство или деловую репутацию, в том числе на сайте в сети Интернет, не зарегистрированном в качестве средства массовой информации, и – не предполагая привлечения к ответственности владельца сайта или уполномоченного им лица, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, за сам факт размещения сведений, распространенных третьими лицами, достоверность которых владелец сайта или уполномоченное им лицо не имеют возможности самостоятельно проверить, – не лишают такого гражданина права обратиться к другим, не указанным в этих законоположениях законным средствам защиты нарушенного права.

Вместе с тем Конституционный Суд РФ пришел к выводу о том, чтобы признать взаимосвязанные положения п. 1, 5 и 6 ст. 152 ГК РФ не соответствующими ст. 17 (ч. 3), 21 (ч. 1), 23 (ч. 1), 24 (ч. 1), 29 (ч. 4), 45 (ч. 2) и 46

³²¹ См.: Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 сентября 2016 г. № Ф06-12361/16 по делу № А12-43752/2015.

(ч. 1) Конституции РФ в той мере, в какой эти положения – по смыслу, придаваемому им правоприменительной практикой, в системе действующего правового регулирования – не обязывают владельца сайта в сети Интернет, не зарегистрированного в качестве средства массовой информации, или уполномоченное им лицо, которое ответственно за размещение информации на этом сайте, удалить по требованию гражданина информацию, содержащую сведения, порочащие его честь, достоинство или деловую репутацию, которые вступившим в законную силу судебным решением признаны не соответствующими действительности.

Таким образом, были выявлены конкретные законодательные дефекты: отсутствие баланса между правом на свободу распространения информации и правом на защиту чести, достоинства и деловой репутации; отсутствие законодательных гарантий защиты чести, достоинства и деловой репутации, учитывающих существенное изменение способов распространения информации и отвечающих современным условиям ее движения в сети Интернет, нарушение принципа недопустимости при осуществлении прав и свобод человека и гражданина нарушений прав и свобод других лиц³²².

Во исполнение данного решения Конституционного Суда законодатель внес изменения в действующее в данной сфере регулирование (Федеральный закон от 2 июля 2013 г. № 142-ФЗ «О внесении изменений в подраздел 3 раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»).

Указанный пример показывает, что обособление категории «владелец сайта в сети Интернет» помогает разграничить права, обязанности и ответственность в случае возникновения спорных или конфликтных ситуаций, в отдельных случаях (в частности, принимая во внимание естественные условия сети Интернет,

³²² См.: Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г.) // СПС «ГАРАНТ».

препятствующие какому-либо одному субъекту полностью контролировать информационные процессы в глобальной сети) позволяет рассматривать обязанность как способ защиты нарушенного права, причем другого субъекта, а также является иллюстрацией межотраслевых основ формирования правового статуса субъекта.

По мере усиления правового статуса владельцев сайтов как особой категории субъектов (которыми, подчеркнем, может стать любой пользователь Интернета) за счет введения новых обязанностей, уточняется и правовой статус других субъектов.

Появление еще одной разновидности владельца сайта – владельца новостного агрегатора – обусловлено необходимостью выполнения публичных обязанностей в сети Интернет со стороны частных субъектов. В статье 10.4 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» новостной агрегатор определяется как владелец программы для электронных вычислительных машин, владелец сайта и (или) страницы сайта в сети Интернет, которые используются для обработки и распространения новостной информации в сети Интернет на государственном языке Российской Федерации, государственных языках республик в составе Российской Федерации или иных языках народов Российской Федерации, на которых может распространяться реклама, направленная на привлечение внимания потребителей, находящихся на территории Российской Федерации, и доступ к которым в течение суток составляет более одного миллиона пользователей сети Интернет. Далее в указанной статье перечислены обязанности владельца новостного агрегатора, среди которых:

- 1) не допускать использования программы для электронных вычислительных машин, сайта и (или) страницы сайта в сети «Интернет» в целях совершения уголовно наказуемых деяний, разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну, а также распространения материалов, содержащих публичные призывы к осуществлению

террористической деятельности или публично оправдывающих терроризм, других экстремистских материалов и материалов, пропагандирующих порнографию, культ насилия и жестокости, а также материалов, содержащих нецензурную брань;

2) проверять достоверность распространяемых общественно значимых сведений до их распространения и незамедлительно прекратить их распространение на основании предписания, указанного в ч. 9 ст. 10.4;

3) не допускать использования новостного агрегатора в целях сокрытия или фальсификации общественно значимых сведений, распространения недостоверной общественно значимой новостной информации под видом достоверных сообщений, а также распространения информации с нарушением законодательства Российской Федерации;

4) не допускать распространение новостной информации с целью опорочить гражданина или отдельные категории граждан по признакам пола, возраста, расовой или национальной принадлежности, языка, отношения к религии, профессии, места жительства и места работы, а также в связи с их политическими убеждениями;

5) не допускать распространение новостной информации о частной жизни гражданина с нарушением гражданского законодательства;

6) соблюдать запреты и ограничения, предусмотренные законодательством Российской Федерации о референдуме и выборах и др.

Кроме того, оговариваются случаи освобождения владельца новостного агрегатора от ответственности за распространение им новостной информации (если она является дословным воспроизведением сообщений и материалов или их фрагментов, распространенных средством массовой информации, которое может быть установлено и привлечено к ответственности за нарушение законодательства Российской Федерации о средствах массовой информации), а также полномочия Роскомнадзора по ведению реестра новостных агрегаторов.

Определенность для рассматриваемой категории субъектов имеется в отношении юрисдикционной принадлежности, так как владельцем новостного агрегатора может быть только российское юридическое лицо или гражданин Российской Федерации. Ответственность устанавливается согласно нормам КоАП РФ (ст. 13.32. «Неисполнение обязанностей владельцем новостного агрегатора», ст. 19.7.10-1. «Неисполнение владельцем новостного агрегатора предписаний федерального органа исполнительной власти, осуществляющего функции по контролю и надзору в сфере средств массовой информации, массовых коммуникаций, информационных технологий и связи, о прекращении распространения новостной информации»), при этом размер штрафа в некоторых случаях достигает трех миллионов рублей. Следует отметить, что довольно подробно регламентирован порядок взаимодействия Роскомнадзора и владельцев новостных агрегаторов³²³.

Для мессенджеров предусмотрена обязательная идентификация пользователей по абонентским номерам. Договор о такой идентификации заключается между организатором сервиса и сотовым оператором. Мессенджеры обязаны обеспечивать техническую возможность отказа пользователей от получения электронных сообщений от других пользователей, а также возможность рассылки электронных сообщений по инициативе госорганов. Кроме того, в течение суток с момента получения соответствующего требования уполномоченного органа владелец мессенджера должен ограничить передачу сообщений, содержащих информацию, распространяемую с нарушением требований законодательства России.

³²³ См.: Приказ Роскомнадзора от 5 декабря 2016 г. № 306 «Об утверждении Порядка функционирования системы взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами новостных агрегаторов»; разъяснения Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций от 12 декабря 2016 г. «Отдельные разъяснения Роскомнадзора по вопросу распространения новостными агрегаторами информации, размещенной на сайтах, не являющихся СМИ».

Таким образом, формируются тенденции увеличения удельного веса обязанностей, усиления правового статуса (изменения правового положения субъекта в общей системе общественных отношений), уточнения принадлежности субъектов к тому или иному виду в ходе правоприменения, вовлечения государством владельцев сайтов, информационных посредников, субъектов критической информационной структуры, операторов связи, поисковых систем, владельцев новостных агрегаторов и других обеспечивающих субъектов в выполнение своих обязательств посредством корректировки их правовых статусов.

Это может рассматриваться, с одной стороны, как усиление государственных начал в управлении Интернетом, что характерно в настоящее время не только для Российской Федерации, но и для других стран, с другой стороны, как один из вариантов реализации принципа мультистейкхолдеризма, предполагающего тесную взаимосвязь всех заинтересованных сторон в использовании и развитии Интернета. При этом необходимо учитывать важность согласительных процедур и компенсационных механизмов для тех субъектов, статус которых подвергается изменениям, особенно при введении дополнительных обязанностей и ответственности, поскольку они не должны потерять интерес к осуществлению своей деятельности в качестве субъектов частного предпринимательства, творческой активности или гражданской инициативы.

Кроме того, с теоретической точки зрения это дает импульс исследованию механизмов так называемой распределенной ответственности (диффузии ответственности), которая может быть применима к субъектам общественных отношений в сети Интернет как распределенной структуре. Принципиальным в этом случае будет решение вопроса о том, какой механизм реализации ответственности станет наиболее эффективным: распределение нагрузки субъектов и снижение в результате этого бремени обязанностей каждого из них

либо субсидиарная ответственность субъектов, позволяющая восполнить недостаток возможностей в интернет-пространстве по защите прав и свобод.

Вопрос юридической обязанности как элемента правового статуса субъекта неразрывно связан с вопросом об ответственности. По мнению С.Н. Братуся, юридическая ответственность – это та же обязанность, но принудительно исполняемая, если лицо (гражданин или организация), на котором эта обязанность лежит, не исполняет ее добровольно³²⁴.

В литературе юридическая ответственность трактуется как мера государственного принуждения, реакция на совершенное правонарушение и выражается в осуждении правонарушения, установлении для него определенных отрицательных (неблагоприятных) последствий в виде ограничений (лишений) личного или имущественного порядка. К этому добавляется, что юридическая ответственность служит делу воспитания и исправления правонарушителей, специального и общего предупреждения правонарушений³²⁵.

Так, О.С. Иоффе и М.Д. Шаргородский определяют ответственность как меру государственного принуждения, основанную на юридическом и общественном осуждении поведения правонарушителя и выражающуюся в установлении для него определенных отрицательных последствий в виде ограничений личного или имущественного порядка, и утверждают, что только сочетание этих элементов создает юридическую ответственность³²⁶. О.Э. Лейст включает в понятие юридической ответственности и меры, направленные на исполнение нарушенной обязанности³²⁷. Многие авторы считают необходимым компонентом ответственности вину правонарушителя как упречное состояние его психики, которое имеет своим источником относительную свободу воли индивида (организованного коллектива), выражающуюся в «вариантности» его

³²⁴ См.: Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность. Очерк теории. С. 6.

³²⁵ Там же.

³²⁶ Иоффе О.С. и Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961. С. 314–318.

³²⁷ Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962. С. 27.

поведения, т.е. в относительной возможности выбора тех или иных действий, необходимых для достижения поставленных им целей³²⁸, что, как верно отметил Н.И. Матузов, отнюдь не означает нарушения единства субъективных прав и обязанностей, изменения сути политико-правовых институтов³²⁹.

В литературе отмечается, что в процессе формирования и использования информационного ресурса, новых информационных технологий и средств коммуникации сама информация включается в систему публичного и гражданско-правового регулирования. Возникает огромный пласт проблем на стыке разных отраслей права, что существенно влияет на сферу ответственности³³⁰. При этом ответственность субъектов общественных отношений в сети Интернет распределяется по различным отраслям законодательства в зависимости от тяжести правонарушения, природы обязанностей (договорные или законодательно установленные), вида правоотношений и т.д.

В литературе отмечается наличие целой системы ответственности в сети Интернет, где информационный ресурс выполняет ряд функций, а именно включается в объект интереса и использования поведения правопослушных субъектов, используется в замыслах и действиях правонарушителей и равным образом является средством поиска и доказывания истины в системе борьбы с правонарушениями в области информатизации – базой для деятельности правозащитных и судебных инстанций³³¹. При этом функционирование информационного ресурса предполагает работу по его созданию, совершенствованию, наполнению, модерированию и т.д., что обеспечивается разного рода субъектами.

³²⁸ См.: Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. С. 24–25.

³²⁹ Матузов Н.И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности. В кн.: Конституция СССР и правовое положение личности. М.: ИГПАН, 1979. С. 81.

³³⁰ Бачило И.Л. Информационное право: учебник. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Издательство Юрайт, 2011. С. 498.

³³¹ Там же. С. 473.

Е.С. Андриющенко анализирует состав субъектов ответственности и субъектов, привлекающих к ответственности; формы сетевой и юридической ответственности, которые, по наблюдениям автора, не пересекаются, а дополняют одна другую. В сетевой ответственности действуют виртуальные образы, идентифицируемые логином и паролем автоматически, и претензии к ним предъявляют администраторы и модераторы ресурсов. Они могут принять пресекательные меры, например закрытие права пользования³³².

Под сетевой ответственностью, как можно понять из исследования, понимается *ответственность по договору*, который составляет важную часть регулирования общественных отношений в виртуальном пространстве. По мнению Б.С. Антимонова, «договорная ответственность есть всегда дополнительное обязательство, содержащее в себе дополнительную обязанность должника, которых не было в содержании первичного обязательства до его нарушения»³³³. Это коррелирует с утверждениями автора, исследовавшего интернет-процессы и отметившего дополняющий характер ответственности по договору.

Вместе с тем в сети Интернет договор играет не менее значимую роль при регулировании отношений. Например, даже при первом ознакомлении с пользовательским соглашением «ВКонтакте», которое обозначено как «юридически обязательное», а правила которого должны быть приняты участником «безоговорочно», можно проследить четкую иерархию, которая предполагает контроль за деятельностью участников и неограниченное количество вопросов, решение которых остается «на усмотрение» со стороны Администрации сайта.

³³² См. подробнее: Андриющенко Е.С. Юридическая и сетевая ответственность в Интернете: сравнительный анализ // Конфликты в информационной сфере. М.: ИГП РАН, 2009.

³³³ Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. М.: Госюриздат, 1962. С. 17, 18.

При этом в пользовательских соглашениях, как правило, устанавливается ограничение ответственности Администрации, в том числе за сбои в работе и потерю информации, за ущерб в связи со скачиванием, последствия изменения функционала и т.п. (см., например, п. 7.8, 7.11 Пользовательского соглашения «ВКонтакте»), хотя Администрация оставляет за собой право (но не обязанность) просматривать сайт на наличие запрещенного контента и блокировать его, если, «по личному мнению Администрации» (п. 6.2.2), контент не соответствует правовым или этическим нормам, которые также имеют значение для репутации информационного ресурса.

Однако неопределенность программно-технического функционала также может привести к негативным с точки зрения защиты прав участников социальных интернет-сетей последствиям, которые никак не урегулированы и остаются в сфере риска самих пользователей, что могло бы послужить основанием для ответственности владельца информационного ресурса перед участниками социальной интернет-сети в случае серьезных нарушений режима персональной информации или при наступлении других негативных последствий. Например, из-за системной ошибки рекламодателям³³⁴ были переданы не только анонимные данные, но и имена пользователей Facebook, которые должны были быть скрыты, что является грубым нарушением законодательства о персональных данных.

В то же время не вся ответственность за функционирование социальной интернет-сети должна потенциально ложиться на владельца ресурса. В связи с тем что рассматриваемое нами явление имеет комплексный, многофакторный и многосубъектный характер, ответственность участников за свои неправомерные действия и неправомерные действия групп и сообществ, в которые они

³³⁴ Речь идет о таргетировании (или целевой рекламе), которое заключается в предоставлении социальной интернет-сетью рекламодателям данных со всех страниц определенной целевой группы (по выбору рекламодателя), предварительно обработав эти данные и сделав их анонимными.

объединяются, также требует более четкого регулирования. Напомним, что в настоящее время ответственность пользователей регулируется отраслевым законодательством. Пользовательское соглашение также содержит условия, в которых говорится о соблюдении определенных норм поведения при использовании сервисов интернет-сетей, но эти условия имеют, скорее, предостерегающий характер, так как Администрация сайта отслеживает нарушения добровольно, а меры воздействия, применяемые к нарушителям, ограничиваются рамками сайта. Учитывая огромное число участников, отслеживать их неправомерное поведение является крайне сложной и затратной с точки зрения внутренних ресурсов компании (владельца) задачей, и под угрозой может оказаться репутация всего ресурса – категория, которой в настоящее время в виртуальном пространстве придается важное значение.

Кроме того, разработчики технологического функционала сетей не всегда могут с уверенностью прогнозировать последствия использования своих разработок (это можно проиллюстрировать на примере Facebook, когда в 2012 г. в марте ошибка программного обеспечения Facebook на 30 минут открыла все электронные адреса пользователей, в мае брешь в системе безопасности позволила читать приватные сообщения пользователей, а потом была выявлена недоработка, позволяющая хакерам легко внедряться в профили³³⁵). При этом в пользовательских соглашениях, как правило, устанавливается ограничение ответственности Администрации, в том числе за сбои в работе и потерю информации, за ущерб в связи со скачиванием, последствия изменения функционала и т.п.

Указанная сложность отношений обусловила поиск того субъекта, который имеет техническую возможность в любой момент воздействовать на интернет-отношения своих пользователей, в связи с чем появился институт ответственности провайдеров. Изучение законодательства разных государств

³³⁵ См.: Штайншаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook. СПб.: Питер, 2011. С. 204.

показало, что в них проблема ответственности провайдеров решается по-разному. Причем здесь можно выделить три основных подхода к решению данной проблемы:

1) провайдер несет ответственность за все действия пользователей вне зависимости от наличия у него как субъекта права знания о совершаемых действиях;

2) провайдер не несет ответственности за пользователей в том случае, если выполняет определенные условия, связанные с характером предоставления услуг и взаимодействием с субъектами информационного обмена и лицами, чьи права нарушаются действиями пользователей;

3) провайдер не отвечает за действия пользователей.

В Китае и странах Ближнего Востока, например, используется первый подход, в Европе – второй³³⁶.

В Европейской директиве по электронной коммерции от 28 февраля 2000 г.³³⁷ (разд. 4, ст. 12–15) проработано наиболее детально решение проблемы указанного вида юридической ответственности.

Директива устанавливает, что провайдер не несет ответственности за передаваемую информацию в случае, если он не инициирует ее передачу, не выбирает получателя информации и не влияет на целостность передаваемой информации. При этом допускается временное хранение передаваемой информации для осуществления необходимых технических действий по ее передаче. Утверждается, что провайдер не несет ответственности за действия пользователей при предоставлении услуг хостинга, если он не был осведомлен об

³³⁶ См.: Рассолов И.М. Правовые проблемы обеспечения информационной безопасности: юридическая ответственность операторов связи // Вестник Московского университета МВД России. 2013. № 12. С. 103–108.

³³⁷ Директива 2000/31/ЕС Европейского Парламента и Европейского совета о некоторых правовых аспектах услуг информационного общества, в том числе электронной коммерции на внутреннем рынке (вступила в силу 8 июня 2000 г.). Текст на русском языке опубликован в издании: Шамраев А.В. Правовое регулирование информационных технологий (анализ проблем и основные документы). Версия 1.0. М.: Статут, БДЦ-пресс, Интерех, 2003. С. 317–327.

их противозаконной информационно-правовой деятельности и после получения информации об этом прекратил размещение или доступ к информации. Аналогичное положение устанавливает и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (ст. 17)³³⁸.

В настоящее время в ряде стран мира приняты предметные законы, касающиеся института ответственности провайдеров. Так, в шведском Законе, регулирующем ответственность владельцев электронных досок объявлений (Act (1998:112) on Responsibility for Electronic Bulletin Boards)³³⁹, устанавливается, что таковые обязаны удалять сообщения третьих лиц в том случае, если содержащаяся в них информация нарушает ряд норм уголовного и гражданского законодательства (в части авторского права). Похожая на европейскую, но менее детальная схема ответственности при нарушении авторских прав определена в американском Digital Millennium Copyright Act (DMCA)³⁴⁰, принятом в 1998 г. В Англии действует Defamation Act, принятый в 1996 г., который регулирует ответственность интернет-провайдеров за достоверность размещаемой на их сайтах информации³⁴¹.

И.М. Рассолов полагает, что изменения и дополнения в российское законодательство должны вноситься по принципу, в соответствии с которым провайдер должен нести ответственность за качество информации, размещаемой на его сервере, в случае если: 1) данная информация размещалась по его инициативе и (или) за его счет; 2) провайдер был осведомлен или имел возможность быть осведомленным о содержании информации, размещаемой на его сервере; 3) преднамеренные или непрофессиональные (противоречащие

³³⁸ См.: Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: Норма, 2009 // URL: http://tawkataw.ucoz.ru/_ld/1/105_pravo_i_interne.pdf

³³⁹ URL: <http://www.media.parlament.org.ua/uploads/files/f252.pdf>.

³⁴⁰ См.: Wilbur M.K. DMCA: The Digital Millennium Copyright Act. Lincoln (Nebraska). 2001 // URL: <http://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf>.

³⁴¹ См.: Sandford C., Boyle F. Defamation Act 1996: The New Law (Impact Series). Newcastle upon Tyne, 1997 // URL: <http://www.opsi.gov.uk/acts/acts19-96/1996031.htm>.

профессиональной подготовке, работе и возможности) действия провайдера повлекли размещение незаконной информации на его сайте.

Таким образом, ответственность провайдера наступает в зависимости от наличия его вины в размещении информации, нарушающей права третьих лиц. Бремя доказательства отсутствия вины провайдера следует возложить на самого провайдера, который должен привлекаться в судебный процесс в качестве ответчика, а в случае отсутствия его вины ненадлежащий ответчик должен заменяться лицом – автором вредной информации (провайдер остается в процессе в качестве третьего лица).

Такой механизм привлечения к ответственности, по мнению И.М. Рассолова, вполне оправдан, если учесть, что фактически информация размещена на дисковом пространстве сервера, принадлежащего провайдеру (источник противоправной информации – компьютер провайдера). В этом случае провайдеры сами будут заинтересованы в более тщательной проверке информации.

Предложение автора о законодательном закреплении права провайдера по результатам проверки: или блокировать информацию, для выявления противозаконности содержания которой не требуется специальных знаний, или информировать компетентные органы о наличии сомнительной информации для более тщательной и компетентной проверки, частично реализовано в современном российском законодательстве³⁴².

³⁴² См. ст. 19.7.10 КоАП РФ; ст. 15.8 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»; приказ Роскомнадзора от 22 июля 2015 г. № 84 «Об утверждении Порядка взаимодействия оператора реестра нарушителей прав субъектов персональных данных с провайдером хостинга и Порядка получения доступа к информации, содержащейся в реестре нарушителей прав субъектов персональных данных, оператором связи»; приказ Роскомнадзора от 21 февраля 2013 г. № 170 «Об утверждении Порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» с провайдером хостинга».

Другая инициатива указанного автора, касающаяся введения обязанностей провайдеров регулярно копировать информацию с лог-файла, бережно хранить и предоставлять ее при первом требовании заинтересованных и компетентных государственных органов, также была отражена в законодательстве³⁴³, хотя коснулась других субъектов интернет-отношений – операторов связи. Эта мера оказалась довольно сложной технически и финансово затратной, поэтому введение ее в действие было отложено. Более того, эта законодательная инициатива подвергается критике в связи с несоответствием российской нормы положениям нового регламента Евросоюза о защите данных³⁴⁴.

Обобщая изложенное, можно утверждать, что проблема ответственности провайдеров – это особенно острая и насущная проблема государственной политики не только в области Интернета, но и вообще в интернет-праве. От того, как будет определена и регламентирована роль провайдеров в информационных общественных отношениях в сети Интернет, зависит дальнейшее развитие сети Интернет, а также нового направления юриспруденции – интернет-права³⁴⁵.

Судебная практика в этой области также постепенно развивается³⁴⁶.

Еще одно определение применительно к субъекту, обеспечивающему доступ к услугам Интернета, вводит М.Б. Маношкин. Он отмечает, что оператор

³⁴³ См. ст. 64 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи».

³⁴⁴ URL: <http://internetinside.ru/obshhiy-reglament-es-po-zashhite-personal/>

³⁴⁵ Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы.

³⁴⁶ См., например: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26 июня 2015 г.); Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонов Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации»; решение Московского городского суда от 19 мая 2017 г. по делу № 3-216/2017 о защите исключительных прав на литературное произведение, размещенное на сайте информационно-телекоммуникационной сети Интернет; решение Московского городского суда от 18 мая 2017 г. по делу № 3-212/2017 о защите исключительных прав на аудиовизуальное произведение, размещенное на сайте информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

связи не только выполняет функции проводника информационных потоков между абонентом и другой стороной информационного обмена, но и может предоставлять другие информационные услуги (размещение информации в сети Интернет, фильтрация информационного потока абонента, предоставление доступа к программным приложениям и т.д.)³⁴⁷.

По мнению автора, операторы интернет-связи занимают ключевое положение в процессе обеспечения информационной безопасности. Являясь проводниками информационных потоков, они способны воздействовать на информационный обмен их абонентов, тем самым затрагивая их информационные интересы³⁴⁸, что и обуславливает увеличение количества их обязанностей.

Таким образом, обязанности и ответственность как элементы правового статуса субъекта не только связаны с определенными рода ограничений, но и отражают усиление его правового статуса, повышение его роли в системе общественных отношений в сети Интернет. При введении обязанностей необходимо учитывать тесную взаимосвязь субъектов, их технические возможности и интересы для того, чтобы система прав и обязанностей была сбалансирована и обеспечивала эффективность сетевых взаимодействий, предполагающих сложные, многоуровневые, трансграничные социальные и технические процессы.

С теоретической точки зрения представляет интерес дальнейшее исследование возможностей, механизмов и эффективности распределенной и перспективной ответственности субъектов, которая должна отражать природу глобальной сети как распределенной структуры, где законные интересы субъектов тесно переплетены и взаимосвязаны, возможности по обеспечению защиты прав и свобод редуцированы в силу правовой и технологической

³⁴⁷ См.: Маношкин М.Б. Правовое обеспечение информационной безопасности абонента в отношениях с оператором интернет-связи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

³⁴⁸ См.: Маношкин М.Б. Правовое обеспечение информационной безопасности абонента в отношениях с оператором интернет-связи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

неопределенности, а развитие ресурсов во многом происходит в результате аутопойезиса и на основе саморегулирования, демонстрирующего высокую степень результативности при наличии инициативы со стороны всех заинтересованных участников.

При этом вопрос юридических гарантий как элемента, не включенного однозначно классической теорией в правовой статус, но рассматриваемого в неразрывной связи с ним, является наиболее сложным с точки зрения определения субъекта, способного их обеспечить. В настоящее время система юридических гарантий в области Интернета ограничена национальной юрисдикцией и в ряде случаев границами интеграционных объединений (Конвенция Европейского Союза о преступности в сфере компьютерной информации (ETS N 185)), что обуславливает тенденцию локализации Интернета по национальным сегментам, подтверждаемую исследованиями в области кибергеографии³⁴⁹.

³⁴⁹ См., например: Zook M., Poorthuis A., Donohue R. Mapping Spaces: Cartographic Representations of Online Data. Chapter for the Handbook of Online Research Methods. 2nd edition. 2017.

ГЛАВА 3

ДИНАМИКА ПРАВОВОГО СТАТУСА СУБЪЕКТА В ВИРТУАЛЬНОЙ СРЕДЕ

§ 1. Приобретение и прекращение правового статуса: условия, способы, последствия

Приобретение и прекращение правового статуса в виртуальном пространстве осуществляются на правовой основе, которую составляют международные соглашения, направленные на поддержку развития Интернета и сокращение цифрового разрыва государств³⁵⁰, конституции³⁵¹ государств, на территории которых субъекты реализуют свои права и обязанности, отраслевое законодательство, регулирующее вопросы, связанные с использованием и развитием Интернета, а также нормы договоров, на основании которых происходит подключение к Интернету и обслуживание пользователей, распределение доменных имен и проч.

В одном из современных исследований отмечается, что в условиях интенсивной «цифровизации» происходит модификация сферы правового регулирования. Она становится мультисодержательной: в ее пределах не просто возникают новые отношения, а существенно изменяется ее структура, модифицируются сложившиеся связи. Ее образуют как типичные, так и нетипичные для нее с точки зрения субъектного состава, объектов и среды

³⁵⁰ См., например: Окинавская хартия глобального информационного общества (принята на о. Окинава 22 июля 2000 г.); Тунисская программа для информационного общества (Документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R, 15 ноября 2005 г.); Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности (заключено в г. Екатеринбурге 16 июня 2009 г.); Решение Совета глав правительств СНГ «О Стратегии сотрудничества государств – участников СНГ в построении и развитии информационного общества на период до 2025 года и Плана действий по ее реализации» (принято в г. Минске 28 октября 2016 г.)

³⁵¹ Гарантии свободы слова и права свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (например, ст. 29 Конституции РФ).

существования общественные отношения³⁵². В связи с этим обосновывается появление так называемых циклических правовых массивов, которые в своем развитии не обнаруживают тенденции к обособлению подобно отраслям или институтам права, а, напротив, демонстрируют способность к пронизыванию всех или большинства элементов системы права, внедрению в устоявшиеся ее элементы, особому взаимодействию с ними, детерминации их содержания, функционирования, а также вектора и темпов дальнейших трансформаций.

Именно в условиях формирования указанных массивов, обусловленных распространением виртуальной среды на разнородные общественные отношения, не замыкающиеся в границах информационно-телекоммуникационной отрасли, происходит приобретение или преобразование правового статуса субъектов. В некоторых случаях это влечет проблему установления правового статуса субъекта (в том числе индивидуального) при возникновении спорных или конфликтных ситуаций, когда необходимо ввести какие-либо ограничения или создать преференции для определенного субъекта.

Так, практически во всех кодексах есть нормы, связанные с использованием Интернета. Исключение составляют только часть третья ГК РФ, Семейный кодекс РФ, Уголовно-исполнительный кодекс РФ.

Некоторые положения кодифицированных актов напрямую задействованы в развитии правового статуса субъекта. В частности:

– в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях – ст. 6.17 «Нарушение законодательства Российской Федерации о защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и (или) развитию», где установлены санкции в отношении лиц, организующих доступ к распространяемой посредством информационно-телекоммуникационных сетей (в том числе сети Интернет) информации (за исключением операторов связи,

³⁵² См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 96.

оказывающих эти услуги связи на основании договоров об оказании услуг связи, заключенных в письменной форме), ст. 13.6 «Использование средств связи или несертифицированных средств кодирования (шифрования), не прошедших процедуру подтверждения их соответствия установленным требованиям», где специальные субъекты, обеспечивающие работу Интернета не обозначены, но указаны граждане и должностные лица и юридические лица, т.е. предполагается, что потенциальная возможность совершения подобного правонарушения имеется у любого лица;

– в ГК РФ – ст. 1233 «Распоряжение исключительным правом», где закреплена возможность правообладателя сделать заявление о предоставлении любым лицам возможности безвозмездно использовать принадлежащие ему произведение науки, литературы или искусства либо объект смежных прав на определенных правообладателем условиях и в течение указанного им срока путем размещения на официальном сайте федерального органа исполнительной власти в сети Интернет. При этом предусмотрен специальный субъект, ответственный за размещение соответствующих заявлений, – Федеральный орган исполнительной власти, определяемый Правительством РФ; ст. 1243 «Исполнение организациями по управлению правами на коллективной основе договоров с правообладателями», в которой фактически установлена не только возможность правообладателя получить необходимую информацию, но и коррелирующая этому праву обязанность аккредитованной организации в целях представления правообладателю посредством сети Интернет сведений, указанных в абз. 4 п. 4, обеспечить функционирование информационной системы «личный кабинет правообладателя» и предоставить правообладателю авторизованный доступ к ней; ст. 1253.1 «Особенности ответственности информационного посредника», где сформулировано определение информационного посредника и установлены случаи его освобождения от ответственности за нарушение интеллектуальных прав;

– в Налоговом кодексе РФ (части первой) – ст. 11.2 «Личный кабинет налогоплательщика», где установлено, что в случаях, предусмотренных настоящим Кодексом, личный кабинет налогоплательщика может быть использован для реализации налогоплательщиками и налоговыми органами своих прав и обязанностей, установленных НК РФ, что не только уточняет правовой статус налогоплательщиков, но и предполагает наличие субъекта, способного обеспечить реализацию этого правового статуса;

– в Кодексе административного судопроизводства РФ – ст. 45 «Права и обязанности лиц, участвующих в деле», где закреплено право таких лиц получать с использованием информационно-телекоммуникационной сети Интернет копии судебных актов, выполненных в форме электронных документов, извещения, вызовы и иные документы (их копии) в электронном виде, за исключением документов, содержащих информацию, доступ к которой в соответствии с законодательством ограничен.

Косвенно правовой статус разных субъектов затрагивается в нормативных правовых актах различной отраслевой принадлежности в ситуациях, например, при размещении какой-либо информации в сети Интернет (проекта, подлежащего рассмотрению на общественных обсуждениях, и информационных материалов к нему на официальном сайте уполномоченного органа местного самоуправления в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 2 ч. 4 ст. 5.1 Градостроительного кодекса РФ); схемы расположения земельного участка в форме электронного документа на официальном сайте уполномоченного федерального органа исполнительной власти (ст. 11.10 Земельного кодекса РФ); лесной декларации (ст. 26 Лесного кодекса РФ). Это, в свою очередь, предполагает наличие субъекта, ответственного за техническую сторону данного вопроса, а также может повлечь возникновение проблем в связи с отсутствием у использующих субъектов возможности воспользоваться данными правомочиями в силу цифрового разрыва между центром и регионами, в частности

недостаточной распространенности Интернета, например в отдаленных сельских регионах.

Подобные примеры «оседания» норм, касающихся правового статуса субъектов в сети Интернет, в разноотраслевых нормативных правовых актах можно продолжить. В результате они образуют некий замкнутый правовой массив, который образуется из разнородных по своей природе норм, имеющих общий элемент (аналогично химическим соединениям), позволяющий соединить эти разноплановые нормы по признаку вовлеченности в интернет-процессы. При этом в процессе приобретения и прекращения правового статуса важное значение приобретает определение корреляций прав и обязанностей субъектов, что актуализирует проблему их категоризации по видам и функциям.

Любой статус, по мнению С.И. Архипова, прежде всего разделяет субъектов права (на виды, группы); в нем сущностной стороной, главным характеризующим его аспектом является момент различения, противопоставления субъектов права, что в целом не соответствует идее, основному предназначению права³⁵³. В этом, возможно, проявляется современная проблема определения субъекта, который в результате развития законодательства не просто совмещает известные отраслевые статусы, а в ряде случаев оказывается перед выбором собственного правового статуса, поскольку законодательные термины можно трактовать очень широко (как в случае с информационным посредником, организатором распространения информации).

Для подобного самоопределения необходимо учитывать условия приобретения и прекращения статуса. Следует отметить, что такие условия уже зависят от того, какой статус имеет субъект в реальном мире. Речь идет о специальных субъектах, обеспечивающих функционирование Интернета: регистраторах доменных имен; операторах связи и провайдерах; разработчиках программного обеспечения; пользователях, численность которых постоянно

³⁵³ См.: Архипов С.И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб., 2004. С. 287.

растет; государственных органах, которые одновременно и используют Интернет, и контролируют его использование.

Специальные субъекты – юридические лица, приобретающие свой правовой статус на основании гражданско-правовых норм, процедур регистрации и аккредитации. К числу ключевых субъектов трансграничного использования базовых компонентов технологической инфраструктуры Интернета, определяющих его инфраструктуру и фактически обеспечивающих возможность использования, относятся: Корпорация Интернета по распределению доменных имен и номеров (ICANN); Общество Интернета (ISOC) и прежде всего Инженерный совет Интернета (IETF), действующий под его эгидой; Консорциум Всемирной сети (3WC); региональные интернет-регистратуры³⁵⁴. Данные субъекты обладают «разнонациональным» правовым статусом, что влечет возникновение трансграничных (международных) частноправовых отношений, подлежащих правовому урегулированию с учетом «иностранных характеристик» таких правоотношений, и обуславливает специфику их содержания³⁵⁵.

В исследовании М.Б. Касеновой выявлено, что функционирование корневых серверов системы доменных имен обеспечивают 12 организаций (операторы корневых серверов), которые обладают различным правовым статусом, соответственно созданы в различных организационно-правовых формах и принадлежат к разным правовым порядкам, находятся в различных договорно-правовых отношениях. Анализ системы взаимосвязанных договоров, регулирующих функционирование файловой зоны системы доменных имен, выявленной указанным автором, позволил определить функциональную роль субъектов этих договорных отношений³⁵⁶.

³⁵⁴ См.: Касенова М.Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования интернета: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016. С. 15.

³⁵⁵ Там же. С. 16.

³⁵⁶ Там же.

В приведенном исследовании доказывается, что основные структуры, отвечающие за работу глобальной сети – субъекты частного права, приобретающие свой статус на основании процедур регистрации и аккредитации, установленных национальным законодательством для юридических лиц, и взаимодействующие на договорной основе между собой и с другими субъектами, задействованными в поддержке работы глобальной сети.

В области Интернета особое значение имеют гражданско-правовые отношения, поскольку условием подключения к Интернету и фактически приобретения пользователем особого правового статуса является заключение гражданско-правового договора с провайдером (оператором связи). Причем это относится и к индивидуальным пользователям, и к государственным органам, и к частным организациям. Для того чтобы выйти на интернет-платформу, необходим договор, обеспечивающий право на доступ в глобальную сеть.

В отдельных случаях, уже в процессе использования Интернета, условием, при котором пользователь приобретает самостоятельный статус, может быть присоединение к пользовательскому соглашению, предлагаемому многими интернет-ресурсами, в частности социальными интернет-сетями, сетевыми онлайн-играми, интернет-магазинами и др. Подобное соглашение уточняет правовой статус лиц и в определенных случаях позволяет отстаивать свои права в судебном порядке.

В науке сложился подход, в соответствии с которым еще одним условием, определяющим возможность лица быть носителем прав и обязанностей, является его персонификация или наличие средств индивидуализации (для юридического лица)³⁵⁷.

³⁵⁷ См.: Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 10, 11.

Вопросы персонификации, индивидуализации и в целом *идентификации* субъектов также приобретают в пространстве Интернета самостоятельное значение. В центре дискуссий сейчас находится право на анонимность.

В Докладе Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации говорилось, что право на частную жизнь предполагает и право на анонимность, право оставаться неузнанным. Все типовые ситуации, допускающие установление личности конкретного гражданина без его согласия, должны быть оговорены в федеральном законодательстве, а ему самому известны и понятны³⁵⁸. В Рекомендации № CM/Rec(2016)5 Комитета Министров Совета Европы «О свободе в Интернете» отмечается, что государство не запрещает законодательно или на практике анонимность, использование псевдонимов, конфиденциальность частных сообщений или использование шифровальных технологий. Вмешательство в право на анонимность и конфиденциальность сообщений отвечает требованиям законности и пропорциональности ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (п. 4.1.7).

В научной литературе отмечается, что субъектный состав лиц, участвующих, например, в договоре оказания интернет-услуг, практически всегда абстрактен, т.е. нет возможности оценить юридическую чистоту совершаемой сделки (не всегда известно, с юридическим или с физическим лицом начинаются правоотношения; обладает ли партнер право- и дееспособностью; правомочен ли он заключать сделки подобного рода; имеется ли у него практический опыт оказания услуг подобного рода и т.д.), что в конечном счете приводит к значительному коммерческому риску, заключающемуся в возможности признать сделку ничтожной в любой момент времени.

По мнению некоторых авторов, до того момента, пока юридически не будут закреплены средства, позволяющие идентифицировать субъектов, заказывающих

³⁵⁸ См.: Доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2010 год // Российская газета. 2011. № 101.

и обеспечивающих исполнение интернет-услуг, не будет возможности доказать наличие между ними договорных обязательств, а это означает невозможность применения мер ответственности в случае неисполнения либо ненадлежащего исполнения обязательств³⁵⁹.

Вместе с тем в Интернете презюмируется право анонимного входа с любого IP-адреса, а право на доступ в Интернет Организация Объединенных Наций 16 мая 2011 г. признала одним из основных прав и свобод человека³⁶⁰. Однако подходы к решению вопроса об идентификации в Интернете в национальном законодательстве разных государств диаметрально противоположные – от признания (Франция, Бразилия) до запрета (Китай).

В России Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ обязывает провайдеров идентифицировать тех владельцев сайтов, которые не заблокировали доступ к запрещенным ресурсам, и сообщить о таких владельцах в Роскомнадзор.

Федеральный закон от 29 июля 2017 г. № 241-ФЗ направлен на предотвращение анонимного использования обмена мгновенными сообщениями онлайн. Провайдеры могут обслуживать только тех пользователей, которые могут быть идентифицированы по специальному номеру, определенному на основании соглашения об идентификации, заключенного между провайдером и оператором связи³⁶¹.

Дальнейшая разработка правовых подходов к реализации права на анонимность либо специальных способов идентификации в Интернете может служить дополнительным аргументом в пользу выделения особого вида правового статуса субъектов интернет-отношений.

³⁵⁹ См., например: Нарозников Н.К. Договор возмездного оказания интернет-услуг // СПС «КонсультантПлюс».

³⁶⁰ Доклад Организации объединенных наций (ООН) от 16 мая 2011 г. URL: http://www2.ohchr.org/english/bodies/hrcouncil/docs/17session/A.HRC.17.27_en.pdf

³⁶¹ См.: Peter Roudik. Freedom of speech, Internet, Protest and dissent, Right of privacy // URL: <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/russia-new-legislation-restricts-anonymity-of-internet-users/>

В качестве варианта решения данной проблемы можно предложить дифференциацию правовых статусов субъектов в Интернете в зависимости от их готовности идентифицировать себя в виртуальном пространстве. В частности, пользователю, который готов отказаться от анонимности и разрешить оформление в отношении себя так называемого интернет-паспорта, можно было бы предоставить более широкие возможности обращения за защитой в случае нарушения его прав либо за информацией в случае возникновения у него сомнений относительно обработки его персональной информации, тем более что в отношении идентифицированных пользователей это будет сделать намного проще.

В то же время важно сохранить право других пользователей, предпочитающих оставаться анонимными, использовать Интернет без каких-либо ограничений и, конечно, без дискриминации, сохранив за ними все права, которые им предоставлены в настоящее время, в том числе на обращение за защитой, на забвение и т.д.

Статус субъектов в этом случае может варьироваться в зависимости от их добровольного волеизъявления на идентификацию в Интернете, а какой из этих статусов окажется наиболее эффективным с точки зрения реализации прав и выполнения обязанностей, покажет практика.

Полагаем, такой подход будет отвечать технологической природе Интернета, где анонимность пользователей предопределена свойствами сети и могут быть зарегистрированы устройства, которыми может воспользоваться любой субъект или группа субъектов.

Еще одним правом, связанным с идентификацией субъектов в сети Интернет, является право на доменное имя, которое с определенного момента, помимо технической функции переадресации в сети Интернет, стало использоваться для выделения (идентификации) товаров, работ, услуг или бизнеса, а если цель использования доменного имени имеет некоммерческий характер, то оно может выступать уникальным идентификатором владельца

информационного ресурса³⁶². Возникновение права на доменное имя связано и с возникновением особых субъектов – аккредитованного регистратора доменных имен и правообладателя доменного имени, вокруг правовых статусов которых складывается определенная правоприменительная практика, связанная, в частности, с определением каждого из этих понятий³⁶³.

Правосубъектность лица в контексте настоящего исследования рассматривается как категория, отличная от правового статуса, не являющаяся его элементом, но создающая условия, предпосылки его приобретения. Несмотря на различие позиций относительно определения правосубъектности, сторонники многих научных позиций едины в том, что правосубъектность есть характеристика субъекта права. Для того чтобы быть субъектом права, необходимо наличие определенных свойств, которые имеют социальный характер и закрепляются правом³⁶⁴. Одно из них заключается в том, что субъект права – это участник общественных отношений, способный иметь субъективные права и нести юридические обязанности. Именно этот признак лег в основу легального определения правоспособности (п. 1 ст. 17, подп. 1 п. 1 ст. 49 ГК РФ).

Как отмечалось выше, в юридической науке понятие правового статуса может отождествляться с правосубъектностью гражданина³⁶⁵. Вместе с тем институт гражданства в пространстве Интернета не может использоваться в полной мере для реализации правового статуса, поскольку одной из основных проблем правового регулирования интернет-отношений является трансграничность глобальной сети, а следовательно, проблемы определения юрисдикции. В юридической науке идет дискуссия относительно международной

³⁶² См. подробнее: Рожкова М.А. Право на доменное имя // Право в сфере Интернета: сб. статей / рук. авт. колл. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 201.

³⁶³ Там же. С. 216–217.

³⁶⁴ См.: Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 11.

³⁶⁵ См.: Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов, 1987. С. 46.

правосубъектности индивида³⁶⁶ и общественных образований; таким образом, применительно к Интернету это может быть самостоятельным научным исследованием.

Субъекты правоотношений имеют возможность реализовывать свои субъективные права и при отсутствии официального признания правосубъектности как научной категории. В то же время, если мы признаем и используем понятие правосубъектности, это дает нам более полные возможности для понимания и научной интерпретации субъекта права и его правового статуса, для совершенствования механизма правового регулирования³⁶⁷. Это открывает перспективу для дальнейших исследований в области правосубъектности так называемых электронных (виртуальных) лиц³⁶⁸, искусственного интеллекта и проч.

Доктринальное понимание субъекта права, его связанность с определенным правопорядком, который объективно (социально) обусловлен общественными отношениями³⁶⁹, подводят к выводу о том, что правосубъектность является

³⁶⁶ См., например: Капустин А.Я. Проблема международной правосубъектности в условиях глобализации. В кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 54–69; Ковлер А.И. Личность как субъект международного права (возвращение к дискуссии о международной правосубъектности индивида). Там же. С. 69–99.

³⁶⁷ См.: Пашенцев Д.А. Правосубъектность в современной теории права. В кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 35.

³⁶⁸ См., например: Ястребов О.А. Правосубъектность электронного лица: теоретико-методологические подходы // Труды Института государства и права РАН. 2018. Т. 13. № 2. С. 36–56.

³⁶⁹ См.: Хабриева Т.Я. Введение в кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сб. материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017. С. 23.

категорией конкретной³⁷⁰. По этой причине и перечень субъектов права, и объем их правовых возможностей зависят от того, в каком обществе (его типе) они функционируют. Очевидно, что переход к информационному обществу, который в настоящее время активно декларируется на государственном и международном уровнях, диктует необходимость обращения к таким ключевым категориям в праве, как правовой статус и правосубъектность.

Таким образом, приобретение правового статуса субъекта общественных отношений в сети Интернет осуществляется на основе как законодательных норм, так и договорных положений, что обуславливает дополнение известных теоретических положений о содержании правового статуса субъекта. При этом важное значение приобретает соотношение договорных и нормативно-правовых начал в реализации правового статуса субъекта, поскольку противоречие диспозитивных и императивных норм в регулировании может снизить эффективность защиты прав и свобод субъектов, повлечь дополнительные риски осуществления их деятельности.

Условия прекращения правового статуса субъекта общественных отношений в сети Интернет также могут стать темой самостоятельного правового исследования. В качестве примеров можно привести реализацию права на забвение, которое было рассмотрено ранее и является своего рода условным, так как технически может быть обеспечено только путем прекращения выдачи ссылок на определенные ресурсы, что предполагает наличие обязанности поисковой системы соответствующей праву на забвение. При этом свойства информации и технологическое устройство глобальной сети ограничивают рассматриваемое право. Иными словами, полное прекращение правового статуса субъекта, т.е. его

³⁷⁰ Как справедливо подчеркивал А.В. Мицкевич, «правосубъектность придается людям и организациям законом в соответствии с потребностями развития общества. Поэтому она, как и всякая правовая категория, должна рассматриваться в связи с общественными отношениями, складывающимися на основе экономического и политического строя данного общества» (См.: Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962. С. 5). Цит. по: Хабриева Т.Я. Введение в кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся. С. 23.

безвозвратный уход из виртуального пространства на основании права на забвение, невозможен. Эта ситуация может характеризовать состояние субъекта в системе Интернета как рисковое, требующее разработки дополнительных правовых средств.

Другим примером прекращения правового статуса субъекта является блокировка ресурса, которая может производиться на основании решения суда или уполномоченного государственного органа и повлечь прекращение правового статуса не только субъекта, владеющего ресурсом, но и других субъектов, которые, например, были связаны условиями договора (пользовательского соглашения) с владельцем ресурса. Такой способ прекращения правового статуса также не является абсолютным по перечисленным выше причинам, что подтверждается многочисленными примерами практики.

В результате анализа этих двух примеров можно заключить, что под прекращением правового статуса субъекта в сети Интернет понимается:

– добровольный отказ от приобретенных ранее прав и исполнения обязанностей в случае утраты законного интереса к реализации своего правового статуса в той или иной области общественных отношений. При этом правовое состояние, которое также является неотъемлемым элементом правового статуса, сохраняет свою неопределенность в связи с ограниченными юридическими гарантиями, что подтверждает состояние, в котором находятся субъекты общественных отношений в сети Интернет;

– принудительное введение запрета использования прав (как со стороны уполномоченных государственных органов, обеспечивающих поддержание правопорядка, так и со стороны обеспечивающих субъектов, которые контролируют использование ресурсов на добровольной основе), что может быть результатом неисполнения обязанностей либо превышения пределов реализации своих законных интересов или интересов других субъектов. Такое прекращение правового статуса может повлечь как сопротивление самого субъекта, потенциально способного найти альтернативные способы осуществления

деятельности на законных основаниях за счет технических возможностей сети, так и прекращение правовых статусов других субъектов, которые были связаны с ним соглашением или реализовывали свой общеправовой статус (конституционный, информационный), используя Интернет.

Иными словами, в случае прекращения использования прав и исполнения обязанностей, субъект по-прежнему остается в глобальной сети, поскольку другие субъекты продолжают воздействовать его права, свободы, необходимость исполнения обязанностей, у него может возникнуть дополнительная возможность по использованию сети, т.е. фактически полный уход из виртуального пространства (и его правового поля) невозможен. Это связано и с таким явлением виртуальной среды, как цифровой след – оставляемая в глобальной сети человеком информация о себе и своих действиях. В литературе отмечается, что цифровой след фактически выступает «отпечатком жизни и личности человека»: в нем явно видны интенции человека, его интересы, потребности, социальный и интеллектуальный уровень развития, уровень культуры человека³⁷¹.

Неполное прекращение правового статуса обуславливает более подробное исследование условий, при которых статус субъекта приобретает, в последующем видоизменяется и прекращается. Для этого необходимо проанализировать термин «интернет-отношения», который широко используется в научной литературе³⁷².

³⁷¹ См.: Флеров О.В. Цифровой след человека в Интернете: основные гуманитарные подходы // Образовательные ресурсы и технологии. 2018. № 4 (25). С. 80.

³⁷² См., например: Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров / науч. ред. В.В. Ярков. М., 2011. Сер. «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 1.; Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М., 2009; Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: монография. М.: Янус-К, 2016; Тедеев А.А. Проблемы и условия правового регулирования интернет-отношений // Информационное право. 2008. № 4.

Например, в работе Е.С. Андриющенко³⁷³ предпринята попытка вывести определение рассматриваемой категории: интернет-отношения определяются как общественные отношения, в которых посредством Интернета осуществляется связь между их участниками (коммуникационные интернет-отношения), а также отношения, имеющие своим объектом технологическую систему Интернета или предоставляемую или распространяемую через Интернет информацию (объектные интернет-отношения).

Предлагается также введение понятия виртуальных интернет-отношений, в которых происходит взаимодействие только на уровне виртуальных лиц, затрагиваются аспекты, существующие в виртуальном пространстве, и не оказывается прямого влияния на качество жизни человека в реальном мире. Признаки такого интернет-отношения: участники обращаются друг к другу по именам пользователя (никнеймам) и не упоминают информацию, которую можно узнать исключительно вне коммуникационного интернет-отношения; объект, на который направлен интерес субъектов, – это информация, распространяемая или предоставляемая посредством Интернета; права и обязанности субъектов возникают и реализуются целиком в данных коммуникационных интернет-отношениях³⁷⁴. По мнению автора указанного исследования, виртуальные интернет-отношения не должны включаться в сферу действия права.

В настоящее время довольно сложно согласиться с таким подходом, поскольку выделить отношения, которые прямо не влияют на качество жизни человека в реальном мире и полностью реализуются в пространстве Интернета, практически невозможно по мере развития и распространения интернет-ресурсов. Любое действие в Интернете оставляет так называемый цифровой след, по которому в ряде случаев можно распознать пользователя и его действия и который также является неким естественным свойством глобальной

³⁷³ См.: Андриющенко Е.С. Интернет-отношения: государственное регулирование и самоуправление: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

³⁷⁴ Там же.

информационно-телекоммуникационной сети, обусловленной ее изначальным назначением (сохранностью информации независимо от сохранности носителя информации), технологическим устройством и развитием. Вся информация, исходящая от пользователя, фиксируется и может быть использована в различных целях. Даже если взаимодействия между субъектами интернет-отношений имеют межперсональный, личный характер, они подчинены правилам, которые действуют для других участников. Например, присоединение к социальной интернет-сети предполагает права администрации ресурса просматривать контент, использовать любые данные в коммерческих целях; информация о поисковых запросах должна храниться у операторов услуг, а действия, осуществляемые пользователями онлайн-игр, начинают приобретать материальный характер в процессе получения дополнительных виртуальных преимуществ за вполне реальные средства.

Существует подход, согласно которому интернет-отношения – такие общественные отношения в виртуальном пространстве (включая моральные, этические и иные), участники которых выступают как носители субъективных прав и обязанностей в Интернете³⁷⁵. При этом выделяется особый характер интернет-отношений, так как они возникают в результате воздействия норм международного и других отраслей права, международных договоров, решений судов и иных норм на поведение людей и организаций (субъектов)³⁷⁶.

Однако далеко не все отношения в Интернете возникают в результате действия норм права. А.В. Глушков в своей работе это отмечает: нормы поведения участников сетевого общения носят не совсем юридический характер. С одной стороны, они применяются в отсутствие какого-либо общесетевого органа централизованного контроля и принуждения. С другой стороны, они

³⁷⁵ См.: Глушков А.В. Проблемы правового регулирования интернет-отношений: дис. ... канд. юрид. СПб., 2007.

³⁷⁶ Там же.

регулируют порядок совершения действий, которые при наличии характеристики «возмездное» однозначно принято считать имеющими юридическое значение³⁷⁷.

К изложенному можно добавить, что ряд норм поведения в Интернете имеет совсем неюридический характер, в том числе нормы общения, которые используют участники социальных интернет-сетей, а также далеко не ко всем действиям можно приметить характеристику возмездности. Хотя понятие «возмездность» представляет интерес в отношениях между участниками и владельцами (администрациями) социальных интернет-сетей, которые в пользовательском соглашении предусматривают обмен информации пользователей на услуги сетевого ресурса.

А.В. Даниленков³⁷⁸ применительно к проблеме разрешения юридических конфликтов и споров использует термин «интернет-отношение», осложненное иностранным элементом ввиду экстерриториальности отдельных сегментов сетевого пространства Интернета и различной правосубъектности участников сетевых отношений (очевидно, что это синоним рассматриваемой категории) в связи с подчинением их личного статуса различным юрисдикциям³⁷⁹. Он также подчеркивает наднациональный характер интернет-отношений³⁸⁰.

С.В. Малахов³⁸¹ к особенностям интернет-отношений относит виртуальность – существование в не определенном физическими границами пространстве и отсутствие действенного механизма правового регулирования.

В.В. Архипов, считает, что «условная интеллектуальная конструкция «правоотношение в сети Интернет» может использоваться применительно к любому правоотношению, при условии, что оно опосредовано сетью

³⁷⁷ См.: Глушков А.В. Проблемы правового регулирования интернет-отношений: дис. ... канд. юрид. СПб., 2007.

³⁷⁸ Подробнее см.: Даниленков А.В. Интернет-право. М.: Юстицинформ, 2014. С. 5, 6.

³⁷⁹ Там же. С. 6.

³⁸⁰ Там же. С. 7.

³⁸¹ См.: Малахов С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 90.

Интернет»³⁸². При этом, по мнению указанного автора, такой подход не предполагает принципиального вывода о «существовании» отдельных самостоятельных интернет-отношений, и если рассматривать интернет-право прежде всего как систему определенных знаний, а не как самостоятельную отрасль права, то правоотношения, которые по своей правовой природе рассматриваются как, например, гражданско-правовые или уголовно-правовые, могут получать дополнительную теоретическую квалификацию в виде характеристики «отношение в сети Интернет»³⁸³.

Таким образом, термин «интернет-отношения» вводится в научный оборот и используется в контексте поиска подходов к правовому регулированию, определению субъектного состава, деятельности, осуществляемой с применением Интернета, а также для выделения интернет-права в самостоятельную отрасль.

По мнению В.М. Чибинева и А.П. Кузьмина, «юридическая особенность отношений между пользователями Интернета (как и отношений по поводу производимых в сети действий) заключается в специфическом способе реализации прав и обязанностей лиц – пользователей сети»³⁸⁴.

Полагаем, что именно эта особенность помогает сформулировать наиболее общее определение интернет-отношения, которое можно использовать в дальнейшем исследовании. В широком смысле интернет-отношение – это взаимодействие между пользователями сети или по поводу производимых в сети действий. Иными словами, независимо от характера самих отношений (информационные, возмездные, гражданско-правовые, трансграничные, правомерные и т.д.) можно говорить об элементе, способствующем реализации прав и свобод субъектов либо выполнению ими обязанностей, в некоторых ситуациях осложняющем эти действия, но в любом случае о сопутствующем всем

³⁸² См. подробнее: Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум. С. 161.

³⁸³ Там же. С. 161.

³⁸⁴ Чибинев В.М., Кузьмин А.П. Перспективы правового регулирования интернет-отношений // Информационное право. 2006. № 3. С. 7.

действиям субъектов (участников) интернет-отношений, – это техническая и технологическая составляющие рассматриваемых отношений.

Предположим, что по аналогии с отношениями, осложненными иностранным элементом, являющимися предметом международного частного права, можно говорить об отношениях, осложненных интернет-элементом (техническими и технологическими условиями функционирования глобальной сети), которые складываются между акторами по поводу или в результате использования Интернета и трансформируют устоявшиеся правовые категории, в том числе правовой статус, которому нельзя дать однозначную оценку с точки зрения гарантий.

Схожую точку зрения сформулировал в своей работе Е.А. Казанцев³⁸⁵, предметом исследования которого стали договорные отношения, осложненные электронным элементом, и соответствующие им гражданские правоотношения, в частности связанные с использованием цифровых данных и их носителей, электронных устройств, средств глобальной информационной сети Интернет и электронной цифровой подписи.

Указанный автор сделал важный вывод: отождествление отношений, связанных с использованием электронно-вычислительной техники, с информационными отношениями не обосновано, поскольку информационные отношения – это смежное понятие с исследуемыми отношениями, которое включает отношения, возникающие при обращении информации, как связанные с использованием различных технических устройств, так и не связанные с ними, но не включающие в себя отношения, основным объектом которых является не информация, а другие объекты гражданских прав. На основе этого обосновывается необходимость в выделении специфической группы гражданских правоотношений – договорных отношений, осложненных электронным

³⁸⁵ См. подробнее: Казанцев Е.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений, осложненных электронным элементом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.

элементом – основанных на соглашении двух или более лиц гражданских правоотношений, субъектами которых используются электронные устройства для совершения юридически значимых действий³⁸⁶.

В результате проведенного в данном параграфе исследования можно сделать следующие выводы:

– способами приобретения субъектом правового статуса в виртуальной среде являются договорный и нормативно-правовой, что обуславливает дихотомию правового статуса, которая проявляется в диспозитивном и императивном регулировании деятельности субъекта;

– условия приобретения и прекращения правового статуса связаны с наличием осложняющего деятельность в сети Интернет элемента, предполагающего действия третьих лиц по обеспечению прав, обязанностей, гарантий, а также естественных свойств самой сети, обусловленных ее технологической организацией;

– последствия приобретения правового статуса предполагают участие субъекта в экспериментальном проекте, если не исключаящем, то снижающим эффективность обеспечения юридических гарантий, а последствия прекращения правового статуса не всегда сводятся к удалению субъекта (информации о нем) из виртуальной среды, т.е. имеют длящийся (отложенный) характер.

§ 2. Преобразование правового статуса: факторы, формы, критерии

Исследование правовых процессов в условиях сети Интернет позволяет выявить тенденцию преобразования правовых статусов субъектов, связанную с приобретением новых прав, дополнительных возможностей их реализации, а также с усилением роли и значения субъектов, введением ограничений и

³⁸⁶ См.: Казанцев Е.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений, осложненных электронным элементом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007. С. 12.

совмещением разноотраслевых правовых статусов, что является следствием, а возможно, и причиной формирования циклических правовых массивов³⁸⁷.

Под «преобразованием правового статуса» в настоящей работе понимается корректировка или изменение отдельных прав и обязанностей и переход субъекта – носителя этих прав и обязанностей – на новый уровень в системе общественных отношений, позволяющий ставить вопрос о расширении его функций в отношении других субъектов и влиянии на правовое состояние субъектного состава глобальной сети.

Очевидно, что такое преобразование должно соответствовать конституционным нормам и принципам, способным обеспечить сохранение баланса интересов субъектов с учетом их изначальных правовых статусов, отражающих их положение в реальном мире и гарантирующих соблюдение их прав и свобод, по крайней мере, на государственном уровне.

При этом в качестве задач правовой науки можно обозначить: выявление факторов, способных повлиять на преобразование правового статуса; выработку критериев такого преобразования, отвечающих требованиям конституционности; видов преобразований, которые впоследствии могут учитываться в процессе правотворчества.

Подчеркнем, что в качестве предмета исследования правового статуса субъекта общественных отношений в Интернете выбрано именно преобразование, поскольку виртуальная среда фактически опосредует реальные отношения субъектов, наделенных правовыми статусами, которые уже гарантированы прежде всего конституционными нормами.

В связи с этим необходимо определить признаки преобразования правового статуса субъекта. Это может быть введение дополнительных прав (полномочий), установление новых обязанностей (ответственности), закрепление нового термина

³⁸⁷ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1.

(определения) субъекта (отметим, что в области интернет-отношений эта стадия введения или преобразования правового статуса не является финальной. Наоборот, с нее может начаться преобразование или формирование правового статуса, который потом будет конкретизирован по мере выявления возможностей реализации субъектом своих прав и исполнения обязанностей).

Такой элемент правового статуса, как законный интерес, по нашему мнению, не может и не должен подвергаться преобразованиям в результате воздействия законодательных установлений, поскольку он составляет в том числе некое внутреннее основание действий субъектов, и воздействие на это основание, не обоснованное более глубокими мотивами, может привести к негативным последствиям. При этом правовое состояние как элемент правового статуса, включающий законные интересы, может стать индикатором эффективности/неэффективности правового воздействия на субъекта, отражающим необходимость дальнейших изменений правового регулирования.

Ранее правовое состояние субъектов в Интернете было охарактеризовано как взаимозависимое, требующее учета интересов максимального числа сторон, которые потенциально способны совмещать некоторые функции в виртуальной среде. В целях настоящего исследования для выявления форм преобразования правовых статусов субъектов в самом общем виде субъектный состав общественных отношений в глобальной сети можно представить тремя группами:

- 1) *обеспечивающие* функционирование Интернета;
- 2) *использующие* Интернет;
- 3) *контролирующие* деятельность в Интернете.

1. Первая группа – субъекты, обеспечивающие функционирование Интернета, – специализированные организации, располагающие необходимыми научными, техническими и финансовыми ресурсами, правовой статус которых, как правило, определен в законодательстве или в специальных документах, регламентирующих организацию доступа к Интернету. Это операторы связи, провайдеры, операторы поисковых систем, регистраторы доменных имен,

администрации социальных интернет-сетей и проч. Большая часть из них – частные организации, обеспечившие на начальных этапах внедрения широкое распространение интернет-услуг, действуя в условиях минимальных правовых ограничений. Однако по мере распространения и повышения значения глобальной сети в общественной и государственной жизни можно наблюдать изменение и фактически преобразование правового статуса этих субъектов, поскольку от их деятельности теперь во многом зависит безопасность общества и государства³⁸⁸.

Примером такого преобразования правового статуса является введение в законодательство категории «субъекты критической информационной структуры». Этот пример рассматривался в § 1 главы 1 данной диссертации в рамках терминологического анализа. В настоящем параграфе речь пойдет о фактических процессах, которые, с одной стороны, предшествовали введению в законодательство термина «субъект критической информационной инфраструктуры», с другой стороны, стали последствием введения этого термина и соответствующей категории в правовое поле.

В статье 2 (п. 8) Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» сформулировано определение таких субъектов: государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической

³⁸⁸ См.: Черемисинова М.Е. Преобразование правового статуса субъекта общественных отношений в сети «Интернет». С. 13–20.

промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей. В статье 9 «Права и обязанности субъектов критической информационной инфраструктуры» данного Закона закреплён их правовой статус – права и обязанности.

Из текста Закона следует, что дополнительные обязанности возлагаются на операторов связи, а это в основном коммерческие организации, т.е. субъекты частного права, которые приобретают статус субъекта критической информационной структуры (КИИ) исходя из значимости (социальной, политической, экономической, экологической и др.) тех объектов, которые они обеспечивают средствами связи, в том числе доступом к Интернету.

Несмотря на то что правомерность введения ограничений в форме дополнительных обязанностей в связи с необходимостью поддержания бесперебойной работы энергетических, транспортных, медицинских, финансовых организаций не вызывает сомнений, в литературе обоснованно поставлен вопрос о повышении затрат на выполнение предписаний Федерального закона № 187-ФЗ³⁸⁹ и введении компенсации и государственной поддержки данной категории субъектов, что предполагает развитие основ государственно-частного партнерства которое признается условием эффективного функционирования интернет-отношений в целом³⁹⁰.

Преобразование правового статуса обеспечивающих субъектов обусловлено также тем, что вся глобальная сеть, как уже упоминалось, постепенно переходит из разряда рекреационного ресурса в разряд социальных благ, без доступа к которым невозможна реализация основных прав и свобод в информационном обществе. Напомним, что существуют социально-экономические предпосылки

³⁸⁹ См.: Двенадцатова Т. Новый год под знаком запрета // ЭЖ-Юрист. 2017. № 50. С. 5.

³⁹⁰ См.: Guiding Principles on Cyber Security. Guidance for Internet Service Providers and Government. Published 12 December 2013 by the Department for Business, Energy & Industrial Strategy and Cabinet Office // <https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-guiding-principles>

для фактического перехода интернет-коммуникации в статус универсального блага (англ. *common good*)³⁹¹, а «почти абсолютная распространенность» и огромное значение в хозяйственных, социальных и собственно коммуникативных процессах как на уровне государств и корпораций, так и на уровне отдельных граждан подтолкнет формирование запроса на включение доступа к цифровым коммуникациям в список базовых прав человека.

На международном уровне складывается тенденция, подтверждающая значение интернет-коммуникации для развития информационного общества. В частности, в докладе Специального докладчика по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их свободное выражение от 10 августа 2011 г. № А/66/290 отмечается, что «государства обязаны содействовать осуществлению права на свободное выражение мнений и использованию необходимых для его осуществления средств, к числу которых относится Интернет»; в отчете «Свобода выражения мнения в Интернете» представителя по вопросам свободы СМИ 2011 г. утверждается, что «каждый человек имеет право участвовать в жизни информационного общества, поэтому государства обязаны гарантировать доступ граждан к Интернету». Европейский Суд по правам человека качестве нового и влиятельного информационного средства признал Интернет подпадающим под сферу действия ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод ввиду его доступности и способности хранить и передавать огромное количество информации (дело *Times Newspapers Ltd.*).

Еще одним фактором преобразования правового статуса обеспечивающего субъекта может служить совмещение его основной деятельности с контролирующей функцией, которую он может выполнять в связи с наличием достаточных организационных и технических средств, например для осуществления контроля и хранения трафика информации (что позволяет, в

³⁹¹ См.: Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. Ключевые вызовы для мирового сообщества. М., 2016. С. 19.

частности, реализовывать право на предпринимательскую деятельность, используя информацию в коммерческом обороте), для модерирования контента и действий пользователей и проч.

Таким образом, усиление влияния и роли Интернета в целом, а также наличие технических, организационных и финансовых возможностей определенной категории субъектов, имеющих, помимо прочего, заинтересованность в осуществлении деятельности по обеспечению функционирования интернет-ресурсов, обуславливает преобразование их правового статуса посредством закрепления в законе дополнительных полномочий и обязанностей.

Следует отметить, обеспечивающие субъекты способны осуществлять и осуществляют контроль за деятельностью в Интернете и поддержанием работоспособности ресурсов, т.е. фактически совмещают обеспечивающие и контролирующие функции, что также становится причиной преобразования их правового статуса. Это, в свою очередь, ведет к закреплению за ними дополнительных обязанностей (одной из форм ограничений), которые, как ни парадоксально, усиливают их роль и значение в системе Интернета, поскольку происходит не только переложение части публичных функций на субъекта частного права, но и формируется тенденция к качественному переходу, который на интернет-платформе может быть обозначен оформлением новой институциональной структуры.

Вместе с тем преобразование правового статуса обеспечивающих субъектов в основном за счет увеличения удельного веса их обязанностей может повлечь разбалансировку правового статуса, который в идеале должен представлять собой устойчивую модель и в котором права и обязанности субъектов должны быть уравновешены. Постоянное введение новых обязанностей, даже если это обусловлено необходимостью обеспечения интересов национальной безопасности, может сломать всю конструкцию правового статуса, так же, как и наличие слишком широких полномочий.

При этом проблема заключается в том, чтобы правовые ограничения (в форме обязанностей и ответственности за их неисполнение) даже при наличии достаточного обоснования не стали причиной регресса в области развития информационного общества и информационно-телекоммуникационных технологий, что в современном мире может повлечь усиление правового нигилизма и перераспределение сил в пользу теневого сегмента глобальной сети³⁹².

2. Вторая группа субъектов – это основная масса пользователей. Понятие пользователя законодательно не определено, но часто применяется. По мнению В.В. Архипова, пользователями могут быть любые субъекты правоотношений, получающие в рамках такого правоотношения определенное благо и (или) извлекающего для себя определенные полезные свойства в процессе использования отдельных ресурсов сети Интернет. Этот термин применяется в основном для обозначения физического лица, которое может иметь и статус потребителя по Федеральному закону «О защите прав потребителей»³⁹³.

Вместе с тем можно выделить общую тенденцию, позволяющую сделать обобщающий вывод относительно преобразования правового статуса пользователя Интернета: в системе интернет-отношений при использовании технологии web 2.0 пользователи из категории потребителей информации и услуг постепенно переходят в категорию участников, создателей контента, от активности которых зависит развитие и ценность всей сети. Более того, такие свойства сети, как открытый протокол и распределенная структура, предоставляют пользователям возможности (при наличии соответствующих

³⁹² См.: Черемисинова М.Е. Преобразование правового статуса субъекта общественных отношений в сети «Интернет». С. 15, 16.

³⁹³ См.: Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум для бакалавриата и магистратуры. С. 150.

навыков) воздействовать на информационный обмен посредством технологических нововведений³⁹⁴.

Это самая сложная категория субъектов в плане исследования правового статуса, поскольку она наиболее многочисленная и разнообразная, совмещающая разные правовые статусы: отраслевые (конституционно-правовой, информационно-правовой, гражданско-правовой и т.д.); специальные (например, военнослужащие, заключенные, государственные служащие); индивидуальные, характеризующиеся правами, свободами, обязанностями и законными интересами в стадии их обладания и реализации³⁹⁵.

Однако в рассматриваемой классификации мы будем отталкиваться от изначального правового статуса субъектов, и соответственно, определения – «пользователи», недоучет которого при введении дополнительных прав, обязанностей, ответственности может привести к дефектам правового регулирования, в частности к девальвации роли права в виртуальном пространстве.

Существует также определение «конечный пользователь», которое можно проанализировать с точки зрения соотношения содержания интернет-отношений и правоотношений, складывающихся из субъективных прав и юридических обязанностей. Если рассматривать субъективное право как притязание на исполнение обязанности, которое может выражаться в виде права получить что-либо³⁹⁶, то применительно к виртуальной среде можно четко выделить право на получение доступа в сеть, которое приобретают все так называемые *конечные пользователи*, заключая договор со специализированными организациями. Такой договор имеет гражданско-правовой характер и определяет права и обязанности сторон.

³⁹⁴ См.: Черемисинова М.Е. Преобразование правового статуса субъекта общественных отношений в сети «Интернет». С. 17.

³⁹⁵ См.: Витрук Н.В. Общая теория правового положения личности. М.: Норма, 2008.

³⁹⁶ См.: Лукьянова Е.Г. Теория государства и права. Введение в естественно-правовой курс. М.: Норма, 2015. С. 88–95.

Для целей настоящего исследования необходимо уточнить понятие конечного пользователя как одного из ключевых участников интернет-отношений. Такое определение сформулировано, например, в исследовании Н.А. Данилова, рассматривавшего опыт регулирования интернет-отношений в Австрии и Дании: конечным пользователем является лицо, использующее электронные коммуникационные сети или услуги для собственных нужд и не предоставляющее доступ к сетям или услугам на коммерческой основе для других лиц³⁹⁷. Это определение включает в себя физических и юридических лиц, которые, получая доступ к Интернету могут получать и распространять информацию, осуществлять сделки, общаться, пользоваться услугами и т.д.

В процессе использования интернет-сервисов статус конечного пользователя может измениться в зависимости от тех действий, которые он предпринимает, т.е. от степени его участия в информационно-телекоммуникационных процессах. В частности, при создании сайта (а это может сделать практически любой желающий) конечный пользователь становится «владельцем сайта в сети «Интернет». Понятие «владелец сайта в сети «Интернет» определено уже законодательно: это лицо, самостоятельно и по своему усмотрению определяющее порядок использования сайта в сети Интернет, в том числе порядок размещения информации на таком сайте (ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Обязанности владельцев сайта уточняются в процессе правоприменения.

Так, постепенно складывается судебная практика в этой сфере. Владелец сайта или уполномоченное им лицо – поскольку они *объективно ограничены в возможности определять достоверность информации*, размещаемой на сайте

³⁹⁷ См.: Данилов Н.А. Цифровое равенство: опыт Австрии и Дании // Информационное право. 2012. № 4 // СПС «КонсультантПлюс».

третьими лицами, притом что возложение на них такой проверки означало бы отступление от конституционных гарантий свободы слова, – не могут быть безусловно обязаны удалять порочащие гражданина сведения, если их недостоверность неоспорна, в частности не установлена судебным решением. Следовательно, в таких случаях до принятия судебного решения на них не может быть возложена и ответственность за отказ удалить соответствующую информацию с сайта, что не исключает применения иных правовых средств, включая меры по обеспечению иска, позволяющих, в частности, приостановить ее распространение до принятия окончательного решения по судебному спору (п. 4.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П).

Предметом рассмотрения высшей судебной инстанции стала и такая функция владельца сайта, как обязанность в течение суток с момента получения от провайдера хостинга уведомления о включении доменного имени и (или) указателя страницы сайта в сети Интернет в реестр удалить интернет-страницу, содержащую информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (ч. 8 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Как отмечается в Обзоре судебной практики Верховного Суда РФ № 2 за 2018 г., судебное решение о признании информации, размещенной на сайте в сети Интернет, запрещенной к распространению на территории Российской Федерации, устанавливает правовое состояние такой информации и *ограничивает владельца сайта в осуществлении права на свободное распространение информации любым законным способом.*

На основании этих примеров можно сделать вывод о том, что в процессе преобразования правового статуса задействованы механизмы ограничения прав. Причем эти ограничения могут быть двух видов: обусловленные свойствами и архитектурой глобальной сети и позитивно-правовые, установленные правовыми актами.

Определение правового статуса субъекта с опорой на анализ природы прав и ограничений в интернет-сфере поможет избежать ошибок в законодательстве, которые ведут к необходимости постоянной корректировки нормативных правовых актов или к их отмене, что порождает правовую инфляцию, снижает авторитет законодательной власти и влечет усиление правового нигилизма в обществе. Характерным примером такой ситуации является введение законодательного определения категории блогер. В литературе отмечается, что это было обусловлено возрастающей ролью, которую владельцы личных регулярно обновляемых интернет-страниц (блогов) стали играть в условиях web 2.0³⁹⁸. Вместе с тем Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей», где был закреплён правовой статус блогера, оказался малоэффективным и довольно быстро утратил силу (Федеральным законом от 29 июля 2017 г. № 276-ФЗ). В рассматриваемом случае не были учтены как возможности блогеров по осуществлению контроля за контентом, так и возможности уполномоченной организации (Роскомнадзора) по сопровождению их деятельности, в частности из-за масштабов российской блогосферы, что повлекло утрату целесообразности ведения соответствующего реестра³⁹⁹.

Примеры подобных проблем в законодательстве и правоприменительной практике можно продолжить, в частности в отношении категорий обладатель информации, информационный посредник, организатор распространения

³⁹⁸ См.: Шерстобоева Е.А., Павленко В.Ю. Тенденции в регулировании российской блогосферы // Право СМИ. 2015. № 4.

³⁹⁹ См.: Черемисинова М.Е. Преобразование правового статуса субъекта общественных отношений в сети «Интернет». С. 15.

информации. Частично они решаются судебной практикой, которая вырабатывает особые подходы к определению правового статуса субъекта⁴⁰⁰.

Таким образом, в цепочке преобразований правовых статусов «пользователь (конечный пользователь)» – «владелец сайта» – «обладатель информации» – «информационный посредник» (последовательность может варьироваться, например, вместо «информационного посредника» как завершающего «элемента цепи» может быть «организатор распространения информации» или «владелец новостного агрегатора») должны обязательно учитываться возможности субъекта технически выполнять свои обязанности, его интересы при осуществлении той или иной деятельности, степень зависимости (технологической, правовой, институциональной, финансовой) от других субъектов интернет-отношений.

В сфере Интернета появляются новые категории акторов: информационные брокеры, новостные агрегаторы, майнеры, облачные провайдеры и т.д. Для того чтобы закрепить новый термин или понятие в законодательстве, а следовательно, ввести новую категорию субъектов правоотношений, необходимо учитывать *изначальный, стабильный статус* этого лица, обеспечиваемый конституционными нормами. Даже если интернет-аудитория пользователя расширяется до значительного круга лиц (в российском законодательстве это число составляло 3000 подписчиков), т.е. пользователь очевидно приобретает влияние в обществе, это еще не означает изменения его статуса на интернет-платформе, где сетевое взаимодействие осуществляется в условиях, подконтрольных совсем другим субъектам. Иными словами блогер, которого законодательно наделили статусом средства массовой информации, все равно

⁴⁰⁰ Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г.) // СПС «ГАРАНТ»; Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»; проект постановления Пленума Верховного Суда РФ «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» (по состоянию на 17 апреля 2019 г.) (подготовлен Верховным Судом РФ) // СПС «КонсультантПлюс».

остается пользователем, реализующим свое право на свободу слова и отвечающего только за свои высказывания, способным контролировать только определенный круг функций, предоставленных ему интернет-ресурсом.

Попытки законодательного закрепления дополнительных прав и обязанностей могут оказаться бездейственными, если не учитывать изначальный правовой статус лиц, который подвергается преобразованию, и вероятность их вовлечения в различные ситуации, правовые последствия которых не всегда определены. Здесь важно определить те полномочия, которые они способны реализовать, и те процессы, которые они могут контролировать.

Кроме того, необходимо учитывать, что правовой статус субъектов, использующих Интернет, формируется не только на основе законодательства, но и на основе норм, установленных соглашением с обеспечивающей организацией, без заключения которого нельзя получить доступ в Интернет. Многие интернет-ресурсы разрабатывают собственные пользовательские соглашения (условия использования), которые в литературе рассматриваются как «мостик» между реальным и виртуальным мирами⁴⁰¹, позволяющий праву опосредовать отношения, складывающиеся в онлайн-среде.

В соответствии с условиями использования сайта пользователи сайта могут направить свои обращения, предложения и претензии к администрации сайта. В случае недостижения согласия споры, связанные с исполнением гражданско-правового договора, разрешаются в судебном порядке по заявлению заинтересованной стороны. Законом предусмотрено право пользователя на судебное обжалование спорных положений пользовательского соглашения до заключения договора (до момента регистрации на сайте или в сети). Однако на практике попытки пользователя заставить Администрацию сайтов изменить спорные положения встречаются крайне редко. Пользователи обычно

⁴⁰¹ См.: Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 9–36.

соглашаются с правилами интернет-ресурсов⁴⁰². При этом федеральные органы исполнительной власти не имеют права регулировать гражданско-правовые отношения граждан-пользователей и лиц, оказывающих им услуги (администраторов и владельцев указанных сервисов).

Условия пользовательского соглашения и влияние таких условий на формирование и преобразование правового статуса (в том числе на правовое состояние) субъектов интернет-отношений, корреляция этих условий законодательно установленным правам и обязанностям, по нашему мнению, требуют отдельного исследования с учетом важности определения правомерности ограничений, являющихся одним из способов (причем наиболее конфликтным) преобразования правового статуса. Согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1996 г. ограничения должны осуществляться в целях способствования общему благосостоянию, определяться законом и не могут противоречить природе ограничиваемых прав (ст. 4).

Таким образом, преобразование правового статуса субъектов, использующих Интернет, происходит за счет введения законодательных норм по мере усиления их роли и расширения технологических возможностей, способствующих реализации ими уже закрепленных прав, приобретения новых прав и обязанностей, установленных в пользовательских соглашениях, а также за счет «естественных» прав и ограничений, которые обусловлены структурой и технологическими особенностями сети Интернет.

По нашему мнению, правовой статус рассмотренной категории субъектов является наиболее уязвимым с правовой точки зрения, поэтому его преобразование (во всяком случае, на законодательном уровне) должно происходить на научной основе, позволяющей точнее определить природу прав и их ограничений, а также сбалансировать меры ответственности и защиты,

⁴⁰² Роскомнадзор. Ответы на вопросы в сфере соблюдения законодательства об информационных технологиях // URL: rkn.gov.ru

необходимые для оптимального использования интернет-ресурсов в целях развития человеческого капитала в информационном обществе.

3. Третья категория субъектов интернет-отношений – это государство в лице уполномоченных органов, правовой статус которых определен в законах и подзаконных нормативных актах, однако его реализация сопряжена с определенными трудностями, обусловленными особенностями интернет-процессов, в частности трансграничностью и распределенным характером сети, ее постоянным развитием на основе зарубежных технологий, неопределенностью механизмов идентификации.

В Модельном законе Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств «Об основах регулирования Интернета» в ст. 3 в числе субъектов отношений, регулируемых этим Законом, указаны государство в лице его органов власти, уполномоченных на осуществление регулирования Интернета, а также меры, которые принимают органы государственной власти, органы местного самоуправления, направленные:

- на обеспечение равноправного, недискриминационного доступа пользователей к Интернету;
- недопущение необоснованных ограничений деятельности операторов услуг Интернета и осуществляемого посредством Интернета обмена информацией;
- содействие развитию рынка услуг, оказываемых с использованием интернет-технологий, недопущение монополизации и недобросовестной конкуренции.

В Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 гг. (утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203) отмечается, что информационные и коммуникационные технологии стали частью современных управленческих систем во всех отраслях экономики, сферах государственного управления, обороны страны, безопасности государства и обеспечения правопорядка. На определенном этапе наметился переход от идей

нового государственного менеджмента к сетевому подходу, понимаемому как равноправное сотрудничество государственных и негосударственных структур; при этом и новый государственный менеджмент, и сетевая теория отражают тенденцию к расширению круга субъектов управления⁴⁰³.

В числе национальных интересов, обеспечению которых призвана способствовать указанная Стратегия, относится развитие свободного, устойчивого и безопасного взаимодействия граждан и организаций, органов государственной власти Российской Федерации, органов местного самоуправления, а также повышение эффективности государственного управления наряду с развитием экономики и социальной сферы.

Государственные органы широко задействованы в интернет-процессах, начиная от использования Интернета для развития институтов открытого правительства и поддержания обратной связи с гражданами и организациями до контролирующих функций и участия в управлении Интернетом. Иными словами, с одной стороны, органы государства – пользователи Интернета, владельцы сайтов и т.п., с другой – контролирующие инстанции в сфере охраны прав и обеспечения безопасности физических и юридических лиц.

В результате можно проследить, как на определенном этапе развития глобальной сети (в стадии наиболее активного развития) государство стало уравниваться в части полномочий с другими субъектами интернет-отношений из-за декларирования паритетных начал в системе управления Интернетом и возложения основных функций по его распространению на субъектов частного права, а также из-за объективно ограниченных возможностей технического и технологического контроля глобальной сети.

Однако в настоящее время формируется обратная тенденция, когда роль государства в управлении Интернетом усиливается, поскольку функции по охране

⁴⁰³ См.: Положихина М.А. Организация государственного управления в современной России: структура, технологии, оценки. М., 2012. Цит. по: Талапина Э.В. Государственное управление в информационном обществе. Правовой аспект: монография. М., 2015. С. 17.

прав и обеспечению безопасности на уровне международного сообщества признаются в первую очередь за государством. Другие заинтересованные стороны, в частности техническое сообщество, в международных документах как гаранты реализации прав граждан и организаций не значатся. Возникает некоторый дисбаланс в статусе государства при решении вопросов, связанных с Интернетом. С одной стороны, его роль в управлении ограничена из-за архитектуры самой сети и обособленности обеспечивающих субъектов; с другой стороны, именно на государство возлагаются основные обязанности по охране прав пользователей, критической инфраструктуры и поддержанию национальной безопасности.

Существует мнение о том, что в связи с усилением роли государства возможна приостановка позитивных макроэкономических тенденций в глобальном интернет-секторе вследствие нарастающей политически обусловленной фрагментации сети по национальным сегментам⁴⁰⁴ (на период 2018–2020 гг.). С правовой точки зрения государство несет ответственность не только за беспрепятственное развитие и распространение интернет-технологий в рамках становления информационного общества (закреплено на международном уровне в Тунисской программе и Окинавской хартии глобального информационного общества), но и за безопасность как отдельных индивидов, так и национального суверенитета. В частности, это отражено в Руководстве по правам человека для интернет-пользователей в Интернете⁴⁰⁵:

«99. Право на эффективное средство правовой защиты закреплено в статье 13 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (ЕКЧП). Каждый человек, чьи права и свободы ограничены или нарушаются в Интернете, имеет право на эффективное средство правовой защиты.

⁴⁰⁴ См.: Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. Ключевые вызовы для мирового сообщества. М., 2016. С. 12.

⁴⁰⁵ Приложение к Рекомендации CM/Rec(2014)6 (принята Комитетом министров Советом Европы 16 апреля 2014 г. на 1197-м заседании постоянных представителей министров) / Департамент документации и публикаций, Совет Европы.

100. Статья 13 ЕКЧП гарантирует наличие на национальном уровне эффективного средства правовой защиты для обеспечения реализации по существу прав и свобод, содержащихся в ЕКЧП, в какой-либо форме для обеспечения этого в национальном юридическом порядке. Это требует предоставления национального средства правовой защиты для рассмотрения по существу жалобы, поданной на основании ЕКЧП, и для предоставления соответствующей компенсации⁴⁰⁶. Государства несут позитивное обязательство по проведению расследований заявлений о нарушении прав человека и должны делать это незамедлительно, тщательно и эффективно. Соответствующие процедуры должны давать возможность компетентному органу принимать решение по существу жалобы на нарушение Конвенции и наказывать за любое установленное нарушение, а также гарантировать исполнение принимаемых решений⁴⁰⁷».

Таким образом, можно констатировать, что государство возвращает свои позиции основного и пока единственного гаранта защиты прав и свобод, а также национальной безопасности в связи с возрастающей ролью глобальной сети как стратегического ресурса и тенденцией обособления национальных сегментов сети Интернет, что подтверждается исследованиями в области кибергеографии⁴⁰⁸. Следует отметить, что усиление государственных начал в регулировании глобальной сети отмечается во многих европейских и азиатских государствах.

В связи с этим обостряется вопрос введения ограничений правового статуса субъектов, которое также необходимо рассмотреть в рамках исследования преобразования правового статуса субъекта.

⁴⁰⁶ «Кая (Kaaya) против Турции», № 22729/93, § 106.

⁴⁰⁷ «Сильвер (Silver) и другие против Соединенного Королевства», №№ 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75 § 113, «Кая (Kaaya) против Турции», № 22729/93, § 106.

⁴⁰⁸ См.: Барина Д.С. Методологические аспекты исследования виртуального пространства интернета // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества: сб. науч. тр. / Центр социал. науч.-информ. исслед. / отв. ред. Верченнов Л.Н., Ефременко Д.В., Тищенко В.И. М.: ИНИОН РАН, 2013. (Сер.: Информация. Наука. Общество). С. 19–34.

В российской научной литературе констатируется преобладание формализованного взгляда на правомерные ограничения конституционных прав человека⁴⁰⁹. Это сводится к тому, что регулирование ограничений должно соответствовать, по сути, лишь одному критерию, закреплённому ч. 3 ст. 55 Конституции РФ, – они должны формулироваться федеральным законом. Определение целей внесения таких ограничений в указанной норме не имеет точных пределов, и любая цель введения нового ограничения тем или иным образом в итоге может быть истолкована как защита общественных, государственных интересов, безопасности государств или соблюдения нравственности, в то время как целью введения ограничения должна быть защита конкретного права или конституционно значимого интереса⁴¹⁰.

Цель – один из критериев правомерности ограничения прав и свобод наряду с законностью, обоснованностью и соразмерностью, тесно взаимосвязанный с последними, но имеющий самостоятельное значение⁴¹¹.

По мнению В.В. Лазарева, представляется правильным рассматривать в качестве содержательного признака правовых ограничений то, что они «сообщают об уменьшении объема возможностей, свободы, а значит, и прав личности, что достигается с помощью обязанностей, запретов, наказаний и т.п.»⁴¹²

⁴⁰⁹ См.: Гуляева Е.Е. Правовые основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность по Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 года. М., 2013. С. 53; Липкина Н.Н. Законность вмешательства в осуществление прав и свобод, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года // Эффективность законодательства и современные юридические технологии: материалы заседания III Международной школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. ред. Т.Я. Хабриева. М., 2009. С. 79–84.

⁴¹⁰ Никитина Е.Е. Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 11.

⁴¹¹ См.: Красиков Д. Н., Липкина Н. Н. Правомерные цели ограничений прав и свобод человека // Наследие юридической науки и современность: материалы заседания V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. ред. В. И. Лафитский. М., 2011. С. 206.

⁴¹² Малько А.В. Стимулы и ограничения в праве. М., 2005. С. 362. Цит. по: Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 36

Но чтобы это положение стало общим для любых ограничений в праве, не следует сводить дело к поведению личности – необходимо указывать здесь любого субъекта права. Особенно важно в качестве возможного адресата правовых ограничений видеть государство⁴¹³.

В этом направлении развивается практика ЕСПЧ, который отмечает, что хотя у Европейского Суда еще не было возможности вынести решение по жалобе на отказ в доступе к Интернету, такие жалобы уже были поданы на основании ст. 10 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. В сентябре 2010 г. Суд коммуницировал Правительству государства-ответчика жалобу, поданную литовским заключенным, которому было отказано в доступе к Интернету с целью поступления в университет⁴¹⁴. Эта ситуация является показательной с точки зрения анализа индивидуального правового статуса и отражает, с одной стороны, обоснованную позицию государства в отношении граждан, на которых распространяется ограничение (в данном случае на свободу распространения информации) в силу совершения ими противоправных действий, с другой стороны, перерастание права на доступ к Интернету в категорию, которая не сводится к свободе получения и распространения информации. Теперь это может рассматриваться и как право на образование или его ограничение в соответствующих случаях, что противоречит устоявшимся правилам в отношении указанной категории лиц.

Приведенные примеры показывают, что влияние Интернета на право усиливается. Преобразуются не только права, но и правовые статусы субъектов. В связи с этим ЕСПЧ заявляет, что вмешательство государства в форме блокирования, фильтрации или иного ограничения доступа к Интернету будет строго проверяться Судом в соответствии с его установленной прецедентной практикой. Государства также несут позитивные обязательства принять

⁴¹³ Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35–47.

⁴¹⁴ См. дело «Янковскис против Литвы [Jankovskis v. Lithuania]», жалоба № 21575/08.

соответствующее законодательство и обеспечить наличие доступных и эффективных процедур осуществления права на получение и передачу информации. В связи с этим могут возникать вопросы в случае, когда государство предоставляет публичные услуги исключительно по Интернету, который недостаточно доступен, или услуги являются финансово обременительными⁴¹⁵.

Более того, ограничение как одна из возможных составляющих преобразования правового статуса субъекта должно согласно Международному пакту об экономических, социальных и культурных правах 1996 г. осуществляться в целях способствования общему благосостоянию, определяться законом и *не противоречить природе ограничиваемых прав* (ст. 4)⁴¹⁶.

При этом важно обеспечение (или, по крайней мере, стремление к обеспечению) легитимности преобразования правового статуса. Известно, что многие законодательные установления в области Интернета вызывают довольно негативную реакцию и усиление правового нигилизма со стороны интернет-сообщества, ратующего за свободное использование глобальной сети. Это происходит по причине недоучета факторов, которые находятся вне правового поля, но влияют на развитие общественных отношений. Выявление и учет таких факторов при воздействии на правовой статус должны способствовать легитимации юридических предписаний, вводимых в отношении того или иного субъекта. Иными словами, факторы преобразования правового статуса – это внешние условия, своего рода предпосылки правового воздействия на субъекта общественных отношений.

⁴¹⁵ Например, уведомление о судебных решениях только при условии платной подписки на бюллетень по Интернету может иметь последствия для соблюдения срока подачи жалобы и таким образом, для права на доступ к правосудию по ст. 6 Конвенции. См. дело «Фаркас и другие против Румынии [Farcas and Others v. Romania]», жалоба № 30502/05.

⁴¹⁶ Это возвращает нас к вопросу об определении природы цифровых прав, которые, как было показано выше, можно разделить как минимум на три вида в зависимости от степени воздействия цифровых процессов на возможности их осуществления (в том числе от необходимости обращения к другим субъектам при их реализации) и на два вида в зависимости от способа приобретения (договорный и законодательный) (см. § 1 главы 2 настоящего исследования).

В числе таких факторов:

- необходимость и технологическую возможность обеспечения государственной/информационной/личной безопасности;
- распространение влияния технологии/ресурса на неограниченное число участников и количество правоотношений;
- уникальность средств воздействия на развитие глобальной сети, способных повысить уровень защищенности других субъектов.

Кроме того, на основании приведенных выше исследований в целях развития теоретических исследований можно выявить *формы преобразования правового статуса субъектов*.

Так, обеспечивающий субъект может стать (а зачастую и является) контролирующим, так как имеет техническую возможность воздействовать на процессы, происходящие на интернет-платформе; использующий – обеспечивающим, поскольку может создать собственную интернет-платформу и поддерживать ее функционирование; контролирующий – использующим, потому что, так же как и большинство субъектов, получает доступ к Интернету на основании договора и использует интернет-платформы для осуществления своей деятельности). В этом случае происходит *совмещение правовых статусов*. В этом случае, например, в процессе правотворчества, важное значение имеет четкое представление о выполняемых субъектами технологических функциях, что может способствовать сбалансированному установлению прав и обязанностей;

В связи с необходимостью выполнения публичных функций в целях поддержания правопорядка, обеспечения информационной и национальной безопасности в процессе введения публичных обязанностей и соответствующей ответственности, когда на субъектов частного права возлагаются функции, например, по участию в защите критической инфраструктуры или в учениях, которые представляют собой совокупность мероприятий по выполнению учебных задач в условиях конкретной ситуации возникновения угроз устойчивости, безопасности и целостности функционирования сети Интернет на территории

Российской Федерации, преобразование осуществляется в *форме интенсификации*.

Распространены случаи, когда ввиду закрепления в законодательстве широких определений в отношении отдельных видов субъектов нельзя точно определить их признаки и функциональную принадлежность. При этом один и тот же субъект может совмещать статусы владельца сайта, информационного посредника, организатора распространения информации и поисковой системы. Указанные статусы могут быть установлены в разных отраслях законодательства (например, владелец сайта – в информационной сфере, а информационный посредник – в гражданско-правовой), но предполагают правовое регулирование деятельности субъекта в глобальной информационно-телекоммуникационной сети. Для такой формы преобразования правовых статусов можно предложить термин «*коалесценция*» (слияние элементов внутри подвижной среды), чтобы подчеркнуть различие процессов слияния и совмещения правовых статусов. Коалесценция – слияние внутри какой-либо одной структуры, которую в данном исследовании представляет собой правовой статус одного субъекта, выполняющего функции, например, и владельца сайта, и информационного посредника, и организатора распространения информации.

Совмещение же происходит за счет возможности выполнять функции одной группы субъектов другой группой, т.е. здесь правовой статус образуется в результате выполнения и обеспечивающих, и контролирующих функций, а также в результате использования сети. Это преобразование правового статуса как бы сквозное и рассматривается с учетом предварительно проведенной категоризации субъектов на лиц, использующих, обеспечивающих и контролирующих Интернет

Преобразование правового статуса субъекта в любой форме должно отвечать определенным *критериям*, т.е. показателям, которые обеспечат обоснованность преобразования правового статуса с социальных, правовых и технологических позиций. В настоящее время очевидно, что в числе таких критериев должны быть:

- изменение роли в системе правоотношений (в частности, увеличение количество обеспечивающих либо контролирующих функций);
- наличие возможностей контролировать технологические процессы, связанные с реализацией прав и обязанностей субъектов;
- четкое определение целей преобразования правового статуса с учетом законных интересов других субъектов;
- степень влияния (экономического, политического, информационного, технологического) на правовой статус других субъектов;
- расширение перечня прав и свобод, на которые воздействует субъект в процессе осуществления деятельности в Интернете;
- степень уязвимости субъекта по отношению к технологическому (информационному, политическому и т.п.) воздействию;
- соответствие преобразования конституционным принципам и нормам.

Подчеркнем, что правовое состояние, в котором находится субъект в момент преобразования (принятия решения о преобразовании) его правового статуса, должно учитываться и также может использоваться при прогнозировании последствий (результатов) такого преобразования. Механизм преобразования правового статуса субъекта должен соответствовать принципам законности и в первую очередь конституционности, способствовать исполнению государственно-правовых мер регулирования, ограниченных в силу объективных технологических и архитектурных свойств Интернета, а также усилению государственно-частного партнерства с установлением обязательного приоритета соблюдения прав и свобод индивидов.

На примере преобразования правового статуса определенных органов и организаций⁴¹⁷ в правовой статус субъектов критической информационной

⁴¹⁷ Согласно п. 8 ст. 2 Федерального закона от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» это государственные органы, государственные учреждения, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которым на праве собственности, аренды или на ином

структуры можно сделать вывод о соответствии такого преобразования правового статуса необходимым критериям, что обеспечило легитимацию этого процесса, поскольку:

- произошло изменение роли этих субъектов в системе правоотношений (усиление обеспечивающих либо контролирующих функций в области Интернета);

- у них есть возможности контролировать технологические процессы, связанные с реализацией прав и обязанностей других субъектов;

- цели преобразования их правового статуса связаны с учетом жизненно важных законных интересов других субъектов;

- возросла степень их влияния (экономического, политического, информационного, технологического) на правовой статус других субъектов;

- проявилась степень уязвимости других субъектов по отношению к технологическому (информационному, политическому и т.п.) воздействию субъектов критической информационной структуры;

- в целом преобразование правового статуса можно считать соответствующим Конституции РФ, так как изначальный статус субъекта сохранен и позволяет реализовать его конституционные права и свободы, которые были изначально присущи его правовому статусу.

Следует отметить роль такого элемента правового статуса, как законные интересы, в его преобразовании. Законные интересы как внутренний мотиватор деятельности, обуславливают эффективность реализации правового статуса, поскольку очевидно, что если закрепляемые на законодательном уровне положения не совпадают с законными интересами субъекта, то эффективное

законном основании принадлежат информационные системы, информационно-телекоммуникационные сети, автоматизированные системы управления, функционирующие в сфере здравоохранения, науки, транспорта, связи, энергетики, банковской сфере и иных сферах финансового рынка, топливно-энергетического комплекса, в области атомной энергии, оборонной, ракетно-космической, горнодобывающей, металлургической и химической промышленности, российские юридические лица и (или) индивидуальные предприниматели, которые обеспечивают взаимодействие указанных систем или сетей.

выполнение им, например, обязанностей будет под вопросом. Скорее всего, субъект будет искать пути обхода закона, уклоняться от обязанностей, что в результате сказывается на снижении эффективности реализации его правового статуса в целом.

Так, возложение на субъекта предпринимательской деятельности публичных обязанностей (например, на операторов связи по Федеральному закону от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (так называемому Закону о суверенном Рунете)⁴¹⁸, по Федеральному закону от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации») ведет к преобразованию их правового статуса, что обусловлено усилением их значения для системы общественных отношений в Интернете. Вместе с тем их основной законный интерес – извлечение прибыли из осуществляемой деятельности, а не обеспечение национальной безопасности, поэтому введение дополнительных обременений должно убедительно обосновано и, вероятно, компенсировано с учетом предпринимательских интересов (налоговые льготы, субсидии на развитие и т.п.).

Результаты исследования, проведенного данным параграфе, в целом демонстрируют тенденцию к качественному переходу отдельных категорий субъектов на новую ступень в развитии общественных и технологических отношений в Интернете, которая может стать отправной точкой новой институциональной структуры глобальной сети.

⁴¹⁸ Следует отметить постановление Правительства РФ от 12 октября 2019 г. № 1316 «Об утверждении Положения о проведении учений по обеспечению устойчивого, безопасного и целостного функционирования на территории Российской Федерации информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сети связи общего пользования», принятое во исполнение указанного Закона, которое в определенной степени отражает экспериментальный характер предпринимаемых действий.

§ 3. Конкретизации правового статуса в правоприменительной практике

По мере введения в правовое поле новых субъектов обостряется проблема конкретизации их правовых статусов, связанная с правовой и технологической неопределенностью в области осуществляемой ими деятельности, а также с конкретными конфликтными ситуациями, которые призвана решать правоприменительная практика.

Конкретизация в праве позволяет придать необходимую степень динамики правовому регулированию, в том числе в части правового статуса субъектов. В условиях развития информационно-коммуникационных процессов на платформе глобальной сети именно конкретизация позволяет реализовать механизмы саморегулирования, которые являются неотъемлемым атрибутом интернет-процессов.

Из всех дефиниций конкретизации, сформулированных в отечественной правовой науке⁴¹⁹, наиболее соответствующим современным потребностям исследования новых по историческим меркам процессов может служить подход к конкретизации, когда «субъект наделяется персонально-субъективными правами и обязанностями. Юридические нормы носят общий характер, и в результате интерпретации происходит некая «примерка» правового предписания, которое в результате умозрительных суждений превращается в индивидуальное правило. То же происходит и в правоприменительном процессе»⁴²⁰.

⁴¹⁹ См., например: Черданцев А. Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: сб. ст. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. С. 25; также см.: Залоило М.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 41–49; Шмелева Г. Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов: Выща шк: Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988. С. 23; Ноздрачев А. Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами СССР // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 12. С. 75; Самигуллин В.К. Конкретизация права и локальное нормативное регулирование // Применение норм советского права: сб. статей. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974. С. 119.

⁴²⁰ Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 71.

В настоящее время показательным с точки зрения конкретизации правового статуса субъекта является судебное дело № А40-18827/17-110-180, рассмотренное российскими судами по иску общества с ограниченной ответственностью «ВКонтакте» к обществу с ограниченной ответственностью «ДАБЛ», о защите исключительных смежных прав на базу данных. Социальная сеть «ВКонтакте» в лице администрации выступает в качестве субъекта права, является стороной дела, защищает не только свои интересы, но и интересы своих пользователей, а также позиционирует себя как участника коммерческого оборота, что, в свою очередь, предполагает получение материальной отдачи от своей деятельности (несмотря на то что указана символическая сумма возмещения ущерба)⁴²¹.

Общество с ограниченной ответственностью «ВКонтакте» в лице администрации социальной сети (далее – Истец) обратилось с рядом требований к обществу с ограниченной ответственностью «Дабл» (далее – Ответчик), основное из которых состояло в прекращении нарушения Ответчиком исключительных прав Истца на Базу данных пользователей социальной сети «ВКонтакте». Социальная интернет-сеть как относительно новое, массовое общественное явление – предмет внимания правовой науки⁴²², вокруг которого, в частности, развивается дискуссия относительно того, является ли она субъектом или объектом правового регулирования⁴²³.

⁴²¹ См.: Черемисинова М.Е. Глава 4 «Роль судебной практики в формировании подходов к правовому регулированию коммерческого оборота персональных данных» // Защита данных: науч.-практ. комментарий к судебной практике / В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев, Э.В. Алимов и др.; отв. ред. В.В. Лазарев, Х.И. Гаджиев; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юридическая фирма «Контракт», 2020. С. 53–79

⁴²² См., например: Перчаткина С.А., Черемисинова М.Е., Цирин А.М., Цирин М.А., Цомартова Ф.В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2012. № 5 (185). С. 14–24; Монахов В.Н. Социальные сети как объект регулирования // Эволюция государственных и правовых институтов в условиях развития информационного общества / отв. ред. И.Л. Бачило. М.: ИГП РАН, 2012; Молотников А.Е., Архипов Е.В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38–47.

⁴²³ См.: Якушев М.В. Социальные сети как объект правового регулирования // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции: материалы Первого Евразийского

Истец определяет свой статус как статус изготовителя Базы данных пользователей этой социальной сети, требует прекратить извлечение и неоднократное использование информационных материалов этой Базы данных, уничтожить со всех информационных носителей информационные элементы, ранее извлеченные из этой Базы данных, а также взыскать 1 руб. компенсации.

Полагаем, важно обратить внимание на то, что Истцу в этом деле приходится обосновывать и доказывать свой правовой статус, который в настоящее время законодательно не определен. Термин «владелец сайта в сети «Интернет» (п. 14 ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», далее – Закон об информации) в данном деле не применяется, что объясняется сложным многосубъектным составом всей социальной сети, каждый пользователь которой может считаться владельцем своей официальной учетной записи (аккаунта), которую можно рассматривать как страницу сайта и на которую могут распространяться какие-либо имущественные права.

В результате отстаивания своих прав Истец обозначает как минимум одну составляющую такого сложного с точки зрения правовой оценки явления, как социальная интернет-сеть, – разработчика информационно-коммуникационного ресурса. При этом общество с ограниченной ответственностью, уже наделенное такой правосубъектностью в силу гражданско-правовых норм и выступающее в процессе и как «разработчик» программного обеспечения, и как «владелец» базы данных (персональной информации пользователей) в связи с условиями пользовательского соглашения, и как администрация ресурса, ответственная за выполнение законодательства в области защиты персональных данных, не в

антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30–31 мая 2012 г.) / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.М. Цирин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2012. С. 591–605; Черемисинова М.Е. Социальная интернет-сеть в качестве субъекта правоотношений // Право в сфере Интернета: сб. статей. Сер. «Анализ современного права» / отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018. С. 375–386.

последнюю очередь апеллирует к обязательствам перед своими пользователями (принятым судом во внимание), обеспечившими наполнение базы данных сведениями, обладающими коммерческой ценностью.

Это подчеркивает тесную структурную и правовую взаимосвязь между обществом с ограниченной ответственностью и участниками социальной сети, которая впоследствии может обусловить постановку вопроса об условиях участия в коммерческом обороте информации не только юридических, но и физических лиц, сталкивающихся с гражданско-правовыми последствиями использования их персональных данных.

В настоящее время принцип сбора сведений о лицах, использующих социальные интернет-сети для различных целей, прост: информация в обмен на сервисы, которые настолько удобны и разнообразны, что пользователи охотно соглашаются с условиями администрации. Вместе с тем появление права на забвение, а также вопросов, связанных с наследованием персональных аккаунтов или многоступенчатой (в том числе возмездной) передачей данных, показывает, что в ходе развития и распространения интернет-ресурсов возможно возникновение большого количества проблем частного правового характера, которые невозможно предвидеть или оценить на стадии присоединения к глобальному интернет-сервису.

Примечательно, что Истцу из открытых источников стало известно о деятельности Ответчика о предложении третьим лицам услуг на основе собственных технологических методов и алгоритмов поиска, хранения и интеллектуального анализа данных из социальных сетей, включая социальную сеть Истца, функционирование которых основано на сборе и обработке в автоматическом режиме данных о пользователях для оценки кредитоспособности потенциальных и существующих заемщиков кредитных организаций, являющихся пользователями таких социальных сетей. Это означает, что какое-то время Ответчик действовал без ведома Истца, а также незаметно для большинства пользователей.

Хотя один из пользователей социальной сети Истца обратился в полицию по факту сбора Ответчиком данных из социальной сети Истца и отображения таких данных на сайте АО «НБКИ» (<http://dd.nbki.ru>). По результатам рассмотрения его заявления и анализа собранной в ходе проверки информации Отделом МВД России по Хорошевскому району г. Москвы было установлено, что компанией ООО «Дабл» разработано программное обеспечение, с помощью которого Ответчик в автоматическом режиме собирает (извлекает) данные обо всех пользователях социальной сети «ВКонтакте». В результате этого Ответчиком сформирована собственная база данных пользователей для использования этих данных в коммерческих целях. Однако, по мнению Ответчика, сам факт отказа в возбуждении уголовного дела по ст. 272 Уголовного кодекса РФ, зафиксированный в постановлении, свидетельствует об отсутствии в его действиях состава неправомерного доступа к охраняемой законом компьютерной информации и дальнейшего ее копирования.

Одним из партнеров Ответчика значилось АО «Национальное бюро кредитных историй» (далее – «НБКИ»), на сайте которого указано о сотрудничестве с ООО «Дабл» и предложениях кредитным организациям сервисов на основе Big Data технологий, разработанных Ответчиком, позволяющих провести оценку кредитоспособности потенциальных и существующих заемщиков, используя данные из социальных сетей, включая социальную сеть Истца.

В связи с изложенным в адрес указанных лиц были направлены претензии с требованием прекратить незаконный сбор (извлечение) данных о пользователях социальной сети Истца и последующее их использование в коммерческих и иных целях.

Необходимо отметить, что Истец и «НБКИ» (ответчик 2) заключили мировое соглашение, которое определением от 15 августа 2017 г. было утверждено судом. «НБКИ» также подтвердило факт оказания услуг третьим лицам (банкам) на основе данных из социальных сетей, включая социальную сеть

Истца. Производство по делу в отношении «НБКИ» прекращено, несмотря на то что решение по делу в первой инстанции состоялось не в пользу Истца, поскольку на той стадии он не смог доказать факт создания базы данных, соответствующей признакам, установленным ст. 1260 ГК РФ, а также факт возникновения исключительных прав на базу данных.

Вместе с тем заключение такого мирового соглашения (т.е. фактически наличие согласия «НБКИ» с основной позицией Истца) на стадии рассмотрения дела в первой инстанции в определенной мере подтверждает право Истца на учет его интересов при многоступенчатой и возмездной передаче данных, собранных изначально по его инициативе и с привлечением его материальных, технических и интеллектуальных ресурсов.

В решении по делу отмечается утверждение Истца о том, что на создание, работу по сбору, обработку и расположение информационных элементов, составляющих обновленную на 13 января 2017 г. Базу данных Истца, за весь период ее формирования Истцом были понесены существенные финансовые, организационные и иные затраты, включая затраты на создание и поддержание инфраструктуры, закупку необходимого оборудования и серверов, а также затраты на заработную плату сотрудникам, выплаты по внешним контрактам на обслуживание оборудования и иное. Этот факт является одним из ключевых при доказывании наличия у субъекта смежного права, каким является исключительное право на Базу данных.

Как следует из п. 14 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 19 июня 2006 г. № 15 «О вопросах, возникших у судов при рассмотрении гражданских дел, связанных с применением законодательства об авторском праве и смежных правах» и подтверждается судебной практикой по делам о защите авторского права или смежных прав, Истец должен подтвердить факт принадлежности ему авторского права и (или) смежных прав или права на их защиту, а также факт использования данных прав Ответчиком.

Однако суд первой инстанции посчитал факт создания базы данных Истцом недоказанным, хотя впоследствии данное решение было пересмотрено судом апелляционной инстанции⁴²⁴ и подтверждено Судом по интеллектуальным правам⁴²⁵.

Важное значение для определения правового статуса Истца и в итоге для решения суда имели *Правила пользования сайтом*, разработанные и размещенные самим Истцом на своем сайте. Так, в соответствии с п. 5.12 Правил пользования сайтом «ВКонтакте» Истец не принимает участия в формировании содержания персональной страницы пользователя, т.е. *пользователи сами* публикуют на Сайте информацию о себе. Согласно п. 8.2 и 8.5 указанных Правил Истец не изменяет формат материала, не переводит на другой язык, не корректирует, не редактирует его, *пользователи сами* систематизируют информацию, выбирая подходящие поля для заполнения на Сайте. Следовательно, в силу особенностей функционирования социальной сети «ВКонтакте» Истец не несет расходов на приобретение информации, ее проверку и обработку в целях создания обособленной базы данных.

Пунктом 5.12 Правил пользования Сайтом установлено, что обладателями информации, размещаемой на персональных страницах социальной сети «ВКонтакте», являются пользователи Сайта, разместившие подобную информацию, при этом пользователь как обладатель информации, размещенной на собственной персональной странице, «...осознает, что администрация сайта не принимает участие в формировании содержания и контроле доступа к персональной странице пользователя, пользователь также соглашается с тем, что указанная информация может быть доступна другим пользователям сети Интернет с учетом особенностей архитектуры и функционала Сайта...»

⁴²⁴ См.: Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2018 г. № 09АП-61593/2017-ГК по делу № А40-18827/17 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴²⁵ См.: Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. № С01-201/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

Обладателями информации, представленной на персональных страницах пользователей Сайта, являются сами пользователи, а опубликованная информация в результате установления пользователем соответствующего режима доступа становится закрытой или общедоступной, т.е. открытой для использования любыми лицами, согласно п. 2 ст. 7 Закона об информации.

Эти положения, а также тот факт, что затраты, на которые ссылался Истец в обоснование своей деятельности по формированию базы данных, должны были иметь целевое назначение и быть направлены исключительно на создание базы данных, не позволили суду первой инстанции вынести решение в пользу Истца.

Ответчик настаивал на том, что база данных пользователей социальной сети является «побочным продуктом» (spin off) деятельности общества «ВКонтакте» по администрированию социальной сети. Суд апелляционной инстанции, отменяя решение суда первой инстанции, указал, что вывод суда об отсутствии базы данных пользователей как таковой противоречит имеющимся в материалах дела доказательствам, и пришел к выводу о существовании базы данных пользователей социальной сети общества «ВКонтакте», обладающей всеми признаками базы данных по смыслу п. 2 ст. 1260 ГК РФ.

Также суд апелляционной инстанции не согласился с выводом суда первой инстанции относительно отсутствия существенных затрат на создание спорной базы данных и установил, что извлечение и использование даже незначительной части базы данных в данном случае признаются нарушениями исключительного права в силу п. 3 ст. 1335.1 ГК РФ, поскольку действия Ответчика противоречат нормальному использованию базы данных и ущемляют необоснованным образом законные интересы изготовителя базы данных.

Данный вывод суд апелляционной инстанции сделал на основании того, что у Истца имеются *обязательства перед всеми пользователями социальной сети по обеспечению защиты персональных данных* пользователей от неправомерного или случайного доступа к ним, копирования, распространения, воспроизведения, сбора, систематизации, хранения, передачи информации из социальной сети в

коммерческих целях и/или в целях извлечения базы данных социальной сети в коммерческих или некоммерческих целях, или ее использования полностью или в любой части любым способом без согласия пользователя (п. 7.1 Правил защиты информации о пользователях, установленных администрацией «ВКонтакте»).

Несмотря на то что обеспечение защиты персональных данных не входит в обязанности изготовителя базы данных, указанное положение принято судом во внимание при решении вопроса о правомерности действий Ответчика, а также подчеркивает некую общность, которая формируется на интернет-платформе за счет договорного объединения разработчика ресурса и неопределенного круга лиц, от числа и активности которых зависит ценность этого ресурса. Так, в постановлении Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. по рассматриваемому делу отмечается, что создание базы данных пользователей социальной сети, как указывает общество «ВКонтакте», является для общества важной задачей, поскольку существование социальной сети без пользователей (и базы данных о них) невозможно.

По нашему мнению, данные выводы судов имеют важное значение для последующего решения принципиального вопроса о правовом статусе как владельца сетевого ресурса (в данном случае – Истца, получившего возможность проанализировать уязвимости в правилах, установленных им самим), так и пользователя социальной сети, который становится не просто потребителем информации (по существующей законодательной терминологии) или пользователем интернет-ресурса (что определяет его статус по Закону о защите прав потребителей), а полноправным и активным участником информационного обмена, набирающего «коммерческие обороты».

Кроме того, ссылка в материалах дела на Правила пользования сайтом также имеет существенное значение для развития судебной практики, связанной со спорами в сети Интернет, поскольку зачастую именно такие документы, как было отмечено выше, являются своеобразным связующим звеном между реальным и виртуальным мирами, позволяющими субъектам, в том числе

коммерческой деятельности, отстаивать свои права в сфере, характеризующейся правовой неопределенностью и отсутствием стабильности как для самих участников интернет-процессов, так и для инстанций, призванных поддерживать правопорядок в обществе. Роль пользовательских соглашений, правил использования сайтов и подобных документов еще предстоит проанализировать в ходе определения правовых статусов и направлений развития деятельности субъектов релевантных общественных отношений.

Итак, судом апелляционной инстанции установлено, что база данных пользователей социальной сети «ВКонтакте» является базой данных по смыслу п. 2 ст. 1260 ГК РФ, поскольку представлена в объективной форме, содержит совокупность самостоятельных материалов о пользователях социальной сети, систематизированных таким образом, чтобы эти материалы могли быть найдены и обработаны с помощью ЭВМ.

Истец признан изготовителем базы данных в соответствии со ст. 1333 и 1334 ГК РФ, из которых следует, что он является лицом, организовавшим создание базы данных и работу по сбору, обработке и расположению составляющих ее материалов. При этом указанные нормы не ставят обязательным условием самостоятельное наполнение базы данных ее изготовителем: создание третьим лицам соответствующих условий для наполнения базы данных с осуществлением последующей обработки и расположения получаемых от этих лиц материалов также квалифицируется действующим законодательством в качестве действий, образующих *правовой статус изготовителя базы данных*.

Судебная коллегия также соглашается с доводами общества «ВКонтакте» относительно того, что п. 1 ст. 1334 ГК РФ содержит опровержимую презумпцию существенности финансовых, материальных, организационных или иных затрат, произведенных в целях создания базы данных, если такая база содержит не менее 10 000 самостоятельных информационных элементов (материалов), составляющих содержание базы данных.

Согласно указанной норме необходимо исследовать не субъективное намерение лица на инвестирование непосредственно в базу данных, а объективную необходимость существенных затрат на ее создание.

На основании изложенного Суд по интеллектуальным правам согласился с выводами суда апелляционной инстанции о том, что из материалов дела усматривается как наличие объекта смежного права (базы данных пользователей социальной сети), так и наличие исключительного права Истца на указанный объект.

В ходе указанного дела был рассмотрен вопрос и о правовом статусе Ответчика. Как пояснил Ответчик, его программное обеспечение обращается к общедоступной информации, размещенной пользователями в сети Интернет. Подобные «поисковые роботы» действуют по схеме, схожей с работой обычного браузера, переходя по определенным ссылкам и считывая содержимое страницы. При этом «поисковый робот» не получает непосредственного доступа к каким-либо базам данных, расположенным на серверах владельцев сайтов и неспособен получать информацию, которая не отобразилась бы на странице пользователя при работе с ней при помощи обычного браузера.

Таким образом, программное обеспечение Ответчика неспособно обработать информацию, которая отнесена в раздел закрытой и не является общедоступной в соответствии с выбранными пользователями различных сайтов настройками уровней конфиденциальности. Обрабатывая открытую информацию, опубликованную на разных сайтах в сети Интернет, программное обеспечение Ответчика является по сути *поисковой системой* (аналогичное программное обеспечение используется, в частности, такими поисковыми сервисами, как Google и Yandex).

Однако в суде апелляционной инстанции этот довод был оспорен. Так, Истец отмечает, что ссылки Ответчика на технические алгоритмы работы программного обеспечения, аналогичные действиям глобальных поисковых систем, не означают отсутствие состава нарушения исключительного права на

базу данных, поскольку поисковые системы освобождаются от ответственности за нарушение исключительных прав правообладателей не в силу статуса «поисковика», а благодаря распространению на них нормы ст. 1253.1 ГК РФ и применению к ним *статуса информационного посредника*. Ответчик же, приравнивая свои действия к деятельности оператора поисковых систем, не признает за собой статуса информационного посредника и не доказывает обстоятельств, способных при таком статусе освободить его от ответственности за нарушение.

Из материалов дела четко не усматривается, признает ли Ответчик себя информационным посредником, но примечательно, что в рамках одного дела поднимается вопрос об определении специального правового статуса сторон, который фактически может повлиять на исход дела. Действительно, правовой статус информационного посредника предполагает определенные особенности ответственности информационного посредника (п. 2 ст. 1253.1), в частности освобождение от ответственности при соблюдении совокупности законодательно закрепленных условий.

В пункте 77 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации»⁴²⁶ указано, что особенности ответственности информационного посредника, предусмотренные ст. 1253.1 ГК РФ, являются исключением из правил, установленных п. 3 ст. 1250 ГК РФ, о применении мер ответственности (в виде возмещения убытков и выплаты компенсации) за нарушение интеллектуальных прав, допущенное при осуществлении нарушителем предпринимательской деятельности, независимо от вины нарушителя.

Вместе с тем в литературе отмечается, что определения информационного посредника законодатель не дал, указав лишь на то, какие действия он может

⁴²⁶ Российская газета. 2019. № 96.

совершать⁴²⁷. Данный пробел также в некоторой степени восполнен в указанном Постановлении Пленума Верховного Суда РФ, где говорится, что суд с учетом характера осуществляемой конкретным лицом деятельности устанавливает, является ли это лицо информационным посредником. Если лицо осуществляет деятельность, которая указана в ст. 1253.1 ГК РФ, то такое лицо признается информационным посредником в части осуществления данной деятельности.

В пункте 1 ст. 1253.1 указано: лицо является информационным посредником, если оно предоставляет возможность доступа к материалу в информационно-телекоммуникационной сети, что соответствует описанию деятельности Ответчика. При этом в целях освобождения от ответственности за нарушение интеллектуальных прав ему как информационному посреднику, осуществляющему передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, предстоит доказать одновременное соблюдение условий, сформулированных в п. 2 ст. 1253.1 ГК РФ.

Споры относительно признания того или иного лица информационным посредником активно развиваются в литературе. По мнению В.В. Архипова, «в некотором смысле регистраторы доменных имен также могут рассматриваться как особая разновидность информационных посредников в широком смысле по двум причинам. Во-первых, без их деятельности была бы практически невозможна навигация в сети Интернет. Во-вторых, они располагают фактической возможностью, которая часто используется на практике, пресекать правонарушения, связанные с использованием доменных имен, например, в случае нарушения права на товарный знак...»⁴²⁸

Однако не может быть признан информационным посредником администратор доменного имени, т.е. лицо, предоставляющее другим лицам лишь

⁴²⁷ См.: Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 46–51.

⁴²⁸ Архипов В.В. Указ. соч. С. 153, 154.

возможность адресации с его помощью к конкретным ресурсам в информационно-телекоммуникационной сети без обеспечения передачи, восприятия или обработки материалов и информации на этих ресурсах⁴²⁹.

Согласно п. 1 ст. 1253.1 ГК РФ лицо, осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети, в том числе в сети Интернет, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием информационно-телекоммуникационной сети, лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети, – информационный посредник – несет ответственность за нарушение интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационной сети на общих основаниях, предусмотренных названным Кодексом, при наличии вины с учетом особенностей, установленных п. 2 и 3 названной статьи.

Вместе с тем исходя из целей регулирования названной статьи лицо, являющееся администратором доменного имени и предоставляющее другим лицам лишь возможность адресации с его помощью к конкретным ресурсам в информационно-телекоммуникационной сети без обеспечения передачи материалов и информации на эти ресурсы, в том числе для целей их размещения, либо передачи уже размещенного в сети материала для его восприятия или последующей обработки, не может быть признано информационным посредником⁴³⁰.

В справке⁴³¹ Суда по интеллектуальным правам при анализе ответственности информационного посредника применительно к использованию товарных знаков в информационно-телекоммуникационной сети Интернет рассматриваются возможности признания интернет-ресурсов, используемых для продажи товаров через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет,

⁴²⁹ См. п. 3.1 постановления Суда по интеллектуальным правам от 3 июня 2016 г. № С01-342/2016 по делу № А40-102695/2015

⁴³⁰ См.: Энциклопедия судебной практики. Гражданский кодекс РФ / М. Крымкина, О. Являнская, Ю. Безверхова и др., под ред. Ю. В. Романца // СПС «ГАРАНТ».

⁴³¹ URL: <http://ipc.arbitr.ru/node/13619>

информационными посредниками в смысле положений ст. 1253.1 ГК РФ. В судебной практике возник вопрос о применимости положений этой статьи к интернет-ресурсам, используемым для реализации товаров, в связи с чем выявлены варианты деятельности таких ресурсов и соответствующие варианты нарушения исключительного права с использованием указанных интернет-ресурсов. При этом для решения вопроса о том, при каких условиях к интернет-ресурсам можно применить положения об информационных посредниках, предлагаются к обсуждению в числе прочих следующие критерии:

- критерий источника получения прибыли;
- критерий субъекта, ответственного за размещение информации.

Возможным видится разграничение лиц, являющихся и не являющихся информационными посредниками, исходя из того, кем размещается информация на интернет-сайте;

- критерий *наличия возможности* интернет-ресурса по изменению и модерированию размещенной на нем информации.

При этом Судом предложено исходить из того, что при несоблюдении хотя бы одного из предложенных критериев интернет-ресурс не признается информационным посредником.

В решении Арбитражного суда г. Москвы от 18 ноября 2013 г. по делу № А40-54370/12 для каждого вида информационных посредников, указанных в ст. 1253.1 ГК РФ, приведены примеры лиц, которые могут к ним относиться.

Таким образом, в процессе рассматриваемого дела не только уточняется правовой статус конкретных лиц, способный оказать влияние на исход дела, но и определяются признаки субъектов общественных отношений в сети Интернет, которые затем могут дополнить законодательные определения либо выявить новые грани правового статуса этих субъектов. Ход дела отчетливо показал, насколько сложно применить законодательные формулировки, определяющие того или иного субъекта, к конкретным правоотношениям. Это подтверждается в том числе включением в число вопросов, направленных на экспертизу

специалистам в области технологий, вопроса о том, является ли ответчик оператором поисковой системой⁴³². Известно, что определение поисковой системы дано в законодательстве, но в данном споре этого оказалось явно недостаточно, хотя от этого во многом зависит исход дела и определение степени виновности ответчика.

Выбор субъектом того или иного правового статуса и доказывание наличия этого правового статуса может рассматриваться в качестве особого способа конкретизации, который позволяет реализовать идеи саморегулирования, распространенные в Интернете.

Другие виды субъектов общественных отношений в сети Интернет также находятся в процессе активного обсуждения. Например, в разъяснении Роскомнадзора, касающемся блокирования сайтов, содержащих противоправный контент, четко говорится: «поисковые сервисы не являются владельцами сайтов в сети «Интернет», содержащих запрещенную информацию и проиндексированных поисковыми роботами, не определяют самостоятельно порядок использования сайтов, проиндексированных для целей поиска, в том числе, порядок размещения информации на таких сайтах»⁴³³.

Деятельность регистратора доменных имен в Российской Федерации может рассматриваться как характерный и наиболее стабильный сегмент саморегулирования в сети Интернет. Проблемы, связанные с определением правового статуса этого субъекта, проявляются в следующем. Как отмечает А.В. Даниленков, есть сомнение, что при выполнении обязанностей, предусмотренных постановлением Правительства РФ от 26 октября 2012 г.

⁴³² См. определение Арбитражный суд города Москвы от 16 ноября 2019 г. по делу № А40-18827/17-110-180 // URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/1f33e071-4a16-4bf9-ab17-4df80f6c1556/9df3d4db-1917-4d0f-8ac3-26c82d7370ab/A40-18827-2017_20191115_Opredelenie.pdf?isAddStamp=True

⁴³³ Разъяснение Роскомнадзора от 30 ноября 2012 г. «По вопросу о включении в реестр запрещенной информации ссылок на результаты поисковых запросов в поисковых системах». Примечательно, что фактически определение правового статуса осуществляется на основании подзаконного акта.

№ 1101, касающихся ограничения доступа к доменным именам, указателям страниц сайтов в сети Интернет, а также к сетевым адресам⁴³⁴, регистратор доменного имени может рассматриваться в качестве оператора связи, обязанного получить лицензию на оказание телематических услуг и на оказание услуг по передаче данных (что в отношении регистратора доменного имени не установлено). Вместе с тем в указанном документе регламентированы отношения только между контролирующей инстанцией – Роскомнадзором – и оператором связи, который может одновременно являться хостинг-провайдером, обеспечивающим размещение в сети Интернет соответствующего сайта. Автор также отмечает, что не предусмотренное законом лицензионное бремя может быть возложено на регистраторов доменных имен, независимо от того, оказывают они сопутствующие услуги хостинга (а они могут это делать). Это подтверждается судебной практикой⁴³⁵

В результате можно констатировать дуализм в отношении оценок рынка данных, который, в свою очередь, обуславливает неопределенность правового положения участников коммерческого оборота, разработчиков информационно-телекоммуникационных сервисов, пользователей и государственных структур. Полагаем, что именно развивающаяся судебная и иная правоприменительная практика будет способствовать преодолению этой неопределенности и поиску

⁴³⁴ Такая обязанность установлена в Правилах создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено», Правилами принятия уполномоченными Правительством Российской Федерации федеральными органами исполнительной власти решений в отношении отдельных видов информации и материалов, распространяемых посредством информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», распространение которых в Российской Федерации запрещено. См.: Даниленков А.В. Интернет-право. М.: Юстицинформ, 2014.

⁴³⁵ См., например: Решение Арбитражного суда Ярославской области по делу № А82-8668/2012 от 30 ноября 2012 г. См.: Даниленков А.В. Интернет-право. М.: Юстицинформ, 2014.

подходов к сбалансированному регулированию, направленному на защиту прав и свобод участников рынка.

В рассмотренном деле Ответчику предоставлена возможность самому определиться со своим правовым статусом (хотя очевидно, что в начале разбирательства он точно не знает, каков его правовой статус). При этом критерием выбора опять-таки выступают законные интересы Ответчика. Он, естественно, выбирает тот правовой статус, который позволит ему доказать его невиновность и продолжать осуществление текущей деятельности.

Суд в этом самоопределении играет важную роль, поскольку ему фактически предстоит закрепить за Ответчиком тот или иной статус, что может создать своего рода прецедент, который будет применяться к подобного рода правоотношениям. Эта ситуация возникла в результате закрепления в законодательстве правовых статусов субъектов таким образом, что субъекты сами не знают, подпадают они под законодательное регулирование или нет, а если подпадают, то под какое именно. Это связано с тем, что на данной стадии развития Интернета невозможно с полной определенностью обозначить признаки субъекта и выполняемые им функции. По логике один субъект может быть и информационным посредником, и поисковой системой, и организатором распространения информации. При этом правовые последствия для него остаются неопределенными и могут проявиться в результате конфликтной ситуации. В этом случае определение признаков субъекта и его правового статуса становится необходимым условием, поскольку от него зависит дальнейшая судьба субъекта.

Это подтверждается и зарубежными исследователями. Например, на ранних стадиях становления виртуального пространства, когда все основные события происходили в США, судебная практика, будучи краеугольным камнем правовой системы, играла ключевую роль в развитии Интернета. Поскольку Интернет был тогда чем-то новым, его регулирование преимущественно основывалось на судебной практике (в рамках прецедентного права). Судьям приходилось

выносить приговоры, несмотря на отсутствие необходимых инструментов. В результате в основу формирования новой области права легли прецеденты⁴³⁶.

Для современной отечественной науки и практики эти примеры могут служить в развитие дискуссии об активизации судов в правотворчестве и перспектив судебного прецедента⁴³⁷.

Возрастает также роль других органов правоприменения, которые также участвуют в поиске критериев уточнения (конкретизации) правовых статусов субъектов. Это отвечает динамике развития общественных отношений в условиях глобальной информационно-коммуникационной сети, соответствует зарубежной практике и принципам саморегулирования в этой области.

⁴³⁶ См.: Курбалия Й. Управление Интернетом / DiploFoundation, АНО «Координационный центр национального домена сети Интернет». М.: б.и., 2018. С. 198.

⁴³⁷ См. подробнее: Лазарев В.В. Заключение к монографии «Судебная практика в современной правовой системе России» / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я. Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2017.

Заключение

В результате проведенного исследования можно сделать следующие выводы. Правовой статус субъекта общественных отношений – сложная теоретическая конструкция, объединяющая правовое состояние и правовое положение субъекта, включающая как естественно-правовые, так и позитивно-нормативные элементы. К естественно-правовым элементам относятся законные интересы, правовые риски, потенциальные возможности реализации прав, которые в целом определяют правовое состояние субъекта; к позитивно-нормативным элементам – права, обязанности, ответственность и юридические гарантии, характеризующие его правовое положение.

При этом правовое состояние является подвижным, изменчивым элементом ввиду воздействия на него большого количества внешних социальных и технологических факторов и внутренних побудительных мотивов субъекта. Оно оказывает влияние на правовое положение, а следовательно, должно учитываться в процессе развития последнего, которое в силу закрепленных в законе и/или договоре прав, обязанностей, ответственности и гарантий представляет собой более стабильную составляющую правового статуса.

В сети Интернет правовой статус субъекта обладает определенной спецификой, позволяющей выделить его среди известных отраслевых правовых статусов. Эта специфика проявляется в неопределенности правового состояния, обусловленной трансграничностью глобальной сети, не позволяющей в ряде случаев использовать институты гражданства и юрисдикции для защиты прав субъектов; особенностями технологического функционала Интернета, в частности распределенной структурой и принципом «инновации без спросу», который предполагает потенциальную возможность субъекта воздействовать на технологические процессы в сети.

Правовое положение субъекта в сети Интернет характеризуется двойственностью, предполагающей законодательные и договорные начала регулирования, приоритетность которых для наиболее полной защиты субъекта в

настоящее время неочевидна. Это связано с довольно сильными установками на саморегулирование в Интернете, а также с ограниченными возможностями государственных и международно-правовых механизмов обеспечения гарантий реализации прав и свобод в виртуальном пространстве.

Проведенное исследование показало, что каждый из элементов правового статуса субъекта в Интернете обладает существенной спецификой, требующей учета в юридической науке и практике. Права и свободы претендуют на формирование нового поколения, институт исполнения обязанностей приобретает возможность автоматизации, ответственность может иметь распределенный характер, реализация законных интересов сопряжена с правовыми рисками, юридические гарантии редуцированы.

Изучение динамики правового статуса показывает важность учета условий его приобретения и прекращения, необходимость дальнейшей разработки критериев его преобразования, а также формирование способов конкретизации, соответствующих условиям виртуального пространства, в которых действует тот или иной субъект. Наиболее точной, на наш взгляд, особенностью виртуального пространства в настоящее время является экспериментальный характер развития и распространения, что подтверждается мнениями самих разработчиков, а также лиц, использующих Интернет, обеспечивающих и контролирующих его работу.

В связи с этим можно сделать вывод о том, что правовой статус субъекта в Интернете может и должен рассматриваться как правовой статус в условиях масштабного социально-технологического эксперимента, и это требует продолжения теоретических исследований в области права.

В литературе отмечается, что специфика Интернета, или виртуального пространства, заключается в том, что коммуникация в нем построена иначе, чем в

реальном пространстве⁴³⁸. Регулирование в реальном мире относительно эффективно за счет реальных физических ограничений реального мира. Само его устройство задает пределы не только регулированию, но и тому поведению, которое должно быть урегулировано⁴³⁹. Вместе с тем природа и возможности виртуального пространства еще не полностью исследованы, происходит его совершенствование, появляются новые сервисы, которые не только представляют интерес в плане реализации прав, но и влекут риски, в том числе правовые.

Констатируется рост уязвимости глобальных облачных хранилищ и зависимости от них как отдельных пользователей, так и бизнеса. Трехмерная печать связана с опасностью развития рынка подпольного производства оружия. Специалисты констатируют, что необходимо запускать экспертную проработку *возможных последствий* развития трехмерного рынка печати для мирового рынка вооружений, биотехники, а также для сферы организованной преступности⁴⁴⁰. Прогнозы относительно развития Интернета, связанные с внедрением беспроводной связи пятого, шестого и последующих поколений, настраивают общество на то, что уже в пределах 10–15 лет стоит ждать повсеместного распространения беспроводных сетей на любой освоенной человеке высоте, глубине, в сложных условиях рельефа и даже в межпланетном пространстве⁴⁴¹.

Наличие неопределенности и рисков, связанных с инновационными разработками в сфере Интернета, обуславливают постановку вопроса об экспериментальном режиме регулирования в этой области. Речь идет о возможности выйти из эксперимента, быть осведомленным о ходе его проведения, получить компенсацию в случае неблагоприятных последствий и т.п. с учетом того, что инновационные разработки в этой области не проходят

⁴³⁸ См. подробнее: Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум. М., 2017. С. 91; Lessing L. The Law of Horse: What Cyberlaw Might Teach // Berkman Center for Internet & Society at Harvard University/ URL: http://cyber.law.harvard.edu/publications/1999/The_Law_of_Horse.

⁴³⁹ См.: Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум. С. 93.

⁴⁴⁰ См.: Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ: Ключевые вызовы для мирового сообщества. М., 2016. С. 17.

⁴⁴¹ Там же.

стандартных «лабораторных», «клинических», «полевых» испытаний (как в других областях науки и техники), а апробируются одновременно с внедрением, причем для широкого круга лиц.

В исследованиях сетевых структур, где предметом анализа становятся в том числе проблемы стартапов, монополизация рынков как естественный результат сетевых эффектов, проблема совместимости оборудования и т.п.⁴⁴², отмечается, что в большей части таких исследований за основу берется неоклассическая модель, которая подразумевает полную осведомленность субъектов рынка как о своем положении, так и о положении своих конкурентов. В настоящее время гораздо чаще феномен сетевых эффектов исследуется с точки зрения новой институциональной экономики, которая позволяет создавать эволюционные модели, учитывающие «*несовершенное знание*» агентов⁴⁴³.

Логично предположить, что применительно к правовому регулированию отношений в виртуальном пространстве наиболее эффективным может стать использование правового эксперимента, в ходе которого будет возможность определить, какие области технологий и общественных отношений подконтрольны тем или иным субъектам интернет-отношений. Это поможет обособить их компетенции, согласовать интересы, без реализации которых возникает риск потери части полезных свойств сети, разграничить те сферы общественных отношений, которые особенно нуждаются в государственном регулировании либо саморегулировании.

Конечно, остаются проблемы, связанные с определением масштаба проведения такого эксперимента, в частности территориального⁴⁴⁴, но здесь возможно использовать иные подходы, например систему доменного

⁴⁴² См.: Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. М., 2013. С. 38.

⁴⁴³ См.: Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. М., 2013. С. 38.

⁴⁴⁴ См. подробнее: Лазарев В.В. К вопросу о понятии эксперимента в области государства и права // Лазарев В.В. Избранные труды. М.: Новая юстиция, 2010. С. 8.

пространства.

В исследованиях, касающихся проведения правового эксперимента, указывается на риск обесценивания роли государства как формы осуществления власти народа и, следовательно, признания неспособности государственной власти априори разумно и эффективно регулировать общественные отношения⁴⁴⁵. Однако в условиях Интернета возможности государства по управлению и степени воздействия в определенной степени ограничены, как и возможности других заинтересованных в использовании глобальной сети сторон, поэтому применение правового эксперимента будет более обосновано и поможет избежать негативных последствий введения неэффективного правового регулирования. В настоящее время обсуждается проект федерального закона «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (подготовлен Минэкономразвития России)⁴⁴⁶, однако его концепция, заключающаяся в выводе определенных субъектов из общего правового регулирования, не находит однозначного одобрения в общественных и научных кругах и подвергается критике.

Уже существуют предложения, в которых отмечается, что необходимо сделать виртуальные миры пространством отработки тех или иных правовых конструкций для реального мира. Имитационные правовые модели могут оказаться полезными для «лабораторной проверки» и более эффективного, надежного и безопасного внедрения в реальном мире тех или иных законодательных норм. Любые недостаточно хорошо проработанные изменения в правовом регулировании какого-либо общественно значимого вида деятельности (финансы, банки, пенсии и т.д.) потенциально опасны для стабильности общества и государства. Целесообразно протестировать их первоначально в виртуальном

⁴⁴⁵ См. подробнее: Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.

⁴⁴⁶ URL: <https://regulation.gov.ru/projects#npa=93066>.

пространстве со спрятавшимися за аватарами (анонимными), но реально действующими, причем не отобранными специально лицами (качественная репрезентативная выборка)⁴⁴⁷. Например, известно предложение о создании виртуальной экспериментальной платформы для отработки поправок в Закон РФ «О средствах массовой информации»⁴⁴⁸.

Пока такие эксперименты проводятся в порядке научных опытов в области общественных и гуманитарных наук⁴⁴⁹. По мнению отдельных исследователей, испытания норм гражданского, уголовного, административного и иных отраслей права, варианты назначения судей, способы разрешения споров, механизмы выборов, налоговые схемы и соответственно оплата их тестирования вполне возможны на государственном уровне.

Полагаем, что разработка правового эксперимента является перспективным направлением в области широкого круга общественных отношений, развивающихся в виртуальном пространстве; это может способствовать определению правовых статусов субъектов до возникновения конфликтных ситуаций, решение которых осуществляется в суде.

Более того, важно исследовать другие области общественных отношений, где субъект подвергается экспериментальному воздействию⁴⁵⁰ и условия участия

⁴⁴⁷ Подробнее см.: Батурин Ю.М. Правонарушения в онлайн-вселенных и экспериментальная юриспруденция // Материалы Международной научно-практической конференции «Безопасность, конфликты и борьба с экстремизмом в информационном пространстве Интернета: правовые аспекты» / под ред. В.И. Красикова. М.: изд-во «Водолей», 2017. С. 27–35.

⁴⁴⁸ См.: Батурин Ю.М. Остров свободы прессы (О создании виртуальной экспертной многоуровневой игры для отработки проекта закона о СМИ) // Правовые и этические аспекты журналистики. Ежегодник 2008. М., 2009. С. 106–114.

⁴⁴⁹ См. подробнее: Ализар А. Виртуальная вселенная для социальных экспериментов // URL: <https://www.kv.by/archive/index2005510601.htm>; Лессинг Л. Онлайн-мирам необходима политическая система // URL: <https://mmo.zg.net/mmo/2017/06/06/professor-lourens-lessing-onlaynovym-mir am-neobhodimapoliticheskaya-sistema.html>.

⁴⁵⁰ Например, в области медицины существуют правила для участия субъектов различного рода испытаниях, которые закреплены в особых этических кодексах (Нюрнбергский кодекс 1947 г., Хельсинская декларация 1964 г., Этический кодекс российского врача 1994 г., Кодекс врачебной этики 1997 г.). В таких кодексах предусматривается, например, возможность

в эксперименте регламентированы, по меньшей мере, в отношении осведомленности о возможных последствиях, их компенсации в случае неблагоприятного результата или возможности выйти из эксперимента.

Необходимо также продолжение правового исследования самого виртуального пространства, которое позволит не только ввести обоснованное правовое регулирование в рассматриваемой области общественных отношений, но и осмыслить развитие общества в новой социально-технологической реальности.

При этом правовой статус субъектов общественных отношений становится центральным звеном, требует продолжения теоретических разработок с точки зрения его содержания, реализации и конкретизации.

В настоящее время конкретизация правовых статусов субъектов происходит в процессе правоприменения, где вырабатываются критерии отнесения того или иного субъекта к определенной законодательно установленной категории, а также подходы, которые наделяют субъектов возможностью самостоятельно определить свой правовой статус в зависимости от конкретной ситуации, ставшей предметом рассмотрения в судебной инстанции. При этом субъект фактически может выбрать тот правовой статус (хотя и должен доказать правомерность применения к себе правового статуса), который позволит ему избежать неблагоприятных последствий либо минимизировать их, однако в этом случае остается открытым вопрос о закреплении за субъектом этого статуса. Иными словами, сможет ли субъект в ситуации, отличной от рассмотренной в судебном порядке, воспользоваться широким законодательным определением и «примерить на себя другой образ» в зависимости от своих интересов. Каким образом могут быть совмещены эти правовые статусы, какие последствия может повлечь возможность

выхода субъекта из эксперимента, компенсация его неблагоприятных последствий, осведомленность о ходе эксперимента и его предполагаемых результатах.

подобной вариативности, – вопросы, находящиеся на повестке дня современной юридической науки и практики.

Расширение, ограничение либо уточнение содержания правового статуса в условиях неопределенности правового регулирования и природы интернет-процессов способствуют развитию судебной и правоприменительной практики. Это обусловлено новизной виртуального пространства, требующей накопления информации о реальных правовых последствиях, на основании которых можно делать вывод о необходимости введения (корректировки) правового регулирования либо включения того или иного субъекта в правовое поле.

В целях наиболее полного использования потенциала юридического прогнозирования, во многих случаях жизненно важного при воздействии на правовой статус субъекта, требуется разработка механизмов кооперации технического и юридического сообщества, поскольку общественные отношения в глобальной сети осложнены интернет-элементом, суть которого заключается в технологии.

Возможно формирование нового типа субъектов правотворческой деятельности, обладающих достаточными технологическими навыками, необходимыми для формулирования нормативных правовых положений, соответствующих динамике информационно-коммуникационных процессов и развитию общественных отношений на платформе глобальной сети.

В литературе справедливо отмечается, что «современное правовое регулирование и его модели в тех случаях, когда речь идет об информационных системах и информационных и цифровых технологиях, может осуществляться только на основе и с учетом теории и методологии информатики. Любые модели регулирования цифровых технологий (как локальные, так и национальные и наднациональные, как основанные исключительно на механизме правового регулирования, так и допускающие механизмы иных регуляторов) должны формироваться с использованием технико-юридического метода, основанного на

методах информатики, лежащих в основе исследований природы и особенностей функционирования информационных систем в цифровом мире»⁴⁵¹.

Перспективными могут стать также исследования в области автоматизации исполнения обязанностей и применения отдельных видов ответственности в свете развития теории сетевого права или метаправа, а также в области правосубъектности с использованием акторно-сетевой теории и других социологических и философских исследований.

В целом теоретическое исследование правового статуса субъекта применительно к новой сфере реализации общественных отношений может способствовать эволюции теории права в эпоху цифровизации, конструктивному решению правовых проблем и преодолению коллизий, связанных с технологическими особенностями, отличающими информационное общество от традиционного.

⁴⁵¹ См.: Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 34.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

Нормативные правовые акты

1. Окинавская хартия Глобального информационного общества (принята главами государств и правительств «Группы восьми» 22 июля 2000 г.) // URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/3170>
2. Тунисская программа для информационного общества (документ WSIS-05/TUNIS/DOC/6(Rev.1)-R от 15 ноября 2005 г.) // URL: https://www.un.org/ru/events/pastevents/pdf/agenda_wsis.pdf
3. Соглашение между правительствами государств – членов Шанхайской организации сотрудничества о сотрудничестве в области обеспечения международной информационной безопасности от 16 июня 2009 г. // Бюллетень международных договоров. 2012. № 1.
4. Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
5. Регламент № 2016/679 Европейского парламента и Совета Европейского Союза «О защите физических лиц при обработке персональных данных и о свободном обращении таких данных, а также об отмене Директивы 95/46/ЕС (Общий Регламент о защите персональных данных)» (принят в г. Брюсселе 27 апреля 2016 г.) // Официальный журнал Европейского Союза. N L 119, 4 мая 2016 г.
6. Приложение к Рекомендация CM/Rec(2014)6 принята Комитетом министров Советом Европы 16 апреля 2014 г. на 1197-м заседании постоянных представителей министров // Департамент документации и публикаций, Совет Европы (URL: [file:///C:/Users/Asus/Downloads/109714RUS_CMRec\(2014\)6etExposeMotifs%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/Asus/Downloads/109714RUS_CMRec(2014)6etExposeMotifs%20(1).pdf))
7. Модельный закон об информатизации, информации и защите информации (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 18 ноября 2005 г. № 26-7) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2006. № 37.
8. Модельный закон об инновационной деятельности (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 16 ноября 2006 г. № 27-16) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2007. № 39 (ч. 2).
9. Модельный закон о научной и научно-технической деятельности (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от

25 ноября 2008 г. № 31-15) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2009. № 43.

10. Модельный закон об этнокультурных общественных объединениях граждан (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 14 мая 2009 г. № 32-8) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2009. № 44.

11. Модельный закон об основах регулирования Интернета (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 16 мая 2011 г. № 36-9) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2011. № 51.

12. Модельный закон об охране археологического наследия (новая редакция) (Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 29 ноября 2013 г. № 39-16) // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2014. № 60. ч. 2.

13. Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ от 20 мая 2016 г. № 44-11 «О новой редакции модельного закона «О просветительской деятельности» // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 2003. № 30 (ч. 2).

14. Закон РФ от 11 марта 1992 г. № 2487-1 «О частной детективной и охранной деятельности в Российской Федерации» // Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 17. Ст. 888.

15. Федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» // СЗ РФ. 1995. № 29. Ст. 2759.

16. Федеральный закон от 15 ноября 1997 г. № 143-ФЗ «Об актах гражданского состояния» // СЗ РФ. 1997. № 47. Ст. 5340.

17. Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2002. № 30. Ст. 3032.

18. Федеральный закон от 26 марта 2003 г. № 35-ФЗ «Об электроэнергетике» // СЗ РФ. 2003. № 13. Ст. 1177.

19. Федеральный закон от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» // СЗ РФ. 2003. № 28. Ст. 2895.

20. Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» // СЗ РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.

21. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. № 152-ФЗ «О персональных данных» // СЗ РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.

22. Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2006, № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
23. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2007. № 10. Ст. 1152.
24. Федеральный закон от 24 апреля 2008 г. № 48-ФЗ «Об опеке и попечительстве» // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
25. Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» // СЗ РФ. 2010, № 31. Ст. 4174.
26. Федеральный закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.
27. Федеральный закон от 26 апреля 2013 г. № 67-ФЗ «О порядке отбывания административного ареста» // СЗ РФ. 2013. № 17. Ст. 2034.
28. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 97-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам упорядочения обмена информацией с использованием информационно-телекоммуникационных сетей» // СЗ РФ. 2014. № 19. Ст. 2302.
29. Федеральный закон от 26 июля 2017 г. № 187-ФЗ «О безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 31 (ч. 1). Ст. 4736.
30. Федеральный закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую, и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 12. Ст. 1224.
31. Федеральный закон от 1 мая 2019 г. № 90-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О связи» и Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // СЗ РФ. 2019, № 18. Ст. 2214.
32. Федеральный закон от 8 июня 2020 г. № 168-ФЗ «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации» // URL: <http://www.pravo.gov.ru>
33. Постановление Правительства РФ от 8 апреля 2015 г. № 327 «Об утверждении Правил осуществления контроля за деятельностью организаторов распространения информации в информационно-телекоммуникационной сети

«Интернет», связанной с хранением информации о фактах приема, передачи, доставки и (или) обработки голосовой информации, письменного текста, изображений, звуков или иных электронных сообщений пользователей информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и информации об этих пользователях» // СЗ РФ. 2015. № 16. Ст. 2367.

34. Постановление Правительства Российской Федерации от 2 марта 2019 г. № 234 «О системе управления реализацией национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2019. № 11. Ст. 1119.

35. Распоряжение Правительства РФ от 28 июля 2017 г. № 1632-р «Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» // СЗ РФ. 2017. № 32. Ст. 5138.

36. Указ Президента РФ от 5 декабря 2016 г. № 646 «Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 50. Ст. 7074.

37. Указ Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017– 2030 годы» // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2901.

38. Приказ Роскомнадзора от 21 февраля 2013 г. № 170 «Об утверждении Порядка взаимодействия оператора единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» с провайдером хостинга» // Российская газета. 2013. № 83.

39. Приказ Роскомнадзора от 22 июля 2015 г. № 84 «Об утверждении Порядка взаимодействия оператора реестра нарушителей прав субъектов персональных данных с провайдером хостинга и Порядка получения доступа к информации, содержащейся в реестре нарушителей прав субъектов персональных данных, оператором связи» // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2015. № 44.

40. Приказ Роскомнадзора от 5 декабря 2016 г. № 306 «Об утверждении Порядка функционирования системы взаимодействия Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций с владельцами новостных агрегаторов» // Российская газета. 2017. № 27.

41. Разъяснение Роскомнадзора от 30 ноября 2012 г. «По вопросу о включении в реестр запрещенной информации ссылок на результаты поисковых запросов в поисковых системах» // URL: <http://www.rsoc.ru>

42. Разъяснения Роскомнадзора от 12 декабря 2016 г. «По вопросу распространения новостными агрегаторами информации, размещенной на сайтах, не являющихся СМИ» // URL: <http://rkn.gov.ru>

43. Письмо Федеральной службы судебных приставов от 27 мая 2009 г. № 12/02-7646-ап «О практике применения территориальными органами ФССП России нестандартных методов сбора сведений о должниках и их имуществе» // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2009. № 4.

44. Методические рекомендации по использованию сети Интернет в целях поиска информации о должниках и их имуществе от 30 ноября 2010 г. № 02-7 первоначальный поиск сведений о должниках (гражданах и организациях) помимо общеизвестных поисковых систем следует осуществлять на сайтах социальных сетей // Бюллетень Федеральной службы судебных приставов. 2011. № 1.

45. Пояснительная записка к проекту приказа Минтруда России «Об утверждении профессионального стандарта «Специалист по потребительскому кредитованию» (приказ от 14 ноября 2016 г. № 646н) // URL: <http://www.pravo.gov.ru>

46. Концепция правоотношений, возникающих при использовании сети Интернет в Российской Федерации (закон «Об Интернете») – проект концепции // URL: <http://2013.russianinternetforum.ru/internet-law/>

47. Проект Федерального закона № 145507-7 «О правовом регулировании деятельности социальных сетей и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // URL: <http://asozd.duma.gov.ru/>

48. Паспорт проекта Федерального закона № 763517-7 «О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и статью 18 Федерального закона «О персональных данных» (в части установления обязанностей владельца значимого информационного ресурса)» // URL: <http://asozd.duma.gov.ru/>

49. Нюрнбергский кодекс 1947 г. // URL: <http://www.psychopravo.ru/law/int/nyurnbergskij-kodeks.htm>

50. Хельсинская декларация Всемирной медицинской ассоциации 1964 г. // URL: <http://www.psychopravo.ru/law/int/helsinki-skaya-deklaraciya.htm>

51. Кодекс врачебной этики 1997 г. // СПС «Гарант».

Судебная практика

52. Постановление Конституционного Суда РФ от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152

Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е.В. Крылова» // СЗ РФ. 2013. № 29. Ст. 4019.

53. Определение Конституционного Суда РФ от 17 июля 2014 г. № 1759-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Харитонов Владимира Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части 2 статьи 15.1 Федерального закона «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и пунктом 2 статьи 3 Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

54. Информация Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г. «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)» (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 23 июня 2016 г.). Текст информации официально опубликован не был // URL: <http://www.ksrf.ru/>

55. Постановление Конституционного Суда РФ от 21 декабря 2018 г. № 47-П «По делу о проверке конституционности пункта 25 статьи 381 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобами закрытого акционерного общества «Инкар», акционерных обществ «Лизинговая компания «КАМАЗ» и «Новая перевозочная компания» // СЗ РФ. 2018. № 53 (ч. 2). Ст. 8796.

56. Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда РФ за первый квартал 2009 года (утв. Постановлением Президиума Верховного Суда РФ от 3 июня 2009 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

57. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 26 июня 2015 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 10.

58. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам о защите чести, достоинства и деловой репутации (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 16 марта 2016 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 10.

59. Решение Верховного Суда РФ от 1 февраля 2008 г. № ГКПИ07-1259 «Об оставлении без удовлетворения заявления о признании недействующим пункта 12 приложения № 3 к инструкции об организации работы по выдаче заключений об отсутствии у работников, которые в силу своих служебных обязанностей получают доступ непосредственно к наркотическим средствам и психотропным веществам, непогашенной или неснятой судимости за

преступление средней тяжести, тяжкое, особо тяжкое преступление или преступление, связанное с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, в том числе совершенное вне пределов Российской Федерации, а равно о том, что указанным работникам не предъявлено обвинение в совершении преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотических средств и психотропных веществ, утвержденной приказом ФСКН РФ от 19 июля 2005 г. № 231» // СПС «КонсультантПлюс».

60. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 7.

61. Постановления Суда по интеллектуальным правам от 3 июня 2016 г. № С01-342/2016 по делу № А40-102695/2015 // СПС «КонсультантПлюс».

62. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 24 июля 2018 г. № С01-201/2018 // СПС «КонсультантПлюс».

63. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21 июля 2015 г. № Ф05-8820/15 по делу № А40-69753/2014 // СПС «Гарант».

64. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 7 сентября 2016 г. № Ф06-12361/16 по делу № А12-43752/2015 // СПС «Гарант».

65. Решение Арбитражного суда города Москвы от 12 октября 2017 г. по делу № А40-18827/2017 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/8aoBRhz9tqY4/>

66. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 6 февраля 2018 г. № 09АП-61593/2017-ГК по делу № А40-18827 // URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/OkUD2e9M1PU8/>

67. Апелляционное определение СК по гражданским делам Севастопольского городского суда от 14 января 2016 г. по делу № 33-29/2016 // СПС «Гарант».

68. Апелляционное определение СК по гражданским делам Санкт-Петербургского городского суда от 31 марта 2016 г. по делу № 33-6123/2016 // СПС «Гарант».

69. Апелляционное определение СК по гражданским делам Свердловского областного суда от 5 мая 2016 г. по делу № 33-7441/2016 // СПС «Гарант».

70. Постановление ЕСПЧ по делу «Вебер и Саравия против Германии (Weber and Saravia v. Germany)» (жалоба № 54934/00, § 94, ЕСПЧ 2006-ХІ) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2007. № 2.

71. Постановление ЕСПЧ по делу «Йилдирим и Акдениз против Турции (Yıldırım and Akdeniz v. Turkey) (жалобы №№ 3111/10 и 20877/10) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2014. № 8.

72. Постановление ЕСПЧ по делу «Кая (Kaуа) против Турции» (жалоба № 22729/93, § 106) // Европейский суд по правам человека. Избранные решения. Т. 2. М.: Норма, 2000.

73. Постановление ЕСПЧ по делу «Класс и другие против Германии (Klass and Others v. Germany) (§§ 49–50, Серия А, № 28) // URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/2461406/>

74. Постановление ЕСПЧ по делу «Либерти и другие против Соединенного Королевства (Liberty and Others v. the United Kingdom)» (жалоба № 58234/00, § 62) // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_internet_RUS.pdf

75. Постановление ЕСПЧ по делу «Ротару против Румынии (Rotaru v. Romania)» [Большая Палата] (жалоба № 28341/95, ЕСПЧ 2000-V) // Информационный бюллетень по прецедентной практике Европейского Суда по правам человека. № 18.

76. Постановление ЕСПЧ по делу «Сильвер (Silver) и другие против Соединенного Королевства» (№ 5947/72, 6205/73, 7052/75, 7061/75, 7107/75, 7113/75, 7136/75 § 113) // СПС «Гарант».

77. Постановление ЕСПЧ по делу «Фаркас и другие против Румынии (Farcas and Others v. Romania)» (жалоба № 30502/05) // URL: https://www.echr.coe.int/Documents/Research_report_Internet_RUS.pdf

78. Постановление ЕСПЧ по делу «Янковскис против Литвы (Jankovskis v. Lithuania)» (жалоба № 21575/08) // Бюллетень Европейского Суда по правам человека. 2017. № 6.

Научная литература

79. Агарков М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву // Ученые труды ВИОН НКЮ СССР. Вып. 3. М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1949.

80. Алексеев С.С. Структура советского права. М.: Юрид. лит., 1975.

81. Алексеев С.С. Общая теория права: В 2 т. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982.

82. Ализар А. Виртуальная вселенная для социальных экспериментов // KV.by. 2005. № 51. URL: <https://www.kv.by/archive/index2005510601.htm>

83. Андриющенко Е.С. Юридическая и сетевая ответственность в Интернете: сравнительный анализ // Конфликты в информационной сфере. М.: ИГП РАН, 2009.

84. Антимонов Б.С. Основания договорной ответственности социалистических организаций. М.: Госюриздат, 1962.
85. Аристотель. Метафизика. М.: Эксмо, 2018.
86. Архипов В.В. Интернет-право: учебник и практикум. М.: Юрайт, 2017.
87. Архипов С.И. Субъект права. Теоретическое исследование. СПб.: Юрид. центр-Пресс, 2004.
88. Баринов Н.А. О правосубъектности иностранных граждан в России // Актуальные проблемы частноправового регулирования: Материалы Всероссийской III научной конференции молодых ученых. Самара: Изд-во Самар. ун-та, 2003.
89. Барбрук Р. Интернет-революция. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015.
90. Батулин Ю.М. Правонарушения в онлайн-вселенных и экспериментальная юриспруденция // Материалы Международной научно-практической конференции «Безопасность, конфликты и борьба с экстремизмом в информационном пространстве Интернета: правовые аспекты» / под ред. В.И. Красикова. М.: изд-во «Водолей», 2017.
91. Батулин Ю.М. Остров свободы прессы (О создании виртуальной экспертной многоуровневой игры для отработки проекта закона о СМИ) // Правовые и этические аспекты журналистики. Ежегодник 2008. М.: МГУ, 2009.
92. Бахрах Д.Н. Субъекты советского административного права: межвуз. сб. науч. тр. / Свердлов. юрид. ин-т им. Р.А. Руденко; редкол.: Д. Н. Бахрах (отв. ред.) и др. Свердловск: СЮИ, 1985.
93. Бачило И.Л. Информационное право: учебник. 2-е изд., перераб. И доп. М.: Юрайт, 2011.
94. Беккер К. Словарь тактической реальности. Культурная интеллигенция и социальный контроль. М.: Ультра. Культура, 2004.
95. Бережнов А.Г. Политика и права человека // Политология. Курс лекций / под ред. М.Н. Марченко. М.: МГУ. 1993.
96. Братусь С.Н. Юридическая ответственность и законность (очерк теории). М.: Юрид. лит., 1976.
97. Будник Р.А. Эволюция системы авторских и смежных прав в информационном обществе: от исключительного к инклюзивному праву автора. М.: Юрлитинформ, 2013.
98. Вебер М. Основные социологические понятия / пер. с нем. М. И. Левиной // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990.
99. Венгеров А.Б. Теория государства и права: Учебник. М.: Юриспруденция, 2000.

100. Витгенштейн Л. Философские работы. Ч. 1. М.: Гнозис, 1994.
101. Витрук В.Н. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М.: Наука, 1979.
102. Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. М.: Юрид. лит., 1985.
103. Власенко Н.А. Теория государства и права: научно-практическое пособие. М.: Проспект, 2009.
104. Власенко Н.А. Разумность и определенность в правовом регулировании: монография. М.: ИНФРА-М, 2014.
105. Воеводин Л.Д. Юридический статус личности в России: учебное пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1997.
106. Войниканис Е.А. Право интеллектуальной собственности в цифровую эпоху. Парадигма баланса и гибкости. М.: Юриспруденция, 2013.
107. Галкин В.П. Проблемы современности: теоретические аспекты и основы экологической проблемы – толкователь слов и идиоматических выражений // Контекстное учебное пособие к циклу «Экологические проблемы человечества». Экология, социология, философия, право. Ч. 2. Чебоксары, 1997.
108. Гессен В.М. Подданство, его установление и прекращение. СПб.: Тип. «Правда», 1909. Т. 1.
109. Глухарева Л.И. Права человека в современном мире. Социально-философские основы и государственно-правовое регулирование. М.: Юристь. 2003.
110. Головистикова А.Н., Грудцына Л.Ю. Права человека. М.: Эксмо, 2006.
111. Голоскоков Л.В. Правовые доктрины: от Древнего мира до информационной эпохи. М.: Научный мир, 2003.
112. Горохов В.Г. Вводная статья к книге Готтхарда Бехманна «Современное общество: общество риска, информационное общество, общество знаний» / перевод с нем. А. Ю. Антоновского [и др.]. М.: Логос, 2010.
113. Даниленков А.В. Интернет-право. М.: Юстицинформ, 2014.
114. Демидов О. Глобальное управление Интернетом и безопасность в сфере использования ИКТ. Ключевые вызовы для мирового сообщества. М.: Альпина Паблшер, 2016.
115. Еллинек Г. Общее учение о государстве. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004.
116. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: монография. М.: Янус-К, 2016.
117. Интернет: прецедентная практика европейского суда по правам человека / Отдел по проведению исследований // URL:

<http://www.echr.coe.int/ECHR/EN/Header/Case-Law/Case-law+analysis/Research+reports/>

118. Интернет: прецедентная практика европейского суда по правам человека / Совет Европы/Европейский Суд по правам человека, 2011 // URL: <https://docviewer.yandex.ru/view/>

119. Ильин И.А. Теория права и государства. М.: Зерцало, 2003.

120. Иоффе О.С., Шаргородский М.Д. Вопросы теории права. М.: Госюриздат, 1961.

121. Иоффе О. С. Правоотношение по советскому гражданскому праву // Избранные труды по гражданскому праву. М.: Статут, 2000.

122. Казарян Э. А. Соотношение понятий «свобода» и «права человека» // Молодой ученый. 2019. № 21. С. 337-339. URL <https://moluch.ru/archive/259/59556/>

123. Капустин А.Я. Проблема международной правосубъектности в условиях глобализации. В кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут. М., 2017.

124. Кастельс М. О власти и коммуникации в сетевом сообществе (сводный реферат) // Социальные сети и виртуальные сетевые сообщества : сб. научн. трудов / РАН. ИНИОН. Центр социал. научн.-информац. исслед.; отв. ред. Л.Н. Верченков, Д.В. Ефременко, В.И. Тищенко. М.: ИНИОН РАН, 2013.

125. Керимов Д.А. Основы философии права. М.: Манускрипт, 1992.

126. Кистяковский Б.А. Философия и социология права. СПб.: Изд-во Рус. Христиан. гуманит. ин-та, 1998.

127. Кобзева С.В. Противодействие распространению агрессивной информации. Мировой опыт. М.: ЛИБРОКОМ, 2009.

128. Ковлер А.И. Личность как субъект международного права (возвращение к дискуссии о международной правосубъектности индивида). В кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут. М., 2017.

129. Конин Н.М. Субъекты административного права. Административное право России. Общая и Особенная части: курс лекций. М.: СГАП, 2004.

130. Комментарий к Федеральному закону от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи» / Ю.В. Волков, Ю.Н. Вахрушева; отв. ред. Л.К. Терещенко // СПС «КонсультантПлюс», 2016.
131. Комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. Л.В. Лазарева. М.: Новая правовая культура, 2009 // СПС «ГАРАНТ»: URL: <http://base.garant.ru/5366634/f7ee959fd36b5699076b35abf4f52c5c/#ixzz6FEneDEQR>
132. Конституционное (государственное) право зарубежных стран / отв. ред. проф. Б.А. Страшун. М.: БЕК, 1999. С. 122–123.
133. Коркунов Н.М. Лекции по общей теории права. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2003.
134. Корогодина В.И., Корогодина В.Л. Информация как основа жизни. Дубна: Издательский центр «Феникс», 2000.
135. Корх С.Э. Теоретико-правовые вопросы межотраслевого статуса субъекта предпринимательства в современном российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998.
136. Красиков Д. Н., Липкина Н. Н. Правомерные цели ограничений прав и свобод человека // Наследие юридической науки и современность: материалы заседания V Международной школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. ред. В. И. Лафитский. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2011.
137. Кудрявцев М.А. Язык информационного права и проблемы совершенствования его терминологии // Понятийный аппарат информационного права: сборник научных работ / отв. ред. И.Л. Бачило, Э.В. Талапина.; сост. и ред. А.А. Антопольский. М.: ИГП РАН, 2015.
138. Кузьмина А.В. Категория «интерес» в философии и праве. М.: Юрид. лит., 2009.
139. Кузнецов П.У. Логико-языковые основания формирования понятийного аппарата информационного права // Понятийный аппарат информационного права: сборник научных работ / отв. ред. И.Л. Бачило, Э.В. Талапина.; сост. и ред. А.А. Антопольский. М.: ИГП РАН, 2015.
140. Курбалия Й. Управление Интернетом. М.: б.и., 2018.
141. Лазарев В.В. К вопросу о понятии эксперимента в области государства и права. В кн.: Лазарев В.В. Избранные труды. М.: Новая юстиция, 2010.
142. Ларионова В.А. Информационный брокер как новый субъект информационного права в эпоху Big Data // Право в сфере Интернета: сборник

статей / М.З. Али, Д.В. Афанасьев, В.А. Белов и др.; рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018.

143. Латур Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / пер. с англ. И. Полонской; под ред. С. Гавриленко; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.

144. Лейст О.Э. Санкции в советском праве. М.: Госюриздат, 1962.

145. Лоуренс Лессинг: Онлайн-миром необходима политическая система // URL: <https://mmo zg.net/mmo/2017/06/06/professor-lourens-lessing->

146. Летова Н.В. Семейный статус ребенка: проблемы теории и практики: монография. М.: Проспект, 2018.

147. Липкина Н. Н. Законность вмешательства в осуществление прав и свобод, гарантированных Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 года // Эффективность законодательства и современные юридические технологии: материалы заседания III Международной школы-практикума молодых ученых-юристов / отв. ред. Т. Я. Хабриева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2009.

148. Лукьянова Е.Г. Теория государства и права. Введение в естественно-правовой курс. М.: НОРМА, 2015.

149. Луман Н. Медиакоммуникации. М.: Логос, 2005.

150. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. М.: Академический проект, Гаудеамус, 2013.

151. Малько А. В. Стимулы и ограничения в праве. М.: Юрист, 2005.

152. Малько А., Субочев В. Законные интересы как правовая категория: монография. М., 2004 // URL: <http://www.rumvi.com/products/ebook>

153. Мальцев Г.В. Социальные основания права. М.: НОРМА, 2011.

154. Матузов Н.И. Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1972.

155. Матузов Н.И. Юридические обязанности и ответственность как элементы правового статуса личности. В кн.: Конституция СССР и правовое положение личности. М., ИГПАН, 1979.

156. Матузов Н.И. Правовая система и личность. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987.

157. Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. М.: Юрист, 2005.

158. Минервин И.Г. Культура и этика в экономике: социокультурные факторы экономического роста / Центр социальных науч.-информ. исслед. Отд. экономики; отв. ред. Н.А. Макашева. М.: ИНИОН РАН, 2011.
159. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М.: Госюриздат, 1962.
160. Морозова Л.А. Теория государства и права: учебник. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Эксмо, 2005.
161. Незнамов А.В. Особенности компетенции по рассмотрению интернет-споров / науч. ред. В.В. Ярков. Москва; Берлин: Инфотропик Медиа, 2011. Серия «Гражданский и арбитражный процесс: новые имена & новые идеи». Кн. 1.
162. Нерсисянц В.С. Общая теория права и государства. М.: НОРМА–ИНФРА-М, 1999.
163. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / под редакцией В.С. Стёпина. М.: Мысль, 2001.
164. Ноздрачев А. Ф. Пределы конкретизации законов и подзаконных актов министерствами и ведомствами СССР // Ученые записки ВНИИСЗ. М., 1968. Вып. 12.
165. Общая теория прав человека / И.А. Карташкин, Н.С. Колесова, А.М. Ларин, И.А. Ледях, и др.; отв. ред. Е.А. Лукашева. М.: НОРМА, 1996.
166. Пашенцев Д.А. Правосубъектность в современной теории права. В кн.: Правосубъектность: общетеоретический, отраслевой и международно-правовой анализ: сборник материалов к XII Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / В.Ф. Яковлев, Т.Я. Хабриева, В.К. Андреев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Статут, 2017.
167. Пашенцев Д.А. Баланс публичных и частных интересов как условие привлечения инвестиций (теоретико-правовое исследование) // Инвестиции в национальном и международном праве: баланс частных и публичных интересов: сборник материалов к XIV Ежегодным научным чтениям памяти профессора С.Н. Братуся / Л.В. Андреева, Л.В. Андриченко, В.Р. Байрашев и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2019.
168. Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. Т. 1. СПб.: Тип. М. Меркушева, Тип. т-ва «Екатерингоф. печ. дело», 1909.
169. Положихина М.А. Организация государственного управления в современной России: структура, технологии, оценки. М.: ИНИОН РАН, 2012.

170. Поляков А.В. Общая теория права: курс лекций. СПб.: Юрид. центр Пресс, 1997.
171. Права человека: время трудных решений: сборник статей / АН СССР, Ин-т государства и права; отв. ред. Е. А. Лукашева, М. М. Славин. М.: ИГПАН, 1991.
172. Прецеденты Европейского Суда по правам человека. 2016. № 7(31).
173. Проблемы теории государства и права / под ред. М.Н. Марченко. М.: Юристъ, 2001.
174. Рассолов И.М. Право и Интернет. Теоретические проблемы. 2-е изд., доп. М.: НОРМА, 2009.
175. Рахманкулова Н.Ф. Свобода, риск, ответственность в контексте глобализации (гл. 3 в кн.: Информационная эпоха: вызовы человеку / под ред. И.Ю. Алексеевой и А.Ю. Сидорова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010.
176. Рожкова М.А. Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М.А. Рожкова. М.: Статут, 2018.
177. Рожкова М.А. Право на доменное имя // Право в сфере Интернета. М., 2018.
178. Савельев А.И. Комментарий к Федеральному закону от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и защите информации» (постатейный). М.: Статут, 2015.
179. Самигуллин В.К. Конкретизация права и локальное нормативное регулирование // Применение норм советского права: сб. ст. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974.
180. Самощенко И.С., Фарукшин М.Х. Ответственность по советскому законодательству. М.: Юрид. лит., 1971.
181. Сергиенко Л.А. История формирования информационного права в СССР и Российской Федерации 1960–2000 гг.: монография. М.: Юркомпани, 2013.
182. Соколов А.В. Информационное общество в виртуальной и социальной реальности / А.В. Соколов. Санкт-Петербург: Алетейя, 2012.
183. Стёпин В.С. Теоретическое знание. М.: Прогресс-Традиция, 2003.
184. Строгович М.С. Основные вопросы советской социалистической законности. М.: Наука, 1966.
185. Судебная практика в современной правовой системе России: монография / Т.Я. Хабриева, В.В. Лазарев, А.В. Габов и др.; под ред. Т.Я.

Хабриевой, В.В. Лазарева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: НОРМА, 2017.

186. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.М. Рассолова, В.О. Лучина, Б.С. Эбзеева. М.: ЮНИТИ (UNITY): Закон и право, 2000.

187. Терещенко Л.К. Правовой режим информации: монография. М.: Юриспруденция, 2007.

188. Тихомиров А.А., Труфанов А.И. Сверхсложные сети: новые модели интерпретации социально-экономических и биосоциальных процессов // Труды Института государства и права Российской академии наук. 2011. № 6. С. 162–170.

189. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции. М., 2001.

190. Тихомиров Ю.А. Правовое регулирование: теория и практика. М.: Формула права, 2010.

191.

192. Тихомиров Ю.А. Право: прогнозы и риски: монография. М.: ИНФРА-М, 2015.

193. Тихомиров Ю.А. Юридическое прогнозирование: монография. М.: Юриспруденция, 2018.

194. Толковый словарь Ожегова / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 26-е изд., испр. и доп. / под ред. Л. И. Скворцова. М.: Оникс, 2010.

195. Большой толковый словарь русского языка: современная редакция / Д. Н. Ушаков. М.: Дом Славянской кн., 2008.

196. Туманова, А. С., Киселев, Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX — начала XX века / А. С. Туманова, Р. В. Киселев; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

197. Уголовно-юрисдикционная деятельность в условиях цифровизации: монография / Н.А. Голованова, А.А. Гравина, О.А. Зайцев и др. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; ООО «ЮРИДИЧЕСКАЯ ФИРМА КОНТРАКТ», 2019.

198. Федотов М.А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // СПС «КонсультантПлюс».

199. Философский словарь / Андре Конт-Спонвиль. М.: Палимпсест, Издательство «Этерна», 2012.

200. Фуллер Лон Л. Анатомия права // Российский ежегодник теории права. 2009. № 2. СПб.: Издат. Дом СПбГУ, 2011. С. 204–319.

201. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие. СПб.: Наука, 2006.

202. Хеффе О. Политика. Право. Справедливость. Основоположения критической философии права и государства / пер. с нем. М.: Гнозис, 1994.
203. Хук М. ван. Право как коммуникация / пер. с англ. М. В. Антонова и А.В. Полякова. СПб.: Издательский дом С.-Петербур. гос. ун-та, ООО «Университетский издательский консорциум», 2012.
204. Черданцев А. Ф. Правовое регулирование и конкретизация права // Применение советского права: сб. ст. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1974.
205. Четвернин В.А. Демократическое конституционное государство: введение в теорию. М.: ИГПАН, 1993.
206. Шмелева Г.Г. Конкретизация юридических норм в правовом регулировании. Львов: Выща шк : Изд-во при Львов. гос. ун-те, 1988.
207. Штайншаден Я. Социальная сеть. Феномен Facebook. СПб.: Питер, 2011.
208. Энциклопедия судебной практики. Гражданский кодекс РФ / М. Крымкина, О. Являнская, Ю. Безверхова и др., под ред. Ю. В. Романца // СПС «ГАРАНТ». 2017.
209. Юридическая техника: учебное пособие / Н.А. Власенко, А.И. Абрамова, Г.Т. Чернобель и др.; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юстиция, 2016.
210. Якушев М.В. Социальные сети как объект правового регулирования // Правовые инновации в сфере противодействия коррупции: материалы Первого Евразийского антикоррупционного форума и VII Международной школы-практикума молодых ученых-юристов (Москва, 30–31 мая 2012 г.) / отв. ред. Л.В. Андриченко, А.М. Цирин. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, 2012.

Материалы периодической печати

211. Батурин Ю.М., Полубинская С.В. Что делает виртуальные преступления реальными // Труды Института государства и права РАН. 2018. № 2. С. 9–35.
212. Бачило И.Л. О терминах и понятиях в праве // Вопросы правоведения. 2014. № 3. С. 10–28.
213. Белоусов С.А. Баланс интересов и его нарушение в публичном праве // Правовая политика и правовая жизнь. 2013. № 2. С. 21–25.
214. Брылева Е.А. Право на использование Интернета как одно из «неотъемлемых» прав человека? // Информационное право. 2017. № 2. С. 23–26.

215. Власенко Н.А. Неопределенность в праве: природа и формы выражения // Журнал российского права. 2013. № 2. С. 32–44.
216. Власенко Н.А. Конкретизация в праве: методологические основы исследования // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 60–75.
217. Гражданское общество, правовое государство и право («Круглый стол» журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Государство и право. 2002. № 1. С. 12–50.
218. Гуляев К.С. Право человека на Интернет, права в Интернете и при использовании интернет-вещей: новые тенденции // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 29–37.
219. Данилов Н.А. Цифровое равенство: опыт Австрии и Дании // Информационное право. 2012. № 4. С. 21–25.
220. Дамдинов Б.Д. Теоретические проблемы правового статуса субъекта Российской Федерации // Сибирский Юридический Вестник. 2002. № 3. С. 12–16.
221. Двенадцатова Т. Новый год под знаком запрета // ЭЖ-Юрист. 2017. № 50. С. 5.
222. Долинская В.В. Правовой статус и правосубъектность // Законы России: опыт, анализ, практика. 2012. № 2. С. 6–17.
223. ЗалоилоМ.В. Развитие отечественной юридической мысли о конкретизации в праве // Журнал российского права. 2011. № 6. С. 41–49.
224. Зинков Е.Г. Пространственно-юридическая техника когнитивного пространства «право» в языке права // Общество и право. 2013. № 3 (45). С. 19-25
225. Иванов Э.И. Понятие юридической обязанности // Марийский юридический вестник. 2012. Выпуск 9. С. 108–112.
226. Казарян Э. А. Соотношение понятий «свобода» и «права человека» // Молодой ученый. 2019. № 21. С. 337-339. URL <https://moluch.ru/archive/259/59556/>
227. Кечекьян С.Ф. Нормы права и правоотношения // Советское государство и право. 1955. № 2. С. 23–32.
228. Китайчик М.М. Право на защиту от информации // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 3. С. 12–18.
229. Лазарев В.В. Ограничение прав и свобод как теоретическая и практическая проблема // Журнал российского права. 2009. № 9. С. 35–47.
230. Минбалеев А.В. Правовая сущность права на достоверную информацию // Проблемы права. 2019. № 1 (70). С. 22–24.
231. Минбалеев А.В. Трансформация регулирования цифровых отношений // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 12. С. 31–36.

232. Молотников А.Е., Архипов Е.В. Социальные сети и компании-агрегаторы: правовые аспекты деятельности // Предпринимательское право. 2017. № 4. С. 38–47.
233. Нарозников Н.К. Договор возмездного оказания интернет-услуг // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 5. С. 53–59.
234. Наумов В.Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. 2018. № 1. С. 32–39.
235. Никитина Е.Е. Ограничения конституционных прав человека законодательством субъекта Российской Федерации // Журнал российского права. 2015. № 11. С. 35–48.
236. Перчаткина С.А., Черемисинова М.Е., Цирин А.М., Цирина М.А., Цомартова Ф.В. Социальные интернет-сети: правовые аспекты // Журнал российского права. 2012. № 5 (185). С. 14–24.
237. Савельев А.И. Законодательство о локализации данных и его влияние на рынок электронной коммерции в России // Закон. 2014. № 9. С. 51–68.
238. Сивицкий В.А., Сорокин М.Ю. Правовой эксперимент и развитие права // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 4. С. 15–30.
239. Талапина Э.В. Эволюция прав человека в цифровую эпоху // Труды Института государства и права РАН. 2019. Том 14. № 3. С. 122–146.
240. Танимов О.В., Кудашкин Я.В. О правовой природе и возможности правового регулирования отношений в сети интернет // Информационное право. 2012. № 2. С. 17–21.
241. Тедеев А.А. Проблемы и условия правового регулирования интернет-отношений // Информационное право. 2008. № 4. С. 21–24.
242. Терещенко Л.К. О соблюдении баланса интересов при установлении мер защиты персональных данных // Журнал российского права. 2011. № 5 (173). С. 5–12.
243. Терещенко Л.К. Понятийный аппарат информационного и телекоммуникационного права: проблемы правоприменения // Журнал российского права. 2016. № 10. С. 101–108.
244. Терещенко Л.К., Тиунов О.И. Информационные посредники в российском праве // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2016. № 6. С. 46–51.
245. Тихомиров Ю.А. Прогнозы и риски в правовой сфере // Журнал российского права. 2014. № 3. С. 5–16.

246. Тотьев К. Легитимация субъектов предпринимательской деятельности // Законность. 2002. № 12. С. 10–15.
247. Хабриева Т.Я. Национальные интересы и законодательные приоритеты России // Журнал российского права. 2012. № 12. С. 19–29.
248. Хабриева Т.Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 9. С. 5–16.
249. Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85–102.
250. Хуснутдинов А.И. Право на доступ в Интернет – новое право человека? // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 4. С. 109 – 123
251. Шадрина Т. Теперь каждый может удалить из Сети неверную информацию о себе // Российская газета. 2016. 1 янв.
252. Шатилина А.С. Права человека в Интернете: проблема признания права на доступ к Интернету // Прецеденты Европейского суда по правам человека. 2018. № 1. С. 38 – 45.
253. Шерстобоева Е.А., Павленко В.Ю. Тенденции в регулировании российской блогосферы // Право СМИ. 2015. № 4 // URL: <http://www.mediascope.ru/2039>
254. Якимов А.Ю. Статус субъекта права (теоретические вопросы) // Государство и право. 2003. № 4. С. 5–10.

Диссертации

255. Ем В.С. Категория обязанности в советском гражданском праве: Вопросы теории: автореф. дис. канд. юрид. наук. М., 1981.
256. Казанцев Е.А. Гражданско-правовое регулирование договорных отношений, осложненных электронным элементом: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Барнаул, 2007.
257. Касенова М.Б. Правовое регулирование трансграничного функционирования и использования интернета: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016.
258. Корх С.Э. Теоретико-правовые вопросы межотраслевого статуса субъекта предпринимательства в современном российском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 1998.
259. Лавренчук Е.А. Аутопойезис социальных сетей в интернет-пространстве: дис. ... канд. филос. наук. М., 2011.

260. Лапо Л.Г. Конституционно-правовое регулирование ограничения права на информацию в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

261. Малахов С.В. Гражданско-правовое регулирование отношений в глобальной компьютерной сети Интернет: дис. ... канд. юр. наук. М., 2002.

262. Маношкин М.Б. Правовое обеспечение информационной безопасности абонента в отношениях с оператором интернет-связи: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

263. Петрович Д.В. Становление и эволюция правового статуса личности в российском законодательстве (историко-правовой анализ): дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 2008.

Зарубежная литература

264. Blaschke Yannic. Digital rights as a security objective: New gateways for attacks // URL: <https://edri.org/donate/>

265. Celeste Ed. The Irish Constitution and the Challenges of the Digital Age. Is it Time for a Bunreacht na hEireann 2.0? // URL: <https://ulsites.ul.ie/law/papers-constitution-80-conference>

266. Cerf Vinton G. Internet Access Is Not a Human Right // The New York Times. 4 January 2012.

267. The Charter of Digital Rights // <https://edri.org>; Fetscherin M. CDPresent State and Emerging Scenarios of Digital Rights Management Systems // 2002 – The International Journal on Media Management. Vol. 4. No. 3. С. 164 – 171

268. Communication from the Commission to the European Parliament, the Council, the European Economic and Social Committee and the Committee of the Regions. Tackling Online Disinformation: A European Approach, COM (2018) 236 final (Apr. 26, 2018), EUR-Lex website; Press Release, European Commission, Tackling Online Disinformation: Commission Proposes an EU-Wide Code of Practice (Apr. 26, 2018), European Commission website; Regulation 2016/679 of the European Parliament and of the Council of 27 April 2016 on the Protection of Natural Persons with Regard to the Processing of Personal Data and on the Free Movement of Such Data, and Repealing Directive 95/46/EC (General Data Protection Regulation) (GDPR), 2016 O.J. (L 119) 1, EUR-Lex website.)

269. Declaration of the Committee of Ministers on human rights and the rule of law in the Information Society, CM(2005)56 final 2005 // URL: http://www.ifapcom.ru/files/Deklaratsiya_Komiteta_ministrov_o_pravah_cheloveka_i_verhovenstve_prava_v_informatsionnom_obschestve.pdf

270. Fetscherin M. CDPresent State and Emerging Scenarios of Digital Rights Management Systems // 2002 – The International Journal on Media Management. Vol. 4. No. 3. C. 164 – 171

271. Guiding Principles on Cyber Security. Guidance for Internet Service Providers and Government. Published 12 December 2013 by the Department for Business, Energy & Industrial Strategy and Cabinet Office // URL: <https://www.gov.uk/government/publications/cyber-security-guiding-principles>

272. Lessig L. Reading the Constitution in Cyberspace // URL: http://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=41681

273. Luhmann N. The Autopoiesis of social systems // Luhmann N. Essays on self-reference. New York : Columbia University Press, 1990.

274. Malcolm J. Multi-Stakeholder Governance and the Internet Governance Forum. Terminus Press. Perth, 2008.

275. Press Release from Viviane Reding, Vice-President of the European Commission & E.U. Justice Commissioner, The EU Data Protection Reform 2012: Making Europe the Standard Setter for Modern Data Protection Rules in the Digital Age (Jan. 24, 2012) [hereinafter Reding, Making Europe the Standard Setter], available at <http://europa.eu/rapid/pressReleasesAction.do?reference=SPEECH/12/26>

276. The promotion, protection and enjoyment of human rights on the Internet: resolution (adopted at the 32nd Session) // URL: <https://www.ohchr.org/EN/HRBodies/HRC/RegularSessions/Session32/Pages/ResDecStat.aspx>

277. The right to privacy in the digital age: Resolution adopted by the General Assembly on 18 December 2013 // URL: <http://undocs.org/A/RES/68/167>

278. Roudik Peter. Freedom of speech, Internet, Protest and dissent, Right of privacy // URL: <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/russia-new-legislation-restricts-anonymity-of-internet-users/>

279. Sandford C., Boyle F. Defamation Act 1996: The New Law (Impact Series). Newcastle upon Tyne, 1997 // URL: <http://www.opsi.gov.uk/acts/acts19-96/1996031.htm>

280. Sartor G. Human Rights and Information Technologies // The Oxford Handbook of Law, Regulation and Technology / ed. By R. Brownsword, E. Scotford, K. Yeung. New York, 2017.

281. Walker Robert Kirk. The Right to Be Forgotten // Hastings law journal. 2012. December. Vol. 64:101

282. Wilbur M.K. DMCA: The Digital Millenium Copyright Act. Lincoln (Nebraska). 2001 // URL: <http://www.copyright.gov/legislation/dmca.pdf>

283. Zook, M., Poorthuis, A, Donohue, R. (2016). Mapping Spaces: Cartographic Representations of Online Data. Chapter for the Handbook of Online Research Methods second edition; Graham, M and T. Shelton 2013. Geography and the future of big data, big data and the future of geography. Dialogues in Human Geography 3(3) 255-261.

Интернет-ресурсы

284. <https://finance-times.ru/justice/121/12221.html>
285. <https://blog.wan-ifra.org/2015/07/29/italy-leads-the-way-with-internet-bill-of-rights>
286. <http://www.legislation.govt.nz/act/public/2015/0063/latest/whole.html>
287. <https://www.republique-numerique.fr/pages/in-english>
288. <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/brazil-fake-news-may-annul-candidates-election-in-2018-general-elections/>
289. <http://www.loc.gov/law/foreign-news/article/malaysia-anti-fake-news-act-comes-into-force/>
290. <https://www.bbc.com/russian/features-40557357>
291. <http://2017.rigf.ru/>
292. http://sudact.ru/arbitral/doc/8aoBRhz9tqY4/?arbitral-txt=%D0%BD%D0%B1%D0%BA%D0%B8+%D0%B2%D0%BA%D0%BE%D0%BD%D1%82%D0%B0%D0%BA%D1%82%D0%B5&arbitral-case_doc=&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-doc_type=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=&arbitral-judge=&arbitral-participant=&_=1529144700098&snippet_pos=244#top
293. <https://ria.ru/world/20170627/1497405135.html>
294. <http://www.media.parlament.org.ua/uploads/files/f252.pdf>.
295. <http://internetinside.ru/obshhiy-reglament-es-po-zashhite-personal/>
296. <http://ipc.arbitr.ru/node/13619>